КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

I. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. I. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796 — 1874). **В. Щербины** . . . . . 1—21

II. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова** . . . . . 22—36

III. МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ НРАВООПИСАТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ. **П. И. Житецкаго** . . . . . 37—58

IV. БАНКЕТЪ ДУХОВНЫЙ. **Мирона** . . . . . 59—70

V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО . . . . . 71—88

VI. КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. *(Окончаніе)*. **Б. С. Познанскаго** . . . . . 89—104

VII. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПЕРЕЖИВАНІЯХЪ ВЪ ОБЛАСТИ ВНѢШНЕЙ КУЛЬТУРЫ. **Ник. Бѣляшевскаго** . . . . . 105—111

VIII. МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ († 9 МАРТА 1892 Г.). (Некрологъ). **Н. В.** . . . . . 112—115

IX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Пасхальная вирша. **В. Науменка**. б) Вирши на воскресеніе Христово. **Мирона**. в) Слѣды древнихъ поселеній. **В. Боржковскаго**. г) Цѣлебный источникъ. **В. Боржковскаго**. д) Изъ прошлаго Кіева. **А. Г—скаго**. е) Изъ прошлаго Кіево-Печерской Лавры. **А. Г—скаго**. ж) Кіевскій магистратъ запрещаетъ сотнику торговать въ лавкахъ (1760). **А. А.** з) Сонъ, стихотвореніе кіевскаго студента конца 40-хъ годовъ. **В. Н.** . . 116—130

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. **Е. Пѣтухова**. б) Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ, выпуски 3, 4 и 6. **В. А.** в) Н. П. Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. **Н. В.** г) Обозрѣніе журналовъ . . . . . 131—156

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.

ОБЪЯВЛЕНІЕ . . . . . 1—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го марта 1892 г.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.

I. ЗАПИСКИ АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1796—1874).

Во многихъ семействахъ сохраняются различныя преданія о жизни предшествовавшихъ поколѣній, а иногда и письменные матеріалы—старыя письма, документы, книги, рукописи и т. п. Эти остатки старины нерѣдко представляютъ довольно важные историческіе матеріалы, преимущественно для внутренней, бытовой исторіи, и потому заслуживаютъ тщательнаго сохраненія и разработки. Подобными матеріалами, сохранившимися въ моей семьѣ, нахожу небезполезнымъ подѣлиться съ читателями. Это—стихотворенія дѣда моего Евстафія Петровича Рудыковскаго и записки его младшаго брата Андрея Петровича. Такъ какъ стихотворенія старшаго брата относятся къ 30—40 годамъ, записки же младшаго относятся къ болѣе раннему времени, то помѣщаю сначала эти послѣднія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключаются нѣкоторыя біографическія данныя относительно старшаго брата. Самые матеріалы печатаются безъ всякихъ измѣненій и сопровождаются біографическими очерками, составленными на основаніи семейныхъ преданій и сохранившихся документовъ, а также нѣкоторыми замѣчаніями относительно самыхъ сочиненій.

В. Щербина.

I. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго.

Родъ Рудыковскихъ, по семейнымъ преданіямъ, происходитъ отъ переселившихся въ Польшу въ половинѣ XVIII в. хорватовъ, выходцевъ изъ Иллиріи. Фамилія Рудыковскій представляетъ полонизированную форму первоначальнаго прозвища Рудой. Послѣ переселенія въ Польшу родъ Рудыковскихъ раздѣлился на двѣ вѣтви.—Одна поселилась въ польскихъ областяхъ, приняла католицизмъ и достигла виднаго общественнаго положенія (по преданіямъ, одинъ изъ Рудыковскихъ былъ „архіепископомъ Варшавскимъ при послѣднемъ королѣ польскомъ“). Другая вѣтвь, поселившаяся на Украинѣ, осталась православною и обѣднѣла. Когда украинскіе Рудыковскіе вынуждены были обратиться за помощью къ своимъ богатымъ родственникамъ, съ ихъ стороны поставлено было необходимымъ условіемъ принятіе католицизма. Рудыковскіе не согласились на это и остались бѣдняками. Мнѣ не удалось провѣрить этихъ преданій, но по существу они не представляютъ ничего неправдоподобнаго [1]) и не противорѣчатъ встрѣчающимся въ „Запискахъ“ указаніямъ на семейство автора—отца, православнаго священника, и дядю иконописца, принадлежавшихъ однако по происхожденію къ дворянскому сословію.

Объ отцѣ автора записокъ, Петрѣ Рудыковскомъ, сохранилось слѣдующее преданіе. Онъ былъ келейникомъ преосв. Павла Конюскевича („Павелъ Тобольскій“), когда послѣдній жилъ на покоѣ въ Кіево-печерской Лаврѣ [2]). Когда началась въ Кіевѣ чума, онъ сталъ проситься на родину, къ своей семьѣ. Преосвященный не соглашался, указывая на опасность, и наконецъ, положивъ паспортъ передъ иконою, велѣлъ молиться и поступать такъ, какъ Богъ укажетъ. О. Петръ взялъ паспортъ и ушелъ. Съ большимъ трудомъ выбрался онъ изъ Кіева, такъ какъ кругомъ устроены были карантины, но домой добрался не скоро: дорогою онъ заболѣлъ чумою и нѣсколько недѣль пролежалъ въ какой-то деревнѣ, въ хлѣву.

---

[1]) Преданіе объ архіепископѣ Варшавскомъ оказалось впрочемъ невѣрнымъ, но лицо, о которомъ идетъ рѣчь, могло занимать какой-нибудь другой видный постъ.

[2]) Какъ извѣстно, въ 1768—1770.

Впослѣдствіи о. Петръ былъ священникомъ въ с. Ольшанкѣ (Василькъ. у.). Извѣстно, въ какомъ положеніи было въ эту эпоху сельское духовенство въ нашемъ краѣ. Семья Рудыковскихъ не представляла въ этомъ отношеніи исключенія, какъ можно видѣть изъ записокъ. Въ бумагахъ Андр. Петр. сохранилось нѣсколько писемъ отца къ старшему брату, Евстафію Петровичу. Письма эти также довольно наглядно рисуютъ тогдашняго духовенства, почему нахожу не лишнимъ помѣстить отрывки изъ нихъ въ видѣ приложенія. Письма эти представляютъ еще и тотъ интересъ, что показываютъ, какъ этотъ бѣдный и малообразованный „парохъ церкви ольшанской“ заботился о воспитаніи своего старшаго сына.

У о. Петра было три дочери и два сына. Біографическія данныя о старшемъ сынѣ Евстафіи Петровичѣ мы изложимъ въ другомъ мѣстѣ. Что же касается младшаго, Андрея Петровича (1796—1874), то дѣтство его, воспитаніе въ кіевской бурсѣ и начало военной службы описаны подробно въ предлагаемыхъ его запискахъ. Другая часть этихъ записокъ, описывающая службу автора въ аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ въ новгородской губерніи, еще при жизни автора напечатана была въ „Русской Старинѣ“ [1]). Послѣдующая біографія А. П. несложна. Послѣ перевода въ армію (въ Волынскій полкъ) онъ участвовалъ въ походѣ 1833 г. въ кн. Молдавію и Валахію, въ 1839 г. переведенъ въ Измаильскую крѣпость плацъ-адъютантомъ; въ 1848 г. уволенъ, согласно прошенію, за болѣзнію отъ службы „съ награжденіемъ чина маіора, мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья по 315 р. въ годъ“.

Выйдя въ отставку, А. П. переселился въ Кіевъ и жилъ здѣсь до самой смерти. Просто и скромно провелъ онъ эти года. Чѣмъ-то монашескимъ вѣяло отъ всей его обстановки. Маленькая квартирка, полка съ книгами религіознаго содержанія (любимая книга его была „Училище благочестія“), токарный станокъ, доставлявшій ему необходимый моціонъ и въ тоже

[1]) Устройство военныхъ поселеній (изъ записокъ отставного маіора А. П. Рудыковскаго) 1820—1821 г.—„Русская Старина“ т. VIII, 1873 г., кн. 10, стр. 594—6.

время подспорье къ скромному пенсіону. Развлеченій никакихъ онъ не признавалъ: „Не насытится око зрѣніемъ, ни ухо слышаніемъ“, говорилъ онъ. За то онъ любилъ разсказывать о прошломъ и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о тяжелыхъ условіяхъ своего воспитанія и службы, сравнивая ихъ съ условіями новой, слагавшейся передъ его глазами жизни.

Подъ вліяніемъ подобнаго настроенія написаны и предлагаемыя записки. Этимъ объясняется нѣсколько односторонній характеръ заключающагося въ нихъ описанія кіевской академіи. При всѣхъ своихъ общепризнанныхъ недостаткахъ, школа эта и въ ту пору имѣла свои хорошія стороны: достаточно вспомнить дѣятельность извѣстнаго ея ректора Иринея Фальковскаго[1]). Но автору записокъ не пришлось познакомиться съ этими сторонами, такъ какъ онъ прекратилъ ученіе (вслѣдствіе пожара 1811), будучи въ одномъ изъ низшихъ классовъ академіи. Кромѣ того, при самомъ началѣ его ученія произошла неблагопріятная перемѣна въ управленіи академіею: вновь назначенный митрополитъ Серапіонъ[2]) устранилъ Иринея Фальковскаго отъ управленія академіею, которая, по выраженію біографа пр. Иринея, „оставлена была доживать послѣдніе годы своего двухвѣковаго существованія въ качествѣ всенароднаго училища, подъ руководствомъ малосвѣдущаго, не блиставшаго ни умомъ, ни даромъ слова митрополита“. Въ 1817 г. кіевская академія была, какъ извѣстно, временно преобразована въ семинарію, а въ 1819 г. открыта вновь, но уже на новыхъ началахъ, подъ именемъ кіевской духовной академіи. Старая „Кіево-Могило-Заборовская академія“ прекратила свое существованіе.

Главный интересъ предлагаемыхъ записокъ составляетъ подробная и неприкрашенная картина внутренняго быта древней кіевской академіи въ послѣдніе годы ея существованія наканунѣ преобразованія. Кромѣ того, записки рисуютъ бытъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1883, № 1, 5, 8—**Ириней Фальковскій, коадъюторъ кіевскій.** Г. Булашева.

[2]) См. „Кіевск. Стар.“ 1883 № 9—10—**Серапіонъ митрополитъ кіевскій.** Ф. А. Терновскаго.

сельскаго духовенства въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, бытъ мелкой шляхты, условія тогдашней военной службы,—словомъ, цѣлый рядъ бытовыхъ картинокъ, написанныхъ просто, безыскусственно, но потому именно и возбуждающихъ полное довѣріе.

Воспоминаніе отъ юности бурсацкой жизни до вступленія въ военную службу и до офицерскаго чина.

Предисловіе.

Не осуди меня, читатель, что не по правиламъ грамматики описалъ воспоминаніе моей юности и бурсацкой жизни. Изъ описанія увидишь начало и окончаніе моего жалкаго воспитанія и не будешь удивляться моей неграмотности. Съ этой мудростію я прослужилъ въ военной службѣ два года юнкеромъ и тридцать лѣтъ въ офицерскомъ чинѣ съ Божіею помощію.

А. Р.

О бѣдность, бѣдность!
Горько жить съ тобою,
Нельзя и чувствамъ воли дать!

Родился я 1796 году отъ благочестивыхъ родителей кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда, въ имѣніи графа Браницкаго въ с. Ольшанкѣ, приходскаго священника Петра и матери Ксеніи. По рожденію у родителей я былъ четвертый; послѣ меня еще родилась дочь. Насъ всѣхъ было пятеро дѣтей—два сына и три дочери; самый старшій сынъ Евстафій Петровичъ, который уже находился въ г. Кіевѣ въ школахъ, а остальные дома при родителяхъ.

На годовые праздники и ваканціи старшаго сына брали домой. Однажды какъ-то отецъ опоздалъ послать къ празднику Пасхи и получилъ письмо, что сынъ заболѣлъ и желаетъ скоро видѣться. Отецъ, получивши такое письмо, не взирая на распутицу и разлитіе водъ, на требы по приходу, рѣшился ѣхать въ Кіевъ за сыномъ, поручилъ приходъ священнику другого прихода того же села, а самъ поѣхалъ. По пріѣздѣ къ первой

деревнѣ, гдѣ была плотина, около которой нѣсколько мужиковъ стояло и смотрѣло, какъ вода черезъ плотину идетъ, отецъ спросилъ у мужиковъ можно-ли проѣхать чрезъ плотину? Ему сказали, что плотину вода прорвала и что проѣхать нельзя. Отецъ не послушалъ и пустился на плотину и до перваго прорыва доѣхалъ; лошади съ повозкою и имъ снесла вода внизъ; мужики бросились и спасли лошадей съ повозкою и его, но онъ, перепуганный и простуженный, принужденъ былъ воротиться домой больной и скоро умеръ.

Матушка осталась съ пятью сиротами и не могла уже на свой счетъ содержать старшаго сына на наемной квартирѣ, подала просьбу митрополиту Кіевскому Серапіону, просила о принятіи сына въ бурсу на казенное содержаніе, а ей дать средства къ пропитанію себя съ четырьмя сиротами, при ней живущими. По каковой просьбѣ старшій сынъ принятъ въ бурсу на казенное содержаніе, а для пропитанія самой съ четырьмя дѣтьми предписано другому приходу выдѣлять половину изъ доходу двухъ приходовъ. Эта формальность такъ на бумагѣ икончилась.

Когда необходимость заставила матушку потребовать должной части, послала старшую дочь къ священнику за этимъ доходомъ, то ей дали три хлѣба и болѣе ничего. По прошествіи довольно долгаго времени послала опять требовать должной части изъ доходовъ, и на сей разъ дали два хлѣба и сказали наотрѣзъ—доходу нѣтъ никакого и дѣлиться нечѣмъ. Послѣ этого отказа матушка уже болѣе не посылала, а принуждена своими трудами изыскивать средства къ пропитанію себя съ четырьмя дѣтьми.

Послѣ смерти отца, на хозяйствѣ осталось двѣ пары воловъ, одна корова, пара лошадей; удерживался еще работникъ и одна служанка, которыхъ матушка посылала на чужія поля лѣтомъ заработывать хлѣбъ, и они заработывали на цѣлый годъ. Обстоятельства заставили продать одну пару воловъ, а другая еще осталась для посылки въ лѣсъ за дровами, въ помѣщичій лѣсъ, на что было позволеніе отъ помѣщика, одинъ разъ въ недѣлю. И такъ матушка нѣсколько лѣтъ во вдовствѣ своемъ перебивалась съ прислугой; наконецъ работникъ, же-

нившись, вышелъ на свое хозяйство, осталась одна работница и та не надолго—отошла. Осталась матушка только съ нами, продала и другую пару воловъ по необходимости; осталась корова и пара лошадей, за которыми некому было ухаживать. По смерти отца я еще прожилъ при матушкѣ три года; мнѣ ужъ было семь лѣтъ; братъ старшій велѣлъ меня привезть въ Кіевъ. Меня матушка осенью отвезла и оставила у брата, а сама возвратилась домой. Старшія двѣ дочери подросли и могли уже быть въ помощь матушкѣ по хозяйству. Братъ мой Евстафій Петровичъ пристроилъ меня тоже въ бурсѣ на казенное содержаніе. Я еще не учился; давалъ братъ время привыкнуть къ новой бурсацкой жизни. Послѣ Рождества я заболѣлъ. Меня отвели въ больницу, и я тамъ что-то долго пролежалъ. Къ празднику Пасхи матушка прислала лошадей за нами. Братъ затруднялся, что со мною дѣлать, наконецъ рѣшился меня взять больного. Я не помнилъ, какъ меня положили на сани и отправились въ путь. Дорога была распутная, снѣгу мало по дорогѣ, лошади тощія едва тащились. Не доѣхали домой за двадцать верстъ, принуждены остановиться на ночлегъ въ деревнѣ, гдѣ наши лошадки околѣли. Братъ нанялъ подводу, пріѣхали домой. Матушка увидѣла меня больного и узнала, что лошади пали, была крайне огорчена. Какъ праздникъ прошелъ и какъ братъ уѣхалъ въ Кіевъ, того я не помню. Недѣли черезъ двѣ послѣ праздника я началъ поправляться и выздоровѣлъ. Лѣто оставался дома, а осенью меня опять матушка отвезла въ Кіевъ къ брату. Тутъ я началъ уже учить славянскую азбуку при братѣ. Но не долго продолжалось это мое житье при братѣ: духовное начальство назначило брата отъ Кіевской Академіи въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію, съ тѣмъ чтобы по окончаніи наукъ возвращенъ былъ въ академію обратно для преподаванія старшимъ ученикамъ медицинскихъ лекцій.

Братъ скоро былъ отправленъ въ С.-Петербургъ; я остался безъ всякаго надзора; хотя и просилъ братъ товарищей, но они никакого вниманія на меня не обращали. Грустно и больно мнѣ было мое сиротство и одиночество. Къ кому ни

обращусь я съ просьбою показать мнѣ урокъ, мнѣ отказываютъ, говоря: свои уроки надо учить. Медленно я подвигался впередъ въ моемъ жалкомъ просвѣщеніи. Не успѣлъ я еще выучить славянскую азбуку, какъ мнѣ подсунули латинскую. Началъ долбить a, b, c, и тутъ товарищи начали надо мною смѣяться говоря: смотрите, Рудыковскій началъ долбить a, b, c, онъ хлѣба хце [1]). Мнѣ больно было выдерживать такого рода насмѣшки, а показать урокъ никто не хочетъ. Долго что-то я эту азбуку долбилъ и, не окончивши ея, подсунули мнѣ латинскую грамматику. До сихъ поръ еще я за мою науку не получалъ награды розгами; начали задавать мнѣ уроки и выучивать наизусть, сдавать учителю; сколько я ни старался выучить наизусть заданный урокъ, не имѣлъ дара, приходилъ всегда по звонку на экспликацію со слезами, навѣрно ужъ зналъ, что будетъ: не сдалъ урока, вызываютъ на середину, и тутъ сколько угодно будетъ учителю, столько и отсчитаютъ.

Бывало, въ лѣтнее время ночь мала и хотѣлось-бы подольше поспать, но страхъ наказанія пробудитъ до сходъ солнца; взявъ книгу подъ-мышку и на дворъ, заберешься гдѣ-нибудь въ уголъ между дровъ и начинаешь долбить урокъ, и не успѣешь нѣсколько разъ прочесть урокъ, а тутъ звонокъ уже призываетъ къ развязкѣ на экспликацію. Утерши кулакомъ слезы, книгу подъ-мышку, идешь навѣрно за наградою. Такъ бываетъ: высѣкли, задали другой урокъ, съ тѣмъ чтобы и прежній повторить, и оба на завтра сдать. А не сдалъ—двойная награда!

Что дѣлать было мальчику въ одинадцать лѣтъ при такомъ безтолковомъ ученіи и при такихъ жестокихъ истязаніяхъ! Не къ кому обратиться съ жалобою и за помощью. Сѣдалище такъ уже изукрасили, что нельзя было сидѣть. Безжалостные наши учителя смотрѣли на текущую кровь хладнокровно, приговаривая: учись да не лѣнись!

При этакомъ безтолковомъ ученіи пища была самая скудная. Порція хлѣба не болѣе въ три четверти фунта на обѣдъ и ужинъ. На обѣдъ борщъ въ скоромные дни съ говядиною, но

[1]) Тогда польскія слова вчастую съ русскими словами мѣшали.

говядины только и доставалось философамъ и богословамъ, въ постные дни съ олеемъ; другого кушанія не бывало. На ужинъ готовилась жидкая кашица, а иногда галушки гречневыя величиною въ полфунта, и при разливкѣ въ трапезѣ клалась одна въ миску и дополнялась ухой. Мальчишки попроворнѣе заблаговременно узнавали, что галушки готовятся; приготовятъ деревянную спичку, по колокольчику собираются къ дверямъ трапезы и дожидаются, пока отворятъ двери; двери всегда зачинялись въ трапезѣ, пока пищу разольютъ по мискамъ и разставятъ по столамъ; и тогда отворяется дверь, и вся толпа, собравшаяся у дверей, разомъ бросится къ своимъ столамъ, и тѣ, которые приготовили спички, стараются схватить галушку на спичку, завернувъ ее въ полу и подъ-мышку, старается уйти назадъ, а остальные, усѣвшись около мисокъ похлебаютъ ушицы съ хлѣбомъ, у кого остался отъ обѣда, и съ тѣмъ уходятъ въ свои избы и собираются на экспликацію, т. е. на экзекуцію! Послѣ которой садятся кругомъ столовъ и занимаются уроками и письмомъ на одинъ часъ, послѣ чего ложатся спать. Въ зимнее время послѣ полуночи опять встаютъ, для чего съ вечера посылается два мальчика съ фонаремъ въ Братскій монастырь, въ келію звонаря, и тамъ ночуютъ. Звонарь встаетъ звонить къ заутрени, будитъ мальчиковъ, зажигаетъ въ фонарѣ свѣчу и отправляетъ ихъ въ бурсу. По приходѣ въ бурсу мальчики идутъ по всѣмъ избамъ и зажигаютъ свѣчи; обошедши всѣ избы, фонарь относятъ въ сеніорскую [1]), и сами идутъ въ свою избу и занимаются ученіемъ.

Изрѣдка пріѣзжалъ митрополитъ Серапіонъ во время самаго обѣда и прямо входилъ въ трапезу. Всѣ встаютъ за своими столами и пропоютъ въ одинъ голосъ: „salutamus“. Обошедши всѣ столы, остановившись посрединѣ, скажетъ: „Учитеся, дѣти, во младые лѣта, а когда придетъ старость, тогда вамъ будетъ радость!“ Съ тѣмъ и уѣзжалъ. Митрополитъ тогда жилъ въ Софіевскомъ соборѣ.

---

[1]) Изба, названная сеніорскою, въ которой жилъ сеніоръ; онъ завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ.

Во всѣхъ избахъ, гдѣ жили бурсаки не было никакой мебели, кромѣ стола во всю длину комнаты, а поподъ стѣнами лавки широкія, на которыхъ старшіе ученики спали, а прочая мелочь подъ лавками и подъ столомъ, гдѣ кто захватилъ мѣсто. Подстилки никакой; кто въ чемъ ходилъ днемъ, въ томъ и ложился, книга подъ головы вмѣсто подушки. Изнуренный днемъ заснулъ-бы, да насѣкомыя одолѣваютъ. Клоповъ ужасная бездна подъ лавками и по стѣнѣ; стѣны всѣ исписаны кровью раздавленныхъ клоповъ. Изба никогда не бѣлилась и не чистилась изъ году въ годъ. Страшное неряшество.

Въ это время свирѣпствовала болѣзнь *короста* нарывная, больныхъ отправляли въ больницу, которая находилась на берегу Днѣпра, возлѣ Ильинской церкви, и тамъ на кухнѣ лѣчились дегтемъ и принимали сѣрные порошки; прочіе больные особо въ комнатахъ лежали на кроватяхъ. Докторъ былъ Бунге, посѣщалъ всякій день, прописывалъ лѣкарства, красные камфорные порошки. Не забуду до смерти, какъ они были противны. Пища больнымъ была одна, самая тоже скудная: жидкій супъ съ картофелемъ и въ скоромные дни съ говядиной, и то золотниками; другого кушанья не бывало. Хлѣба не давалось, а давали называемое жалованіе—каждому больному по два гроша на булку. Самымъ труднымъ (больнымъ) варилась буквица съ медомъ вмѣсто чаю. Поваръ въ больницѣ былъ отставной солдатъ Семеновъ. Въ свободное время онъ занимался шитьемъ сапоговъ; въ частую онъ посылалъ двухъ мальчиковъ съ ведромъ къ Днѣпру по воду, которые лѣчились на кухнѣ отъ коросты, въ однѣхъ рубахахъ и босикомъ; простуживались и къ болѣзни получали простудную болѣзнь. На это никто не обращалъ вниманія.

При такой горестной и скудной жизни при изнуреніи, заболѣлъ я весной 1809 году золотухою; вся голова моя покрыта была сплошнымъ струпомъ, волоса слиплись матеріею. Меня отвели въ больницу, гдѣ я что-то долго пролежалъ, и ничего мнѣ не дѣлали. Появились на головѣ кучи вшей, которыя расползались по всему тѣлу. Бывало выйдешь на дворъ и руками отряхнешь на землю съ головы, а рубашку скинувши, тоже

руками обметешь. Въ такомъ положеніи меня застала старшая сестра, приходившая на поклоненіе. Нашла меня въ больницѣ и когда увидѣла меня, ужаснулась и зарыдала; нагрѣла воды, омыла мнѣ голову, рубаху сняла, выпарила и вымыла. Мнѣ показалось легче; но она не могла оставаться при мнѣ долго; на другой день отправилась домой, и чрезъ нѣсколько дней опять увидѣлъ на себѣ тоже. Этими насѣкомыми изобиловали всѣ больные, у каждаго на кровати бездна; одинъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати былъ тяжело боленъ и когда умеръ сняли съ него одѣяло, то кругомъ тѣла на пол-вершка кучи вшей; такъ его съ кроватью и вынесли на дворъ. И что мудренаго: бѣлья по нѣскольку мѣсяцевъ не перемѣняли, прислуги къ больнымъ никакой не было, а выздоравливающіе мальчики служили, приносили съ кухни пищу для больныхъ, горницы подметали, зимою печки истапливали, и больше ничего; а для роздаванія лѣкарства вмѣсто фельдшера, жилъ тутъ же ученикъ риторики Рудецкій [1]); онъ принималъ отъ доктора рецепты, посылалъ въ аптеку и раздавалъ больнымъ по назначенію.

Въ такомъ положеніи жизнь моя юная продолжалась до 1811 года. Въ этомъ году случился пожаръ на Подолѣ, отъ котораго весь Подолъ сгорѣлъ, въ томъ числѣ Братскій монастырь съ церковью, академическіе классы, бурса. Пожаръ этотъ случился передъ самымъ роспускомъ на вакаціи. Всѣмъ ученикамъ было объявлено не пріѣзжать въ Кіевъ, пока не исправятся погорѣвшія зданія; но эти зданія что-то долго не были исправлены по тогдашней скудости матеріальныхъ средствъ.

Кое-какъ я добрался домой. Старшая сестра была уже замужемъ, и зять жилъ вмѣстѣ. Пока я оправился въ здоровьѣ, меня не употребляли ни на какія работы. Какъ только я поправился, меня зять началъ посылать къ своимъ роднымъ на полевыя работы. Это было осенью и не по моимъ силамъ. Цѣлый день изнурялся я при одномъ сухомъ хлѣбѣ и часто безъ воды. Такъ я продолжалъ эти работы, пока поля не были за-

---

[1]) Въ книгѣ Аскочинскаго показанъ въ 1813 г. „лекарскій помощникъ студентъ богословія Родецкій Ѳедоръ“. (Кіевъ, т. II, стр. 468).

сѣяны. Зиму кое-какъ я провелъ у одного шляхтича: училъ двухъ сыновей читать и писать, какъ самъ зналъ. Тутъ я имѣлъ по крайней мѣрѣ порядочную пищу. Открылась весна, меня потребовали домой, и опять послалъ меня зять къ своимъ родственникамъ на тѣ же работы—пахать, бороновать, пока не кончились работы засѣвамъ, послѣ чего я отдыхалъ до жатвы. Настала жатва; матушка договорилась у одного зажиточнаго шляхтича съ третьяго снопа жать; матушка, двѣ сестры и я ходили на жнива, заработали хлѣба довольно, такъ что хлѣба у насъ было достаточно на цѣлый годъ до новаго года. И такъ мы года два трудились по чужимъ полямъ, пока матушка на полѣ не заболѣла. Съ трудомъ мы довели ее домой; она слегла и скоро умерла. Я тоже въ этотъ день заболѣлъ горячкою и не помнилъ, какъ матушку похоронили. Когда началъ выздоравливать, спросилъ, что я матушку не вижу; мнѣ сказали, что матушка поѣхала къ роднымъ; а когда я совершенно выздоровѣлъ, узналъ, что я круглый сирота. Въ Кіевъ не было еще призыва къ ученію, года уходятъ, что мнѣ дѣлать! Узналъ я отъ старшей сестры, что есть дядя по матери) уніатскій священникъ васильковскаго уѣзда с. Сухолисъ. Я отправился къ нему, нашелъ, и онъ меня принялъ, какъ родного сироту. У него было два небольшіе сына, которые еще не учились; онъ заставилъ меня учить читать и писать; такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ занятіи. Къ сожалѣнію моему я узналъ, что дядя пристрастенъ къ горячимъ напиткамъ. Я увидѣлъ, что тутъ не жить мнѣ, ожидалъ пріѣзда сестры, которая обѣщала пріѣхать навѣстить меня. Подъ осень она съ мужемъ пріѣхала, узнала отъ меня подробности, взяла меня съ собою и поѣхала въ г. Житомиръ, гдѣ также былъ дядя по отцу. По пріѣздѣ въ Житомиръ, сколько ни распрашивали о дядѣ, никто не зналъ; наконецъ узналъ, что онъ въ городѣ не живетъ, а что дочь его за мужемъ за дворяниномъ Журавскимъ, котораго домъ намъ указали. Нашли и отрекомендовались родственни-

---

[1]) Изъ сохранившейся метрической выписи видно, что жена о. Петра Рудковскаго была „изъ Свѣнтославскихъ Ксенія“.

ками; насъ приняли разумѣется какъ деревенскихъ жителей. Тутъ мы узнали, что дядя въ двухъ деревняхъ занимается подрядами на новые иконостасы писать образа, и что онъ пріѣзжаетъ въ городъ для закупки матеріаловъ. Я упросился остаться и дождать пріѣзда дяди. Зять Журавскій занимался тоже подрядами мебельными; онъ держалъ у себя столяровъ, которые дѣлали мебель по заказу и въ новыхъ домахъ оконъ и дверей; самъ онъ не работалъ, а только отыскивалъ работы. Тутъ я, присмотрѣвшись къ дѣлу столярному, началъ кое-что строгать и скоро понялъ. Мнѣ дали выдѣлывать ножки къ стульямъ; жилъ я съ мастеровыми, обѣдалъ съ ними и спалъ въ мастерской, не какъ родственникъ, но какъ чужой; меня начали употреблять на разныя посылки. Вижу я, что зима недалеко, а у меня нѣтъ не только зимней, но и лѣтней одежды. Я началъ изъ обрѣзковъ дерева дѣлать разные скамейки, ящички, шкатулочки—ночью, покупая свѣчу; продавалъ и собиралъ гроши до грошей, и кое-что себѣ началъ покупать съ сапоговъ до рубашки и такимъ образомъ кое-какъ прикрывалъ наготу мою. Зять увидѣлъ мою способность къ дѣлу, былъ доволенъ мною. Тутъ мнѣ пришла охота сдѣлать скрипку, принялся и сдѣлалъ довольно порядочную, всѣ удивились; началъ учиться играть по слуху.

Зима кончилась. Въ великій постъ пріѣхалъ дядя въ городъ за покупками матеріаловъ и остановился въ домѣ дочери; ему сказали, что племянникъ здѣсь, родного брата сынъ осиротѣвшій; дядя позвалъ меня въ горницу, распросилъ обо всемъ подробно и сказалъ, что возьметъ меня съ собою. О братѣ я ничего не зналъ, живъ-ли онъ или нѣтъ, и я ему ничего не могъ сказать. Погостилъ онъ дня три, собрался ѣхать и мнѣ приказалъ быть готовымъ; распростился я съ моими товарищами по ремеслу и родными, уѣхалъ съ дядею въ деревню верстовъ за тридцать отъ города. По пріѣздѣ въ деревню меня дядя отрекомендовалъ племянникамъ, своей второй женѣ, которая косо посмотрѣла на меня и отворотилась. Старшая дочь у него была уже невѣста; та меня нѣсколько обласкала. Окинулъ я глазами все хозяйство: плохо, нищета; подали обѣдъ:

борщъ съ грибами даже безъ олеи, каша пшонная съ борщемъ, хотя былъ мясоѣдъ.

Въ это время, какъ я находился у дяди, начали проходить черезъ эту деревню полки корпуса Воронцова, который находился въ Парижѣ по взятіи его до уплаты контрибуціи. Въ этомъ корпусѣ при штабѣ служилъ и мой братъ Евстафій Петровичъ помощникомъ корпусному доктору. Проходя чрезъ Житомиръ корпусный штабъ, братъ зналъ домъ двоюродной сестры и уже прежде былъ знакомъ; прямо заѣхалъ къ ней, пробылъ дневку и тутъ узналъ обо мнѣ; а какъ я находился въ деревнѣ и въ сторонѣ отъ маршрута, не могъ заѣхать за мной, оставилъ денегъ у сестры и просилъ нанять попутчика и прислать меня въ Кіевъ, гдѣ была назначена корпусная квартира.

Между тѣмъ пока мнѣ въ Житомирѣ пріискивали попутчика, и я еще ничего не зналъ о братѣ, какъ братъ самъ въ Кіевѣ пріискалъ попутчика, и тотъ попутчикъ заѣхалъ въ Житомиръ за мной, меня тамъ не нашелъ, ему сказали, что я нахожусь въ деревнѣ по пути въ Кіевъ; попутчикъ везъ купеческіе товары, заѣхалъ за мной и подалъ мнѣ письмо. Тутъ только я по прочтеніи письма узналъ, что братъ живъ, и что я скоро увижусь съ нимъ. Какъ я тутъ обрадованъ былъ въ это время, и пока мой попутчикъ выкормилъ лошадей, я ужъ готовъ былъ въ дорогу; распрощавшись съ родными, поблагодарилъ ихъ за хлѣбъ-соль, сѣлъ въ сани, и тройка добрыхъ коней помчалась по хорошей дорогѣ. Проѣхали мы день и ночь, на другой день въ десять часовъ въ Кіевѣ и на квартирѣ у брата. Брата я не засталъ. Деньщикъ зналъ, что я пріѣду, принялъ меня, обогрѣлъ чаемъ, приготовилъ обѣдъ, накормилъ меня досыта. Братъ у себя не держалъ стола, а у корпуснаго доктора всегда обѣдалъ. Къ вечеру братъ пріѣхалъ и засталъ меня; очень былъ радъ. Увидѣлъ меня, что я ужъ парень хоть куда порядочный, сказалъ: ну, братъ, наука тебѣ не далась, надо итти въ полкъ и дослуживать шпаги, а для этого нужно тебѣ свидѣтельство о дворянствѣ; надо ѣхать въ Житомиръ къ дядѣ и съ нимъ хлопотать въ дворянскомъ собраніи, гдѣ наша родо-

словная вписанная. Дождались весны, поѣхали въ Житомиръ, отыскали дядю, объяснили причину нашего пріѣзда. Дядя сказалъ, что этого скоро сдѣлать нельзя; въ такомъ случаѣ братъ меня оставилъ у дяди, а самъ отправился обратно. Дядя отвезъ меня въ Житомиръ, написалъ просьбу предводителю дворянства, отправился со мной и подалъ просьбу правителю канцеляріи, а сей сказалъ, что черезъ недѣлю навѣдаться. Дядя поручилъ ходатайство зятю Журавскому. Тутъ потребовались деньги на расходъ; я написалъ къ брату, и мнѣ скоро высланы были деньги пятьдесятъ рублей, которые и были переданы зятю Журавскому. Въ скоромъ времени выдали мнѣ дворянское свидѣтельство. Скоро я отыскалъ попутчика и отправился въ Кіевъ; братъ былъ обрадованъ скорому и успѣшному дѣлу. Его желаніе было опредѣлить меня въ тотъ же полкъ, въ которомъ началъ свою службу; къ моему счастію все шло хорошо; полковой казначей пріѣхалъ въ Кіевъ за жалованіемъ и пріемкой годовыхъ вещей и навѣстилъ брата; тутъ братъ представилъ меня и просилъ взять съ собою и опредѣлить въ полкъ. Казначей охотно согласился, сказалъ—по пріемкѣ годовыхъ вещей дастъ знать, когда онъ отправится въ полкъ, и чтобъ я было готовъ. Черезъ недѣли двѣ онъ окончилъ пріемку, отправилъ транспортъ, и мнѣ велѣлъ приходить на его квартиру. Я собрался; меня братъ отвезъ и оставилъ у него; за лошадьми былъ послано уже, и мы скоро отправились въ дорогу. Квартира полковая была черниговской губерніи въ посадѣ старообрядцевъ Климовѣ. По пріѣздѣ въ полкъ и на другой день призвалъ аудитора, завѣдующаго полковою канцеляріею, отдалъ мое свидѣтельство, приказалъ отдать въ приказѣ по полку о зачисленіи меня на службу недорослемъ изъ дворянъ подпрапорщикомъ съ назначеніемъ въ первую гренадерскую роту, а между тѣмъ меня оставилъ при полковомъ штабѣ для обмундировки, призвалъ полкового закройщика и приказалъ ему меня обмундировать. Мнѣ отвели квартиру у богатаго раскольника; тутъ мнѣ было очень хорошо; кормили меня отлично, и какъ я трубки не курилъ и табаку не нюхалъ, меня сажали съ собою за столъ. Я увидѣлъ у нихъ книгу, читалъ имъ, и они всѣ были мною довольны.

Казначей распорядился, чтобы меня оставить при штабѣ и чаще меня видѣть, предложилъ полковому командиру собрать изъ полка молодыхъ и расторопныхъ солдатъ въ штабъ для обученія грамотѣ, читать и писать, приготовить въ унтеръ-офицеры. Это было исполнено въ скоромъ времени. Мнѣ были они поручены обучать и въ помощь мнѣ еще дали одного юнкера. Квартира для школы была отведена, и я началъ учить. Два дня въ недѣлю были назначены для фронтовой службы и ружейной экзерциціи; тутъ и меня учили; а между тѣмъ я досталъ школу рекрутскую и самъ изучалъ правила. Такимъ образомъ я успѣвалъ въ обученіи солдатъ грамотѣ и самъ учился. И такъ до году всѣ мои ученики порядочно читали, писали и четырехъ правилъ ариѳметики знали; всѣхъ ихъ произвели въ унтеръ-офицеры, а двухъ изъ нихъ, остряковъ, прямо въ фельдфебеля.

Такъ я годъ прожилъ, училъ и учился самъ. На другой годъ меня произвели въ портупей-прапорщики, и я перемѣнилъ тесакъ на шпагу съ серебрянымъ темлякомъ, и старшіе подпрапорщики остались назади. Въ первый инспекторскій смотръ дивизіоннаго начальника Вуича, послѣ осмотра фронта и аммуниціи, были вызваны впередъ передъ фронтъ всѣ юнкера [1]), выстроились въ линію; началась экзаменовка ружейныхъ пріемовъ по одиночкѣ, и кто изъ насъ показался въ успѣхѣ, того вызывалъ впередъ; въ томъ числѣ и я былъ вызванъ, но не зналъ для чего; вызвано насъ было четыре; начальникъ дивизіи указалъ на насъ четырехъ полковому командиру, приказалъ представить въ офицеры. Тутъ полковой командиръ указалъ на меня и сказалъ, что я впродолженіи года и самъ довольно успѣлъ въ рекрутской школѣ и тридцать молодыхъ солдатъ выучилъ читать, писать и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, и всѣ они произведены въ унтеръ-офицеры и два изъ нихъ въ фельдфебеля.

Начальникъ дивизіи поощрилъ меня тѣмъ, что приказалъ меня поставить въ спискѣ къ производству первымъ; и за все

---

[1]) Ихъ было въ полку сорокъ.

это я обязанъ моему благодѣтелю, полковому казначею Саввѣ Осиповичу Циклинскому.

По производствѣ въ офицеры, уже не такъ мнѣ фортунило. На другой годъ по производствѣ въ офицеры судьба меня забросила въ поселенные войска графа Аракчеева; съ 1820 г. и по 1830 годъ служилъ я въ этихъ резервахъ, гдѣ запрещена была отставка и домовые отпуски на семь годовъ, подъ видомъ за недоведеніе нижнихъ чиновъ по фронтовой части; комплектъ офицеровъ не убавлялся, а потому и производства въ высшіе чины не было.

Подробностей моихъ неудачъ, какъ по службѣ, такъ разныхъ предпріятій я не упоминаю, нахожу излишнимъ; скажу только, что съ подпоручичьяго чина начальство нашло меня способнымъ командовать ротой, и я принялъ и командовалъ постоянно одиннадцать лѣтъ до капитанскаго чина, что это въ арміи рѣдкость: старшіе офицера оставались безъ ротъ, а младшіе командовали.

По полку, бригадѣ и дивизіи были отдаваемы приказы, лестные для меня—образцовымъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ, какъ по фронтовой, такъ и по хозяйственной части, и вся эта слава принесла мнѣ столько пользы, какъ голодному запахъ жареной баранины.

Послѣ инспекторскихъ смотровъ дѣлались представленія къ наградамъ, но награды получали только полковые, баталіонные командиры и тѣ офицеры, которые были ближе знакомы съ женами командировъ, хорошо умѣли льстить и въ мазуркѣ отличались; а кто отличался на полѣ и по фронтовой службѣ, тотъ оставался незамѣтнымъ и напрасно истощалъ силы.

Кромѣ фронтовой службы, вчастую меня отрывали отъ роты и посылали въ разныя командировки, какъ-то за пріемкой годовыхъ и трехъ-годовыхъ вещей и жалованія, и за всякимъ разомъ выдавались мнѣ похвальные листы; у меня ихъ накопилось много, я представилъ при рапортѣ и просилъ занести ихъ въ формулярный списокъ, для каковыхъ и графа обозначалась въ формулярномъ спискѣ, но мнѣ и въ этомъ отказано, послѣ чего я бросилъ ихъ въ печь.

Послѣдняя моя командировка была самая важная и самая опасная. Въ 1830 году, смѣнившись съ караула въ Кіевѣ, возвратились на свои квартиры въ Харьковскую губернію. Не успѣлъ я расквартировать роту по деревнямъ, вдругъ получаю предписаніе сдать на законномъ основаніи роту назначенному штабсъ-капитану и явиться къ отрядному командиру, генералъ-маіору Коровкину для особаго порученія. Въ два дня сдалъ я роту и поспѣшилъ явиться къ отрядному командиру. Тутъ я получилъ предписаніе и требованіе въ воронежскую коммисаріатскую коммиссію на жалованіе и ремонтныя деньги для второй уланской дивизіи, кирасирскихъ кадръ и восемнадцать пѣхотныхъ резервныхъ баталіоновъ,—всей суммы на 140000 р. ассигнаціями. Меня это до крайности удивило, что мнѣ незнакомому пѣхотному офицеру дѣлается такая важная порученность. Неужели же въ кавалеріи не оказалось офицера, которому можно было-бы поручить такую порученность?

Нечего тутъ было долго разсуждать. Получивши документы, поторопился пуститься въ путь. Страхъ понуждалъ меня: о холерѣ пронесся слухъ, что въ Астрахани холера. Въ то время еще никто понятія не имѣлъ объ этой страшной эпидеміи. По пріѣздѣ въ Воронежъ и на другой день получилъ требуемую сумму денегъ, и на третій день въ обратный путь пустился. При мнѣ два конвойные были—жандармъ отъ кавалеріи и унтеръ офицеръ отъ пѣхоты. Проѣхалъ я первую станцію благополучно; на другую пріѣхалъ, и тутъ уже карантинъ учрежденъ. Меня останавливаютъ на четырнадцать дней въ дурной грязной и курной деревушкѣ Рындино, по имени помѣщика Рындина; показали мнѣ квартиру курную, мокрую, въ которой поросята и теля подъ поломъ, вонь невыносимая. Вотъ тутъ-то я ахнулъ. Зналъ я прежде, что эту деревушку населилъ помѣщикъ изъ бродягъ и что въ этой деревушкѣ дѣлались частые грабежи, при участіи и самого помѣщика. Видя себя въ такомъ положеніи, что я могъ заболѣть въ такой квартирѣ и могъ быть ограбленъ, на другой день я приготовилъ рапортъ въ коммиссію съ описаніемъ моего опаснаго положенія, просилъ

распоряженія освободить меня отъ этого карантина и снабдить меня свидѣтельствомъ, что я слѣдую изъ благополучной стороны, и чтобъ меня нигдѣ не задерживали, какъ я по казенной и экстренной надобности проѣзжаю. На четвертый день я получилъ отъ коммиссіи свидѣтельство на безостановочный проѣздъ, и губернаторомъ предписано въ карантинъ къ начальнику освободить меня безъ малѣйшаго задержанія. И такъ я благополучно пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ тоже карантинъ устраивался. Мнѣ оставалось еще ѣхать въ г. Чугуевъ въ отрядный штабъ для сдачи денегъ. Я ночью отправился. По пріѣздѣ въ штабъ, по сдачѣ старшему адъютанту денегъ, получивъ квитанцію, того же дня возвратился въ Харьковъ. Въ Харьковѣ прожилъ я недѣлю, пока пріемщики отъ баталіоновъ не пріѣхали. Раздавъ въ каждый баталіонъ деньги и получивъ квитанціи, отправился къ своей ротѣ, и тѣмъ окончилась моя командировка. Скоро опять насъ потребовали въ Кіевъ для содержанія карауловъ, а дѣйствующіе полки пошли въ помощь противъ мятежниковъ.

По прибытіи нашей резервной дивизіи въ Кіевъ и по занятіи карауловъ, вскорѣ Государь пріѣхалъ и сдѣлалъ смотръ нашей дивизіи и остался доволенъ, приказалъ отдѣлить маршевые баталіоны и отправить въ Варшаву на усиленіе дѣйствующихъ войскъ. Въ это время и меня начальникъ штаба корпуса Красовскій назначилъ съ маршевымъ баталіономъ, и тѣмъ я навсегда освободился изъ резерва и зачисленъ въ дѣйствующій полкъ.

А. Р.

Приложеніе.

Письма о. Петра Рудыковскаго къ сыну.

I.

Серцемъ любезнѣшому моему сину Евстафію Рудиковскому.

Посилаетъ ся чрезъ Килила дячка, что есть прописано въ свѣдѣтельствѣ [1]), а что не прописано то здесъ пишу для вероятія, и посилаю на греческую книжицу что ти писалъ 3 палтинѣ, я рублей два посилаю за одного купи книжицу, а другого держи на иную потребу. А на сѣно для лошадей 3 гривнѣ даю, шапка какъ здѣла; то не палощи въ той ходи что тебѣ куплена, при семъ объявляется что ми еще живи и здрави, памилости всенавишаго Бога и создателя нашего, матушка твоя Родителька Сердечно тебе поздравляетъ; сестрицѣ Алеѯада, Евгенія, Марѣяна, и братъ Андрей умило поздравляютъ, даби ти училъ ся и Богу малилъ ся; по нихъ память имѣлъ; да будетъ Благословеніе Божіе на тебѣ и буди всѣмъ смиренъ то благодать обрящешъ отъ Спасителя и Бога.

Петръ Рудиковскій родитель твой.

Въ Ольшанидѣ 10 чис.
1799.

II.

Къ сему еще и благословеніе Божіе тебѣ посилаю да обучайся и дастъ разумъ тебѣ Господь и щастіе; я еще здравъ и матушка твоя здрава, сестри твои здрави, а братъ твой Андрей болящій внек ли вкропотъ; да страждетъ лютѣ; А тебе малитъ чтобъ пошолъ ти до великомученици варвари чтобъ его исцѣлила балѣзнь поклоновъ сколко милость твоя братерска изъвалитъ вдарить за ево здавіе.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ писемъ служили для подателя свидѣтольствомъ на свободный проѣздъ и замѣняли такимъ образомъ паспортъ.

III.

Евстафію Рудиковскому.

Немалую ти мѣнѣ Печаль придалъ съвоимъ писаніемъ, что ти пророковалъ о свои смрти, и о моей, которая уже и била уже мнѣ у Германовской слободцѣ на греблѣ; все затопилъ мешковъ два, третій съ хлѣбомъ, четвертій зовсомъ, дѣжка огурцовъ, дѣжка съ саломъ и спромъ, мяса свиного стегно и плечко, свитка дячкова и сокира и сверделъ; на рублей два шкоды благодару Бога моего что мене выратовали и дячка; возъ и мешки салдаты зъбѣглися и выратовали, люде знаеми прняли на квартиру, А я воротился вдомъ свой, только что живій, води великіи заишли, а ти ожидаи доброи резолюцѣи якъ можетъ. Хозяина и хозяику якъ могтиму такъ буди петртеватъ по святахъ, приедемъ обое якъ води устанутъ, на потребу твою посилаю тебѣ гривенъ десять.

пша палъ-корца затопилосъ въ водѣ не нашли.

Петръ Рудиковскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Въ 1881 г. я защищалъ въ харьковскомъ университетѣ магистерскую диссертацію о свадебныхъ обрядахъ. Моими оффиціальными оппонентами были А. А. Потебня и А. И. Кирпичниковъ. Изъ возраженій Потебни составилось въ печати нѣсколько статей, вошедшихъ въ первый томъ его „Объясненій малор. пѣсенъ“ (Возраженія г. Кирпичникова вошли въ его критическую статью въ Журн. Мин. Нар. Просв.). „Объясненія малор. и сродныхъ пѣсенъ“—капитальный этнографическій трудъ, безусловно лучшій въ малорусской этнографіи. Веснянки и въ особенности колядки здѣсь подвергнуты глубокому и разностороннему изученію. Кромѣ того, въ обоихъ томахъ „Объясненій“ разбросано множество цѣнныхъ этимологическихъ замѣтокъ и этнографическихъ этюдовъ. Это подвигъ научный, нравственный, патріотическій, подвигъ глубоко назидательный, какъ высшій образецъ безпристрастнаго, объективно-научнаго служенія родинѣ.

Сочиненіе Потебни о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсняхъ заслуживаетъ полной и мотивированной оцѣнки по частямъ. Общая высокая оцѣнка этого капитальнаго труда дана В. И. Ламанскимъ, по предложенію Географ. Общества, которое въ силу этой оцѣнки, дало Потебнѣ высшую награду—Константиновскую медаль. Я имѣлъ случай коснуться первыхъ главъ 2 тома „Объясненій“ въ статьѣ „Научное изученіе колядокъ“ (1886 г.), но трудъ Потебни тогда не былъ еще законченъ. Га-

[1]) См. Кіевск. Старина 1892 г., № 3.

лицкая газета „Зоря“, по поводу моей статьи о колядкахъ, обѣщала обстоятельный разборъ „Объясненій“ Потебни; но обѣщаніе это, кажется, осталось невыполненнымъ. Какъ трудно справиться съ обширнымъ изслѣдованіемъ Потебни, видно изъ рецензіи г. Неймана на 1 т. „Объясненій“, напечатанной въ IV кн. „Кіев. Старины“ 1884 г. Рецензентъ отчетливо передаетъ содержаніе первыхъ 15 стр. труда Потебни, слѣдующія затѣмъ 19 стр. переданы уже неясно, сбивчиво, а отъ изложенія и оцѣнки остальныхъ 230 стран. рецензентъ отказывается и ограничивается нѣсколькими замѣчаніями о принятой Потебней группировкѣ пѣсенъ по размѣру. Г. Нейманъ—серіозный этнографъ, авторъ нѣсколькихъ хорошихъ трудовъ по малорусской этнографіи, и отъ него можно было ожидать если не всесторонней оцѣнки 1 т. „Объясненій“, то, по крайней мѣрѣ, яснаго обзора его содержанія. „Дѣло въ томъ, говоритъ г. Нейманъ, что этотъ трудъ (Потебни), подобно другимъ (?) его трудамъ неудобочитаемъ, да, просто неудобочитаемъ въ прямомъ смыслѣ этого слова.... Потебня до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ (въ этомъ случаѣ П. подчинялся правописанію Рус. Фил. Вѣст.) и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній, что тоже затрудняетъ чтеніе; но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою. Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія Потебни, по мнѣнію г. Неймана, много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. При этомъ г. Н. замѣчаетъ, что „всѣ работы Потебни отличаются большой содержательностью, мѣткостью сопоставленій, оригинальностью выводовъ“. „Я

не знаю другого автора, говоритъ г. Н., который въ такой степени соединялъ бы въ себѣ и замѣчательную эрудицію, и удивительную память, сохраняющую неуловимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ". Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Неймана есть много справедливаго. Не только разборъ и оцѣнка „Объясненій", но и самое чтеніе этого труда П. требуетъ отъ читателя большой научной подготовки и умственныхъ усилій. Приходится вчитываться въ детали, чтобы опредѣлить нить мысли автора, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ ничего не выдвигаетъ и не подчеркиваетъ. Такой способъ изложенія можно было бы поставить Потебнѣ въ упрекъ при другомъ матеріалѣ, болѣе цѣльномъ. Въ области же мелкихъ поэтическихъ мотивовъ осторожность Потебни представляется вполнѣ умѣстной. Эта осторожность вытекаетъ изъ образцовой научной добросовѣстности автора, тщательно устраняющаго всякую личную односторонность и тенденціозность не только въ научномъ объясненіи фактовъ, но даже въ распредѣленіи ихъ. Потебня не допускалъ насилія надъ научнымъ фактомъ, хотя бы насиліе это производилось съ благими намѣреніями. Результаты могли не отвѣчать этимъ намѣреніямъ; могла получиться безобразная, фальшивая постройка. Потебня, кстати замѣтить, не любилъ драпироваться въ тогу ученаго и говорить orbi et urbi отъ имени какой-то цѣльной и непогрѣшимой науки. Онъ терпѣть не могъ и строго осуждалъ тѣхъ людей, которые вѣщаютъ отъ имени „науки", точно ея уполномоченные; „наука, молъ, такъ говоритъ", „по выводамъ современной науки" и пр. За этими вѣщаніями Потебня усматривалъ личное самохвальство, непониманіе значенія науки, наглое стремленіе къ самозванству и къ ограниченію свободы мысли и критическаго пониманія.

Въ „Объясненіяхъ„ заключается масса пѣсеннаго матеріала всѣхъ славянскихъ и нѣкоторыхъ неславянскихъ народовъ, преимущественно нѣмцевъ и литовцевъ. Съ фольклоромъ романскихъ народовъ П. не былъ знакомъ и не пользовался имъ, что обусловлено было главнымъ образомъ большими пробѣлами университетской библіотеки по филологіи и фольклору роман-

скихъ народовъ, пробѣлами, лишь въ послѣднее время отчасти устраненными соединенными усиліями нѣсколькихъ преподавателей историко-филологическаго факультета. А. А. Потебня заботился объ облегченіи читателя въ пользованіи его трудами и потому снабдилъ свои изслѣдованія 80-хъ годовъ, въ частности „Объясненія", подробными оглавленіями и еще болѣе подробными предметными указателями. Въ самомъ объемистомъ трудѣ „Колядкахъ" (II т. "Объясненій") указатель выдается по полнотѣ и детальности, причемъ поэтическіе мотивы и образы отмѣчены однимъ шрифтомъ, а объясненія отдѣльныхъ словъ—другимъ. При такомъ указателѣ матеріалъ спеціально лингвистическій отдѣленъ отъ матеріала собственно этнографическаго, слитыхъ въ самомъ изслѣдованіи по ихъ внутреннимъ родственнымъ отношеніямъ. Составленіе этихъ указателей снимаетъ вполнѣ съ Потебни обвиненіе въ невниманіи къ читателю. Трудность изученія „Объясненій" зависитъ отъ существа предмета, тонкости и глубины анализа, обилія фактовъ и глубины соображеній автора. Всѣ же частныя справки очень имъ облегчены.

Первая статья написана въ *разъясненіе пѣсенныхъ выраженій мысли „что къ чему идетъ"*, начиная съ пѣсеннаго символическаго выраженія „сосновое видеречко, дубовое донечко, ходимъ, повинчаймось мое сердечко". По мнѣнію Потебни, это выраженіе создано лицомъ, которое видѣло передъ собою или вспоминало только что видѣнное озерцо съ плавающимъ на немъ ведромъ. Символизмъ состоитъ въ мысли: мы пристали другъ къ другу, какъ дубовое дно къ сосновому ведру. Такимъ образомъ, „сосновое видеречко, дубовое донечко" есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню ровнѣ. Затѣмъ Потебня удачно выясняетъ разные символы взаимности любви: обвиваніе дерева нитью, шелковинкой, хмѣлемъ, сопилка и денце, скрипка и струны. Невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, причемъ бондарь-любовникъ, „зробыть на коновку денце"—полюбитъ дѣвицу. Вслѣдствіе обычности этого образа онъ сталъ запѣвомъ многихъ свадебныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ ихъ содержанію, но представляющимъ лишь формальное ихъ опредѣленіе, напр., „у тій чашенци солодокъ медокъ". Потебня

считаетъ глубоко-древнимъ сходство въ малор. и великор. свадебныхъ пѣсняхъ мотивовъ о золотой чарѣ, золотомъ кубочкѣ. Эта статья обнимаетъ 15 стр. Она очень цѣнна для уразумѣнія символизма народной поэзіи.

Вторая статья посвящена объясненію выраженій „*лелю-полелю*“, „*диди-ладо*“. (16—38). Потебня собралъ массу этихъ выраженій въ пѣсняхъ и старинныхъ памятникахъ, причемъ во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ поддѣлку. Мнѣніе В. Ѳ. Миллера, Н. Ѳ. Сумцова и др. о миѳическомъ значеніи *леля* и *лады* подвергается сильному сомнѣнію. Авторъ склоняется къ мнѣнію, что лель и диди-ладо были когда-то обыкновенными словами и затѣмъ утратили свое значеніе и стали припѣвами. Сомнѣнія сильны; но положительные выводы неясны, и авторъ, по шаткости матеріала, не рѣшается на точныя опредѣленія. Достаточно ясно и опредѣленно только то, что говорится о *полелю* (17—18). Заслуживаетъ полнаго вниманія мнѣніе Потебни, что *полелю* могло явиться вслѣдствіе частаго повторенія въ пѣсняхъ лелю, какъ усиленіе его, въ виду случаевъ повторенія глагола съ приставкой предлога *по* для выраженія повторенія дѣйствія (ходить—походить и др.). На значеніе слова *ладо* брошенъ лучъ свѣта преимущественно на стр. 32 въ сближеніи съ нимъ великор. ладони, малор. игры въ ладки и въ указаніяхъ на жалобы Стоглава, игум. Памфила (150[illegible] г.) и Густынской лѣтописи на ночныя „плесканія“ на игрищахъ 23 іюня, „руками о руки или о столъ плещуще, ладо-ладо приплетающе“.

Третья статья *объ игрѣ „Стяные проса“* (39—45). Отмѣтимъ здѣсь прежде всего автобіографическую замѣтку Потебни въ примѣчаніи на 42 стр., что его магистерская диссертація „О нѣкот. символахъ“ 1860 г. написана подъ вліяніемъ соч. Костомарова „Объ истор. знач. рус. нар. поэз.“ 1843, что такимъ образомъ вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе, высказанное на одной изъ предыдущихъ страницъ, о вліяніи диссертаціи К. на диссертацію Потебни. Итакъ за соч. Н. И. Костомарова „Объ истор. знач. нар. поэзіи“ нужно признать еще одну заслугу: оно опредѣлило въ значительной степени общее символическое направленіе въ этнографическихъ трудахъ Потебни.

Въ статьѣ о сѣяніи проса П. мимоходомъ въ одномъ подстрочномъ замѣчаніи устанавливаетъ слѣдующее методологическое правило: при изученіи народной поэзіи нужно распредѣлять символы не только по образамъ, но и по представленіямъ въ ихъ связи, т. е. по параллельнымъ рядамъ представленій. Насколько это легко и удобно въ практическомъ отношеніи—другой вопросъ. Мнѣ лично исполненіе этого правила представляется весьма труднымъ, сопряженнымъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ поэзію въ связи съ языкомъ, и что это мнѣніе не совсѣмъ личное, видно изъ того, что въ наукѣ до сихъ поръ не видно такихъ трудовъ, въ которыхъ было бы примѣнено методологическое правило Потебни. „Объясненія“ Потебни представляются единственнымъ сочиненіемъ, въ которомъ поэтическіе мотивы распредѣлены по образамъ и отчасти по представленіямъ; но даже и въ этомъ трудѣ опредѣленіе параллельныхъ рядовъ представленій имѣетъ случайный, эпизодическій характеръ и встрѣчается изрѣдка (съ наибольшей ясностью на стр. 43).

Изображеніе въ пѣснѣ о сѣяніи проса земледѣльческой работы съ перваго ея шага (расчистки сѣчи, лѣсной земли), родъ хлѣба—просо, бывшее въ древности главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ, припѣвъ „ой диди-ладо“, широкое распространеніе пѣсни (у русскихъ и чеховъ)—все это въ совокупности привело А. А. Потебню къ мысли, что веснянка „сѣянье проса“ представляетъ остатокъ глубокой старины. Потебня отмѣчаетъ при этомъ попытку Сахарова усилить еще архаичность пѣсни передѣлкой нѣкоторыхъ выраженій, и затѣмъ говоритъ объ уподобленіи пѣсни другимъ хороводнымъ, въ коихъ дѣвичья сторона выдаетъ мужской дѣвицу, что внесло въ пѣсню о сѣяніи проса запутанность, причемъ ассимилирующими пѣснями, по предположенію П., были пѣсни о воротахъ. Наиболѣе древней чертой П. считаетъ, что сѣютъ просо дѣвицы, а топчутъ парни, причемъ сила пѣсни заключается въ символикѣ: конь—молодецъ, садить, сѣять—любить, и отсюда собирать посѣянное или „жито жаты“, „брать ленъ“ значитъ бракъ, „замижъ даты“. Ближайшая затѣмъ статья (45—54) объ игрѣ и пѣснѣ „*ворота*“ не имѣетъ самостоятельнаго значенія и тѣсно свя-

зана съ предыдущей статьей, по сходству пѣсенъ въ размѣрѣ и отчасти по мотивамъ. Выводъ тотъ, что въ весенней игрѣ отворянье воротъ связано было съ мыслью о выходѣ замужъ, при символикѣ: ворота—дѣвица, отворять—любить, затворять—забывать.

Обширная статья о малорусской весенней *игрѣ въ Воротаря* или въ передѣланномъ названіи „Володаря“ (55—126) относится всецѣло къ миѳологіи. Это одна изъ самыхъ трудныхъ статей, по массѣ матеріала, массѣ ссылокъ, массѣ отступленій и экскурсовъ. Нѣкоторыя изъ миѳологическихъ обобщеній автора поражаютъ своею неожиданностью и вызываютъ большое сомнѣніе. Всю статью можно озаглавить иначе—„о солнцѣ и преимущественно зарѣ въ веснянкахъ и заговорахъ“, и это заглавіе, не исчерпывая всей сущности статьи, полнѣе указываетъ на ея главное содержаніе, чѣмъ заглавіе „Воротарь“. Игра въ воротаря состоитъ въ томъ, что играющія дѣлятся на два хора, изъ коихъ второй изображаетъ городъ, а поднятыя руки одной пары—ворота, въ которыя пробѣгаетъ первый хоръ. Первый хоръ проситъ воротаря пустить въ городъ, называя себя людьми князя Романа, панскими, царскими, вообще, людьми того, кому принадлежитъ и городъ. Второй хоръ требуетъ дара. Первый предлагаетъ серебро и золото (или пчелъ и медъ), затѣмъ предлагаетъ „мизинее дитя“, которое играетъ на золотой дудочкѣ и даритъ золотые перстни, и тогда слѣдуетъ пропускъ въ ворота.

А. А. Потебня указываетъ на мнѣніе Антоновича и Драгоманова, что въ игрѣ скрывается память о князѣ Романѣ Мстиславичѣ Галицкомъ и на медовую дань, и далѣе на мнѣніе Костомарова, что въ игрѣ находится символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года. Потебня допускаетъ, что въ пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII в., но считаетъ эту черту несущественной для объясненія самой игры и замѣчаетъ, что въ сходной сербской пѣснѣ говорится о войскѣ Стефана. Болѣе важными П. считаетъ черты, допускающія миѳологическое объясненіе игры, намекающія на сватанье и бракъ. „Мизиное дитя“, по обстоятельному дока-

зательству Потебни, дѣвушка, невѣста, а въ болѣе древнемъ значеніи—солнце, причемъ и всѣ аттрибуты этой миѳической личности—яблочко, золотое яичко, золотой перстень—суть образы солнца. Далѣе на 40 страницахъ идутъ разные экскурсы, побочныя детали, которыя мы упомянемъ отдѣльно, а въ настоящемъ случаѣ, въ интересахъ пониманія главнаго содержанія статьи, перейдемъ сразу съ 58 на 93 страницу къ слѣдующему какъбы заключительному выводу: „Первоначальная сцена здѣсь (въ игрѣ въ Воротаря) не земля, а небо. Ворота—суть небесныя ворота, въ которыя восходитъ и заходитъ солнце и другія свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отмыкаетъ ключами и замыкаетъ заря (а можетъ быть и мужескій образъ того же явленія), выпуская при этомъ росу, отождествляемую по одному воззрѣнію съ ключами зари, по другому съ медомъ. Это послѣднее воззрѣніе восходитъ ко временамъ гимновъ Ведъ—явленіе не болѣе странное, чѣмъ то, что самое слово медъ даже по своему склоненію (тема на *у*) непрерывно и независимо отъ посторонняго вліянія сохраняется отъ временъ еще болѣе отдаленныхъ".

Такова основная часть статьи, съ положеніями своеобразными, оригинальными. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя детали и отступленія, большею частью имѣющія самостоятельное значеніе и мало уясняющія главное содержаніе статьи. Соображенія весьма вѣроятныя чередуются съ соображеніями сомнительными. Не входя въ подробное изложеніе этихъ деталей, мы отмѣтимъ ихъ здѣсь по возможности кратко: на с. 58—62 говорится о *символахъ солнца*—золотомъ яблокѣ, перстнѣ, яйцѣ; на с. 62—78 объ отраженіи въ пѣсняхъ, заговорахъ и сказкахъ (преимущественно литовскихъ) представленія, что *солнце мать снаряжаетъ свою дочь и выдаетъ ее замужъ;* на страницахъ 69—74 находится цѣнный этюдъ о бытовомъ основаніи пѣсеннаго выраженія „крыть лѣса алымъ бархатомъ", какой мотивъ встрѣчается въ веснянкахъ, пѣсняхъ свадебныхъ и купальскихъ, въ былевой пѣснѣ о Ксеніи Борис. Годуновой, записанной Р. Джемсомъ въ 1619 г., наряду съ мотивомъ о потерѣ перстня въ морѣ въ пѣсняхъ великор., малор., серб., что

говоритъ о глубокой древности этихъ мотивовъ; на с. 74—78 *о небесныхъ воротахъ и трехъ воротахъ* въ связи съ свадьбой; на 79—92 въ видѣ отступленія разборъ встрѣчающагося въ болг. и серб. пѣсняхъ мотива „*Вила строитъ городъ, женитъ сына, выдаетъ дочь*“, который, по объясненію П., принадлежитъ къ величальнымъ пѣснямъ; на с. 93—99 объ ассоціаціи въ славянской народной поэзіи представленій *зоря, ключи, роса, медъ;* на с. 99—103 о томъ, что *зоря даетъ долю* (сомнительно); на с. 103—107 этюдъ: „*отпиранье небесныхъ воротъ и утробы матери при родахъ*“ (сближеніе маловѣроятное; факты, взятые изъ заговоровъ, очень шатки); на с. 107—11 *обращеніе къ зорѣ въ заговорахъ отъ разныхъ болѣзней* (интересный подборъ фактовъ), и на 111—126 рядъ выписокъ изъ пѣсенъ о близости представленій *росы* (медовой) и *косы* (дѣвства), о противоположеніи „дивоцькой“ и „парубоцкой“ красы и о *соколѣ*, какъ символѣ жениха.

На с. 124—125 находится замѣтка Потебни по вопросу *о литературныхъ заимствованіяхъ* въ пѣсняхъ. Нужно замѣтить, что Потебня не долюбливалъ теорію литературнаго заимствованія, и сужденія его по этому поводу не всегда убѣдительны. Такъ, Потебня говоритъ, что миѳологи, начиная съ Гримма и Вольфа, всегда признавали вліяніе церковнаго преданія, что, не устраняя теоріи заимствованія, нужно опредѣлить ассимилирующую силу народа при помощи прежде-познаннаго, что симпатіи къ той или другой теоріи, „становится ли изслѣдователь на сторону вѣтра, или же на сторону лозъ, которыя онъ клонитъ“, зависятъ отчасти отъ свойства научныхъ данныхъ, частью отъ „пристрастій и отвращеній, навязываемыхъ впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью къ извѣстному народу, литературному и ученому направленію и пр.“. Потебня несомнѣнно склонялся на сторону лозъ, не вѣрилъ въ большую силу внѣшнихъ литературныхъ давленій, признавалъ за народнымъ преданіемъ значительную устойчивость и допускалъ довольно высокую культуру въ праславянской и даже дославянской древности, когда сложилась символика народныхъ представленій. Признаніе церковнаго преданія

миѳологами положеніе спорное, къ нѣкоторымъ ученымъ, (напр., къ Шварцу) неприложимое. Потебня находилъ, что „прямолинейность объясненія въ смыслѣ литературнаго заимствованія столь же мало вынуждена свойствомъ данныхъ, какъ и противоположная, которая состояла бы въ признаніи устойчивости лишь за однимъ туземно-языческимъ преданіемъ" (стр. 125). Мысль несомнѣнно вѣрная; но также вѣрно и то, что чрезвычайно трудно, да и прямо невозможно пройти между этими прямолинейностями такимъ образомъ, чтобы не уклониться въ ту или другую, и А. А. Потебня, при всей осторожности въ пользованіи фактами, при величайшей научной добросовѣстности, иногда слишкомъ склонялся на сторону туземно-языческаго преданія. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на миѳологическія толкованія колядокъ христіанскаго склада (65, 75—78); веснянки „церковь одмыкана. А хто въ тій церковци? золотее дитятко.—А що жъ воно робыть? Золотого ножика держитъ.—А що жъ воно крае? Срибнее яблочко" (на 64 стр.); свадебной пѣсни (точнѣе колядки) о томъ, какъ подъ воскресенье открылось небо и „та выдно церкви и монастыри и святыи престолы, а конецъ престола Маты Христова" и пр. А. А. Потебня говоритъ при этомъ, что небо, рай представляются церковью. А не будетъ ли вѣрнѣе другое предположеніе (отъ лозъ къ вѣтру), что въ основѣ этихъ и сходныхъ пѣсенъ лежитъ прямое, непосредственное знакомство съ церковью и словесное воспроизведеніе главныхъ и обычныхъ изображеній, церковнаго потолка или купола въ видѣ неба со звѣздами, престола и пр.

Статья о малорус. весеннемъ хороводѣ „*мосты*" (127—152) представляетъ развитіе замѣтки о мостахъ, какъ символѣ любви, въ диссертаціи „О нѣкоторыхъ символахъ" 1860 г. и статьи „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака" 1868 г. Игра и пѣсня „мосты" взяты у Чубин. III 83. Игра изображаетъ сватовство и бракъ. По припѣву (ладо мое) и содержанію эта игра того же разряда, что и „просо". Потебня приводитъ много варіантовъ пѣсни и игры „мосты", малор., польск., словен., хорут. и др. Кромѣ того, приведено много малор. свадебныхъ пѣсенъ, въ которыхъ невѣста въ ожиданіи

жениха моститъ мосты, кладетъ кладки. Отсюда эти образы переходятъ къ значенію ожиданія молодою своей родни и къ значенію родственной связи вообще. Потебня подробно развиваетъ ту мысль, что въ основаніи этого символизма лежитъ миѳическое представленіе о солнцѣ, опускающемся въ море. Миѳологическое толкованіе игры „мосты“ развито главнымъ образомъ въ ближайшей затѣмъ статьѣ объ игрѣ *„вербовая дощечка“* (153—171), причемъ получается сочетаніе „дѣвица-верба“, „дѣвица-солнце“ и „солнце-верба“. Въ статьи „мосты“ и „вербовая дощечка“ вошли мотивы: „невѣста сама идетъ черезъ мостъ“; „женихъ переводитъ невѣсту черезъ мосты калиновые (калиновый мостъ—дѣвство) или черезъ кладку“ (при этомъ приведены гаданія о мостѣ и свадебный обрядъ перехода черезъ воду); „женихъ строитъ мостъ для невѣсты“; „собираніе разсыпаннаго (жемчуга и пр.) съ милымъ“; „милый и разсыпаетъ“; „соколъ (милый) просыпаетъ жемчугъ“; „соколъ похищаетъ просыпанный жемчугъ“. По этимъ мотивамъ сгруппировано множество пѣсенъ великор., серб., болг., польскихъ, преимущественно малорусскихъ.

Статьи о весеннихъ играхъ *„въ горюдуба“* и о веснянкахъ, въ которыхъ *„дѣвица тонетъ“* (172—230), также построены на миѳическомъ толкованіи и также заключаютъ въ себѣ массу пѣсенъ на мотивы: „дубрава горитъ и дѣвицы ее тушатъ“; „превращеніе утонувшей“ (тѣло въ рыбы, волоса въ траву и пр.); „о выростаніи дерева изъ утонувшей дѣвицы“; „превращеніе убитой или сгорѣвшей“. Исходными пунктами при объясненіи *горюдуба* служатъ символическія объясненія: огонь—любовь, горѣть—любить, жаръ—жаль (отъ любви и вообще), сырыя дрова—горе, гасить—утѣшать.

Въ концѣ сочиненія разсмотрѣно нѣсколько петровочныхъ и купальскихъ пѣсенъ, подходящихъ по размѣру и содержанію къ веснянкамъ, причемъ наибольшій интересъ представляетъ разборъ двухъ пѣсенъ: „Ой не стый, вербо, надъ водою“ (Чуб. III 205) и „Ой ты, ремезе, ремозеньку“ (Гол. IV 38). Объясненіе пѣсни о ремезѣ сопровождается превосходнымъ историко-литературнымъ и этнографическимъ коментаріемъ (251—258).

Не останавливаясь на этомъ экскурсѣ Потебни, подробное изложеніе котораго заняло бы слишкомъ много мѣста (мы уже пользовались ранѣе этимъ экскурсомъ въ „культурныхъ переживаніяхъ“ § 161), я въ массѣ фактическаго матеріала и сближеній выберу двѣ детали, важныхъ по существу и характерныхъ для автора, для обрисовки его нравственной личности. Для удобства пониманія передаю эти детали вкратцѣ, съ устраненіемъ мелочей, варіантовъ:

1) *Веснянка и купальская.*

Ой нестий, вербо, надъ водою,
Не пускай гилля по Дунаю:
Ой Дунай море розливае,
И день и ничъ прибуває
Та въ верби корень підмывае,
Изъ верху вершокъ усыхае.
Ой стань, вербо, на рыночку
У хрещатому барвиночку,
У запашному василечку...

Щедровка, вѣроятно, изъ веснянки.

Ой ты, ремезе, ремезоньку,
Та не вий гнизда на ледоньку,
Бо ся ледонько буде розбываты,
Твое гниздо потопаты.
Вий си гниздонько на яворонъку,
Явиръ ся буде розвываты
Твое гниздонько покрываты.
Ой ты Василю, Василеньку
Не ставъ свитлоньки у тестенька...
Ставъ си свитлоньку у батеньки и пр.

Эти пѣсенные образы, различные по происхожденію, сближены между собою, и въ народной словесности, и въ литературныхъ передѣлкахъ или подражаніяхъ у двухъ писателей малорусскаго происхожденія, Сковороды († 1794) и Капниста († 1824), съ весьма различными пріуроченіями, у Сковороды въ пользу положенія, что „Господь гордымъ противится, смиреннымъ даетъ благодать“, у Капниста для выраженія недовольства „низкимъ предѣломъ“ въ жизни.

Стихотвореніе Г. С. Сковороды.

Ой ты птычка желтобока,
Не клади гнизда высока;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Вотъ ястребъ надъ головою
Виситъ, хощетъ ухватить;
Вашею живетъ онъ кровью.
Вотъ-вотъ ногти онъ острить

—

Стоитъ яворъ надъ горою,
Все киваетъ головою.
Буйны вѣтры повѣваютъ,
Руки явору ломаютъ.

Стихотвореніе В. В. Капниста.

Къ верху жаворонокъ вьется,
Надъ горой летитъ соколъ,
Выше облаковъ несется
Къ солнцу дерзостный орелъ.
Но летаетъ надъ землею
Съ мягкой травки на цвѣтокъ
Нѣжной пылью золотою
Отягченный мотылекъ.

—

Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положенъ предѣлъ:
Въ урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣлъ.

А вербочки шумятъ низко,
Волокутъ мене до сна;
Тутъ течетъ поточокъ близко,
Видно воду ажъ до дна.

—

На что жъ мене замышляты,
Что въ селѣ родыла маты?
Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
Кто высоко въ гору дметься;
А я буду себѣ тихо
Корататы милый вѣкъ:
Такъ минетъ мене все лихо,
Щастливъ буду человѣкъ.

Случай какъ ни потрясаетъ
Урну, все успѣха нѣтъ,
Какъ жезломъ въ ней не мѣшаетъ
Жребій мой на дно падетъ.

—

Такъ и быть! Пусть на вершинѣ
Дубы гордые стоятъ;
Вѣтры буйные въ долинѣ
Низкимъ лозамъ не вредятъ.
Если жъ рокъ и тутъ озлится,
Что осталося?—Терпѣть!
Болѣ счастливый боится,
Чѣмъ несчастный умереть.

2) Вторая интересная деталь состоитъ въ объясненіи пѣсенъ „Ой кудро, кудро кудрявая“ (на с. 247) и пѣсни „Ой шли чумаки зъ Украины“ (на 267). Промежуточные матеріалы (отъ 247—266) опускаемъ. Объясненіе этихъ пѣсенъ бросаетъ свѣтъ, съ одной стороны, на высоко-моральное достоинство малор. народной поэзіи, съ другой—на философское къ ней отношеніе самого комментатора, А. А. Потебни, умѣвшаго открывать въ народной пѣснѣ глубокую мысль и доброе гуманное чувство. Громадная масса сыраго фактическаго матеріала не поглотила всего вниманія Потебни и не обратила его въ сухого схоластика. За сухимъ матеріаломъ, самая сухость котораго обусловлена тщательностью научнаго анализа, вносящаго мелкое дробленіе пѣсенъ, за этимъ сухимъ матеріаломъ мѣстами выступаетъ гуманная личность автора, живое чувство симпатіи къ народу вообще, къ человѣку въ частности.

Ой кудро, кудро кудрявая,
Ой ты, верѓице зеленая!
Хто-жъ тоби, кудро, кудри мывъ,
Хтожъ жъ тоби, вербо, корни видмывъ?
—Ой звыли мене темни луги,
Темни луги, крути береги;
Звыла кудрята темна ничка,
Обмыла корни быстра ричка,
Обмыла корни быстра вода...
Ой я молода, якъ ягода,
Непійду замижъ за годъ, за два,
Та пійду замижъ ажъ пьятого...
За пьяниченку проклятого.

Ой кажутъ люде, що винъ неньке,
Ажъ що вечера зъ корчмы иде.
Та пропывъ коня вороного,
Иде до дому по другого,
А я молода протывъ его
Несу рублика золотого
Выкупляты коня вороного.
„Ой якъ выкупышъ, люблю тебе,
Якъ невыкупышъ, убью тебе!“
Ой не разъ, не два выкупляла,—
Мени молодой одна шана:
Зъ хаты виконцемъ утикала,
Въ вышневимъ саду ночувала

Съ соловейкомъ розмовляла:
Соловеечко якъ техъ, такъ техъ!
А я молода якъ охъ, такъ охъ!
А зозуленька куку! куку!
За що жъ я терплю таку муку?

„Какъ веснянка, говоритъ А. А. Потебня о приведенной прекрасной пѣснѣ, это—предчувствіе; какъ непріуроченная ко времени, это—сознаніе наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила кудри дѣвичья воля (лугъ-берегъ=батько-маты); подмыла корни горькая доля. Недоля настигла, какъ ни откладывалось замужество, сколько ни тратилось замужемъ любви, смиренія, предупредительности. *И за что?* Характеристичный для малорусской пѣсни вопросъ безъ отвѣта“. Дальнѣйшее замѣчаніе Потебни по поводу этого вопроса отнесено къ другой пѣснѣ, заключающей въ себѣ такой же вопросъ, „Ой шли чумаки“, съ 5 строки:

Ой нарву я хмѣлю зеленого,
Накладу я вогню жаркенького,
Та наварю пива пьянепького,
Та позову сестру багатую,
А вбога-небога сака прійде;
Посажу багату въ кинци стола,
А вбогу-небогу край порога,
Напою багату медомъ-виномъ,
А вбогу-небогу гиркимъ пивомъ.
Стала сестра сестру частуваты,
Стала сестра сестри вымышляты:
„Сестро жъ моя, сестро убога?
Колы бъ ты, сестро, така якъ я;
То бъ ты сыпла де теперъ я;
Колы бъ ты, сестро, такъ робыла,
Ты бъ въ такихъ латахъ не ходыла.
Що я раненько уставаю,
По два починки напрядаю,
Та свои скрыни наповняю,
Та свои диты зодягаю“.
—Сестро жъ моя, сестро багатая!
Що я раній тебе уставлю,
По три починки направлю,
Та чужи скрыни наповняю,
Та чужи диты зодягаю!

„Здѣсь, говоритъ Потебня, какъ и въ построенной аналогично съ этою пѣснею „Ой кудро“ обнаруживается стремленіе возвыситься отъ созерцанія личной участи къ болѣе широкому весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на міровую сцену, при обозрѣніи которой можно въ ряду причинъ и слѣдствій найти отвѣтъ на вопросъ „почему“, нѣтъ отвѣта на вопросъ „для чего“ и находится отрицательный отвѣтъ на вопросъ „за что“. Родственнаго воззрѣнія надо искать не въ христіанствѣ“. Далѣе у Потебни находится нѣсколько выписокъ изъ Книги Іова и Экклесіаста, между прочимъ, слѣдующее: „И обратился я и видѣлъ подъ солнцемъ, что не про-

ворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда и не искуснымъ благорасположеніе; но время и случай для всѣхъ ихъ. Ибо человѣкъ не знаетъ своего времени. Какъ рыбы попадаютъ въ пагубную сѣть и какъ птицы въ силки, такъ сыны человѣческіе уловляются въ бѣдственное время, когда оно нежданно находитъ на нихъ".

Веснянки „просо", „воротарь", вербовая дощечка, „мосты", дѣвица танецъ" и др. разсмотрѣны по общности размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4); на основаніи этого размѣра съ веснянками сближено много другихъ пѣсенъ, свадебныхъ, петровочныхъ, купальскихъ, въ предположеніи, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ вышли изъ круга веснянокъ. Все существенное въ группировкахъ матеріала дано, однако, фактическими мотивами пѣсенъ, въ особенности символикой веснянокъ. Размѣръ представляетъ весьма шаткую почву для классификаціи пѣсенъ, шаткую въ особенности потому, что стяженіе и растяженіе размѣра встрѣчаются въ пѣсняхъ весьма часто. Одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнообразнымъ пѣснямъ и напѣвамъ, и одинъ и тотъ же напѣвъ, какъ замѣтилъ уже г. Нейманъ въ рецензіи на I т. „Объясненій", можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь пріуроченнымъ къ одному содержанію, въ особенности въ бытовыхъ пѣсняхъ.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія.

Мы не знаемъ точно и опредѣленно, какова была этика нашихъ предковъ въ дохристіанскую эпоху, но изъ предыдущаго очерка мы достаточно могли убѣдиться въ ея христіанскихъ особенностяхъ, которыя выступаютъ ярко въ виршахъ нравоучительнаго содержанія, созданныхъ южнорусской школой въ XVII и XVIII вѣкахъ. Тѣ же особенности мы встрѣчаемъ и въ нравоописательныхъ виршахъ, не смотря на то, что онѣ отличаются развязностью тона, повидимому, не совмѣстимой съ серьезнымъ содержаніемъ ихъ. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ, такъ называемыя, рождественскія и воскресенскія вирши, въ которыхъ лица и событія евангельской исторіи воспроизводятся въ непосредственной связи съ обстановкой народной малорусской жизни,—въ духѣ и тонѣ наивныхъ разсказовъ, проникнутыхъ юмористическимъ настроеніемъ.

Сколько намъ извѣстно, первая по времени рождественская вирша написана была знаменитымъ лексикографомъ и типографомъ Памвою Берындою. Напечатана она была въ Львовѣ въ 1616 году и посвящена епископу львовскому Іереміи Тисаровскому.

«Пріймн»,

говоритъ составитель ея,

«о Архіерею великій, значный,
Яко в речахъ не похибне дѣльный и бачный,
За колѧдоу и щодрый дн҃ь книжечкѫ тоую,

Которая то презъ дѣтокъ деклямована
И для оутѣхи на днь тотъ з дроукѣ выдана» [1]).

Ясно изъ этихъ словъ, что рождественскія вирши, какъ и колядскія пѣсни, произошли изъ обряднаго славленія, которое началомъ своимъ восходитъ къ старинѣ незапамятной. Безъ сомнѣнія, гораздо раньше того времени, когда написалъ виршу свою Памва Берында, христіанскіе мотивы начали проникать въ колядованье, но можно сказать съ увѣренностью, что только въ эпоху южнорусскаго просвѣщенія эти мотивы разработаны были систематическимъ образомъ. Подъ вліяніемъ стародавняго обряда представители школы слагали разныя вирши, которыя произносились *молодыками школьными*, какъ поздравительные стихи въ дни праздниковъ. Чѣмъ ближе стояли эти вирши къ моменту происхожденія своего, чѣмъ выше была богословская ученость составителей ихъ, тѣмъ больше заключалось въ нихъ риторическаго паѳоса и тяжеловѣсныхъ, книжныхъ формъ рѣчи. Таковы, между прочимъ, по содержанію и формѣ своей и вирши Памвы Берынды,—таковы-же и рождественскія вирши Кирилла-Транквилліона-Ставровецкаго, напечатанныя въ его „Перлѣ многоцѣнномъ“ [2]). Многія изъ нихъ такъ и остались на ступени школьнаго велерѣчія, не тронутаго прикосновеніемъ народной мысли. Другія пошли дальше, но остановились на полъ-дорогѣ отъ школы къ народу. Есть, наконецъ, вирши, или переработанныя народомъ, или же написанныя въ народномъ вкусѣ самими бакалярами сельскими, ближе стоявшими къ народу, чѣмъ ученые латинскихъ школъ. Можно полагать даже, что нѣкоторыя вирши составлены младшими обитателями сельскихъ школъ или же получили въ ихъ средѣ окончательную отдѣлку. Таковы, напримѣръ, граціозныя поздравленія, произносимыя дѣтьми младшаго возраста и теперь не позабытыя:

«Я малый пахолокъ,
Родывся въ вивторокъ,
А въ середу рано

[1]) Импер. публич. библіотеки церковнослав. отд. I, 8, № 12.
[2]) Перло многоцѣнное, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

Мене въ школу дано.
Иду зъ школы—плачу
И свита не бачу,
Очи протыраю,
На карманъ позыраю,
Васъ съ праздныкомъ поздоровляю».

Или же:

«Я маленька дивочка,
Якъ у поли квиточка,
Бильшъ ничого не знаю,
Тильки азъ да букы...
Пожалуйте мени грошыкъ у рукы»[1]).

Чтобы получить *праздниковое*, нужно было, какъ видно изъ этого наивнаго лепета, кое-что смыслить въ школьныхъ наукахъ:

«Дарма, що я малый,
А въ церкви бувавъ
И обо всимъ чувавъ:
Оце и вамъ звищаю
И съ праздныкомъ Хрыстовымъ поздоровляю»[2]).

Колядованье служило такимъ образомъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для подростающей молодежи.

«Пане господару»,

говорится въ одной колядкѣ,

«Мы твого двору не мынаемо,
Вставай съ постели, одчыняй двери,
Прыйде до тебе Дива Мария,
Дива Мария и Святый Мыколай:
Сяде Мыколай у конець стола
Кныгы чытаты, тебе пытаты,
Чы навчаешъ ты диты малии

[1]) Чубинс. III, 435.
[2]) Безсонова „Калики перехожіе“, вып. IV, 47.

Богу молыться, старшымъ корыться?
Дива Марія стане пытаты,
Чы навчаешъ ты диты малыи
Кныгы чытаты, въ церковъ ходыты,
Свяге Рождество празныкомъ чтыты,
Батька, матинку вирне любыты?» [1]).

Но молодость имѣетъ свои права, — да и задачи нравственнаго свойства, отмѣченныя въ приведенной нами колядкѣ, вовсе не требуютъ покаянія и слезъ—особенно въ дни праздничные. Поэтому неудивительно, если мы встрѣчаемъ во многихъ виршахъ свѣтлое, жизнерадостное настроеніе, сопровождаемое шуткой.

«Слава Богу»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«того ми тепера дождались,
Що за шесть недѣль съ ковбасою опять повидались!
Я-жъ казавъ: шутка, що позавчора свинѣ галасали!
Ажъ то люди ик святкамъ все ковбаси дбали,
Лишъ почули, що Рѣздво вже не за горами,
Не схотѣли болшъ сидѣти над огѣрками,
Заразъ стали шататись мижъ скоромнымъ крамомъ:
То зъ гусми, то съ курми, то зъ битимъ товаромъ» [2]).

Оканчивается вирша обычнымъ поздравленіемъ хозяина и выраженіемъ всякихъ благожеланій ему.

То-же настроеніе мы видимъ и въ колядкахъ виршеваго происхожденія. Оно совпадало съ извѣстнымъ расположеніемъ малорусскаго народа къ юмору. Что касается до слагателей виршей, то, обладая большимъ или меньшимъ знаніемъ церковно-славянскаго языка, они имѣли полную возможность говорить о матеріяхъ неважныхъ церковно-славянскою рѣчью, и наоборотъ, о важныхъ матеріяхъ рѣчью простонародною, и такимъ образомъ въ самой двухсторонности литературнаго стиля

[1]) Чубинс. III, 384—385.

[2]) Кіевс. Старина, 1889 г., Январь, 242.

по отношенію къ предметамъ различнаго свойства они находили всѣ краски для пародіи и шутки. Но, чтобы воспользоваться этими красками, нужно было имѣть тотъ особенный складъ души, который выражается въ стремленіи сближать противоположное и разъединять сходное. Это и есть психическая основа юмора, которою проникнуты праздничныя вирши и соотвѣтствующія имъ колядскія пѣсни.

Со стороны содержанія своего эти вирши представляютъ нѣсколько основныхъ темъ.

Первая тема—догматическаго характера: это грѣхопаденіе прародителей, какъ причина воплощенія Сына Божія.

Мы имѣемъ двѣ редакціи виршей, написанныхъ на эту тему. Одна—болѣе книжная, другая—народная.

Въ книжной редакціи разсказывается библейская исторія близко къ подлиннику—о томъ, какъ Богъ по сотвореніи прародителей поселилъ ихъ въ раю, какъ „врагъ злосливій и не жичливій сталъ Еву намовляти“, чтобы она вкусила отъ древа познанія добра и зла, а Ева—Адама, какъ смущены они были, познавши себя нагими, какъ проклялъ Богъ змія. Заканчивается вирша картиной изгнанія прародителей изъ рая:

«Богъ зъ раю сходитъ,
Ангелъ приходитъ,
Гнѣвъ Божій объявляе,
Грозно гукаетъ,
Мечемъ дмухаетъ,
Из раю вигоняетъ» [1]).

Въ народной редакціи эта вирша представляетъ логически законченное рѣшеніе вопроса, поставленнаго въ самомъ началѣ ея: „чого прыйшовъ до насъ самъ Богъ?“ Разсказъ начинается ab ovo. Задумалъ Сатана „зривняться зъ Богомъ“ и былъ низ-

[1]) Сборникъ Кибальчича № 49. Есть эта вирша и въ рукописномъ сборникѣ церковно-археологич. музея при кіевс. Академіи, № 252. Болѣе обстоятельный варіантъ, соединяющій начало съ концемъ, т. е. грѣхопаденіе прародителей съ рождествомъ Спасителя, и въ то же время пропитанный апокрифическими сказаніями объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая, напечатанъ недавно въ ноябрьской кн. Кіевс. Старины за 1891 г., стр. 274.

верженъ за это съ неба. Тогда „зайшовъ винъ зъ иншого краю“, приглашаетъ въ гости Адама, и самъ является у него въ раю въ качествѣ гостя. Обычай гостепріимста, какъ видно, не моложе библейскаго рая. Но печальны были плоды этого гостепріимства: „Адамъ яблука вкусывъ“. Въ этихъ трехъ словахъ разсказана вся сцена искушенія. За то ближайшія послѣдствія этого событія воспроизведены подробно. Дѣло представлено такъ, что Адамъ, искушаемый дьяволомъ, выпилъ лишнее. Проснулся онъ на другой день, а товарищъ съ него „и сорочку знявъ“. Приходитъ Богъ къ нему и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ сорочку.—„Не знаю, десь вчора загубывъ“, отвѣчаетъ Адамъ. „Отъ-такъ ты доглядаешъ гаю“, говоритъ ему Богъ, какъ добрый хозяинъ своему наймиту, „пишовъ же вонъ, поганый, зъ раю!“ Наказана и Ева не тѣмъ, что въ болѣзняхъ раждать будетъ чада свои, но тѣмъ, что будетъ она „прясты“,—„а щобъ не смила яблукъ красты“, говоритъ Богъ, „такъ я Адамови нагайку давъ“. Самъ искуситель низвергнутъ въ пекло, „де огонь горыть“. А чтобы одѣть Адама и Еву, Богъ „родывся самъ“.

«Родывсь Христосъ»,

заканчивается вирша,

«Адамъ гуляе,
Е нова свытка и кожухъ,
И Ева въ плахти похожае,
И зновъ радіе духъ.
Теперъ и въ васъ жупаны нови,
Бо вы Адамови ридня...
Такъ будьте жъ зъ праздныкомъ здорови,
Гуляйте, пыйте, хочь-що-дня!» [1])

Дѣйствія Адама въ этой виршѣ мотивированы обстановкой народнаго праздника: вся бѣда не въ Евѣ, а въ самомъ Адамѣ, въ его невоздержаніи. Затѣмъ—чувство стыда понято не въ

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., Ноябрь, 398. Вирша эта записана учителемъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ; къ сожалѣнію, неизвѣстно, отъ кого и когда.

его психическихъ основаніяхъ, а въ простѣйшей формѣ совершившагося факта: нѣтъ у Адама сорочки. Наклонъ мысли такой, что она отказывается представить себѣ полноту райскаго блаженства безъ „доброи одежи“. Христосъ и родился для того, чтобы одѣть Адама и всѣхъ потомковъ его. И всѣ одѣты по праздничному: есть причина для радости и веселья.

Нѣсколько иначе разсказывается о грѣхопаденіи Адама и Евы въ другой подобной виршѣ. Умѣлъ Адамъ прекрасно играть на сопилкѣ,—

«Що було якъ заграе,
Такъ ажъ дерево скакае».

Одинъ разъ заснулъ Адамъ

«пидъ кустами,
А сопилку положывъ безпечно пидъ головамы»

Подкрался къ нему змій и

«Вырвавъ пыжъ изъ сопилкы.
Кынеться Адамъ,—ажъ дирочкы тилькы:
Свысь, свысь! Ажъ не грае,
Тилько сыпыть, а голосу не мае».

А между тѣмъ утромъ онъ долженъ былъ игрой своей „Богу на-добрыдень даты“. Посылаетъ Богъ ангеловъ за Адамомъ. Оказывается, что испортилась Адамова сопилка.

«Постий же ты, козаче»,

говоритъ Богъ,

«Я зъ тобою подумаю поступыть иначе»...

За небрежность въ обращеніи съ сопилкой Адамъ вмѣстѣ съ Евой былъ изгнанъ изъ рая. Съ того времени

«Стала смерть надъ людьмы старшыноватыі,
Стала вона зъ янцыболотомъ въ одну цѣль стрѣляты,
Ставъ людъ вянуть, якъ у зимку свекла,
Поробылыся кобзалкы до самого пекла.
Первый Каинъ пидскобзнувся, а за нымъ другыи,
Стали вже й добрі люде кобзаться, а не тилькы злыи».

И вотъ Богъ для спасенія людей посылаетъ въ міръ сына своего [1]).

Нельзя не отмѣтить въ этой виршѣ наивнаго представленія о музыкальныхъ способностяхъ Адама, который и созданъ былъ, повидимому, не для одного наблюденія за раемъ, но и для артистическихъ занятій, предназначенныхъ для самаго Бога. Усвоена ли была эта фабула со стороны, или же самостоятельно создана, во всякомъ случаѣ это находится въ полномъ согласіи съ музыкальными склонностями малорусскаго народа, въ средѣ котораго она была обработана.

Не мало есть рождественскихъ виршей, написанныхъ на историческія темы—о поклоненіи родившемуся Спасителю пастырей и царей, о встрѣчѣ царей съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ. Каждая изъ этихъ темъ разрабатывается то отдѣльно, то въ соединеніи съ другими темами.

Пастухи въ виршахъ изображаются дѣтьми природы и родной обстановки украинскаго быта. Разъ,—говоритъ одинъ изъ этихъ пастуховъ, пасли мы стадо овецъ:

«Кормокъ прыдався зелененькый,
Булы кошары готовеньки,
Прывилля для всего було».

Подъ вечеръ два пастуха остались при стадѣ, а остальные три

«Пишлы у вербняжокъ,
Бо недалеко бувъ лужокъ».

Замѣтили и тѣ, и другіе, что небо краснѣетъ, „да ще не такъ, якъ на морозъ“. Въ это время прибѣгаетъ Явтухъ, который оставался при стадѣ, съ извѣстіемъ, что въ кошарѣ появился воръ. Бросились всѣ они къ стаду и видятъ, что

«въ кошари съ края въ край шагае
Таке велыке, ще й литае,
Не чоловикъ, а бачця, схоже».

Оказалось, что это былъ „янголъ божый“, который приказалъ имъ идти къ Виѳлеему „въ станю“:

---

[1]) Изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго автору.

«Тамъ е»,

сказалъ имъ Ангелъ,

«маленькее дытятко,
Отдайте ему се ягнятко:
Оце въ сю ничъ Хрыстосъ родывся,
Сынъ Божый зъ Дивы воплотывся».

„Не довго тутъ мы раховалысь", продолжаетъ разскащикъ,

«Пишлы въ кошару до овець,
Ягня, що лучше, те й пиймалось».

Яркій свѣтъ осіялъ ихъ „въ стани", а затѣмъ, когда пришли они въ себя, то упали на колѣни и принесли убогій даръ свой „пани"—матери божьей:

«Прыймы ты», сказали они, «от-се ягнятко,
Щобъ не голодне було твое дытятко».

Замѣтили они, что

«Биля тіеи пани
Стоявъ у жовтому жупани
Старый, сиденькый чоловикъ,
Якъ будьто прожывъ другый викъ».

Это былъ Іосифъ, который

«трохы поворчавшы,
На ухо пани щось шептавшы»,

сказалъ имъ:

«Идить у мыръ и повидайте,
Що се родывся Божый сынъ».

Пошли пастухи съ вѣстью этой по своимъ домамъ:

«Хто вправо, а хто вливо взявъ,
А я», заканчиваетъ разскащикъ, «оце до васъ попавъ,
Щобъ васъ съ Різдвомъ поздоровляты» [1]).

Въ нѣкоторыхъ виршахъ поздравленіе пастуховъ принимаетъ размѣры необыкновенные. На сцену является цѣлая толпа

[1]) Вирша записана въ харьковской губерніи отъ И. М. Полторацкаго. Основа, 1862 г., Іюнь, 41—49.

сельской молодежи, которая суетливо бѣжитъ къ родившемуся Спасителю не съ одними пастушескими дарами, но со всякими яствами и питіями, обычными въ праздничное время.

«Першый Никита, самъ Бога вита»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«Самко з Юхимомъ, своимъ побратимомъ,
Скоро прибѣгли, заразъ запѣли.
Якимъ из Яцькомъ, а третимъ Мацькомъ,
Несли барана до Христа-пана.
Пилипъ з Макаромъ ишли тамъ з даромъ,
Два хлѣба взяли, Богу отдали.
Гаврило в вѣчку ослови сѣчку,
А Стахъ волови принесъ полови.
Данило по морозѣ въ драбистумъ возѣ
Привизъ горѣлки чтири барилки.
А тамъ у дверець тютюнъ и перець
Хима стояла и продавала.
Андрей и Демко прибѣгъ рихленько,
Перцю тежъ мѣрку всипавъ в горѣлку.
А една Дося спекла порося,
Нимъ Бога взрѣла, порося зѣла.
Граетъ ажъ мило въ дуду Кирило,
А ти, Матѣю, грай у трубѣю» [1]).

Варіантъ этой вирши съ припѣвами: „Аллилуя, Господи помилуй!“ существуетъ въ видѣ колядки [2]), но такъ какъ этихъ припѣвовъ нѣтъ въ старинномъ текстѣ, приведенномъ нами выше, то можно заключить отсюда, что въ первоначальной редакціи эта вирша предназначалась для произношенія, а не для пѣнія. Иногда, впрочемъ, и вирши-колядки съ прибавкой въ самомъ концѣ привѣтствія отъ лица поздравляющаго передѣлывались въ вирши-оращіи. Въ этомъ взаимодѣйствіи вліяній

[1]) Рукопись церковно-археолог. музея при кіевс. Академіи, списокъ второй половины прошлаго вѣка. Въ такомъ же родѣ вирши съ ироническими выходками на счетъ Литвиновъ (Бѣлорусовъ) помѣщены у Безсонова, „Калики перехожіе“, IV № 257 См. также у Чубинскаго, Труды экспед., т. III, № 100. вар. Б.

[2]) Чубинс. III, стр. 381, № 104.

одного типа виршей на другой заключается причина отклоненій ихъ въ ту или другую сторону. Нельзя не замѣтить, однакоже, что гораздо чаще подвергались этимъ отклоненіямъ въ сторону виршей-ораціей вирши-колядки. Рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія первыхъ на послѣднія служитъ перемѣна тона ихъ — серьезнаго на шуточный тонъ, который господствуетъ въ виршахъ-ораціяхъ [1]). Вотъ въ этомъ тонѣ и заключается нравоописательная сила виршей-орацій, которая даетъ имъ значеніе матеріала, обязательнаго для изученія быта и нравовъ старинной Малороссіи. Это своего рода эпосъ, обнаженный отъ всѣхъ условныхъ формъ церковной лирики, которою изобилуютъ вирши-колядки, — эпосъ старинныхъ малорусскихъ нравовъ, перенесенныхъ въ болѣе отдаленную—евангельскую или даже библейскую старину. Съ научной точки зрѣнія нравы эти, каковы бы они ни были, представляютъ такой же интересъ, какъ и всякія историческія лица и событія. Понятно поэтому, почему мы указываемъ на вирши-колядки только мимоходомъ, не извлекая изъ нихъ того, что въ усиленной дозѣ имѣется въ виршахъ-ораціяхъ.

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ виршахъ, разсказъ идетъ далѣе о царяхъ, пришедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю міра. По непрерывности событій этотъ разсказъ соединяется большею частью съ разсказомъ о встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ, о судьбѣ самаго Ирода.

Въ одной виршѣ-орації говорится, что цари пришли въ Виѳлеемъ съ востока.

«Дары поклалы и поздравлялы
Попысьменськи, звысока».

Предъ нами уже—не пастухи съ ихъ наивнымъ простодушіемъ, а знатные и мудрые люди. Принимаетъ ихъ Іосифъ, повидимому съ бо́льшею любезностью, чѣмъ пастуховъ:

«Сидайте жъ у насъ»,

---

[1]) Нѣкоторыя вирши-колядки представляютъ ничто иное, какъ слегка видоизмѣненный текстъ церковныхъ пѣсенъ; таковы, напримѣръ, вирши, помѣщенныя у Безсонова, т. IV, подъ №№ 60, 273, 278.

говоритъ онъ имъ,

«Мы почастуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ».

Послѣ угощенія цари заснули, а во снѣ ангелъ повелѣлъ имъ иною дорогою идти домой, чтобы Иродъ не узналъ, гдѣ родился Спаситель. Иродъ ждалъ царей и не дождался. На этомъ обрывается вирша [1]).

Въ другой болѣе обширной редакціи этой вирши продолжается разсказъ объ Иродѣ, который созвалъ „мудрыхъ мудрецивъ, свитськихъ панъ-отцивъ“, чтобы они ему „сказалы и прослебезувалы, де Хрыстосъ родыться мавъ“. Тѣ указали на Виѳлеемъ. Впечатлѣніе этого отвѣта передается въ виршѣ съ патологическими подробностями: долго стоялъ Иродъ *безъ ума*,

«Деретъ рукамы, скрегоче зубамы.
А речи зовсимъ нема».

Затѣмъ вырвалось у него роковое повелѣніе избивать младенцевъ. За это беззаконіе, за неповинно пролитую дѣтскую кровь, Богъ посылаетъ на Ирода кару:

«По грудяхъ болячкы, по спыни чырячки...
Ковтуны въ чуби сталы...
Пидъ очыма позеленило,
Пидъ носомъ почорнило,
Якъ у собакы пидъ хвостомъ.
Ризачка до пупа докучала,
Дуже въ животи бурчало...
Лыкаривъ призывалы,
Пластырь клалы»...

Ничто не помогло. Сгинулъ Иродъ, „дыявольськый гайдамака“:

«Не вмивъ хлиба исты,
Пропавъ безъ висты,
Якъ у ярмарку собака»...

Такъ ему и слѣдуетъ... „А мы“, такъ заканчивается вирша, „звеселимся, Христу-Рождеству и Божеству поклонимся“ [1]).

[1]) Терещенко, „Бытъ русскаго народа“, ч. 7, 68–69. Отсюда перепечатана эта вирша у Безсонова, см. „Калики перехожіе“, IV, 27.

[1]) Кіевская Старина, 1888, Январь, 278. Записана эта вирша отъ Гулака-Артемовскаго около 1848 года.

Вирши-колядки о царяхъ и объ Иродѣ не отличаются художественностью, за исключеніемъ тѣхъ колядокъ, въ которыхъ цари даютъ имя родившемуся Спасителю, а также немногихъ колядокъ, въ которыхъ изображается горе матерей послѣ избіенія младенцевъ:

«Ой есть Иродъ, есть проклятый,
Сына свого не пускае,
Малыхъ дитокъ выбываe,
Голымъ мечемъ вырубае,
Кровъ невынну пролывае...
Плаче ненька и рыдае...
Годи, маты, вже рыдаты,
Малыхъ дитокъ вже немае» [1])...

Тема, какъ мы знаемъ, излюбленная въ малорусской народной поэзіи. Безумная жестокость Ирода глубоко напечатлѣлась въ сознаніи малорусскаго народа, который не мало видѣлъ Иродовъ въ родной землѣ своей въ лицѣ враговъ-иноплеменниковъ—такихъ, напримѣръ, какъ Татаре и Турки. Отсюда ведутъ свою исторію извѣстныя выраженія: „Иродивъ сынъ“, „Иродового сына дытына“...

Есть еще одна рождественская вирша, едва-ли не лучшая въ художественномъ отношеніи. Она изображаетъ всеобщую радость по поводу рожденія Спасителя. Основной мотивъ этой вирши въ неразработанномъ видѣ мы нашли въ одной старинной рукописи прошлаго вѣка. Повидимому, это вирша-колядка:

«Солнце и мѣсяць весело играютъ,
Гори и холми радость въ себѣ мають,
Поля и дуброви
Хвалить Бога вси готови,
И вси человѣци днесь весело скачуть,
А зліе души вси во адѣ плачуть.
А ти, Аароне, старій человѣче,
Сподобилеся жить въ небѣ вѣчне,

[1]) Чубинс.Ш, стр. 359, № 87, вар. Б.

Же Богъ-Месія
Съ твоего жезла возсія.
А ти, Давиде, своя гусли строй, строй,
Грай весело, а Бога ся бой, бой,
Возграй, восклицай, веліимъ гласомъ викрикай!»[1])

Вирша-орація начинается изображеніемъ праздничнаго торжества между людьми:

«Бабы, диды пыво-меды, горилку варену
Кухлыкомъ пьють, съ кнышами труть свыныну печену,
Хлопци, дивкы навпередкы бигають пидъ хатки,
И якъ вовкы, або свынкы, скыргычуть колядки.
Паны, купци, славни кравци, шынкарство, мищане
Объ симъ Ризди уси въ нови убралысь жупаны».

Тутъ есть все: разные возрасты и сословія обитателей Малороссіи, пища и одежда ихъ. Живая, бытовая картинка эта замыкается олицетвореніемъ матери-земли:

«Маты-земля уся гуля и, взявшысь у бокы,
Писни гука, бье гопака въ пидкивкы шыроки».

Торжествуютъ и ангелы на небѣ: „въ долони бьють, писни гудуть“. Глядя на это всеобщее ликованье,

«Старенькый Бигъ на стилъ излигъ и самъ соби дума:
«Празднык душамъ, тильки Адамъ изъ Евою рюма».

Тяжело ему видѣть эту неполноту міроваго счастія: „важко здыхнувъ“ онъ и приказалъ архангелу Гавріилу написать въ адъ къ праотцамъ, что Христосъ родился. Небесный посланникъ на этотъ разъ оказался искуснымъ писаремъ: тотчасъ досталъ онъ „папиръ и черныло“ и написалъ измученному Адаму длинное посланіе съ отрадною вѣстью, что онъ вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ „изъ пекла спасеться“. Съ характерными пріемами медленнаго и флегматическаго украинца читаетъ Адамъ посланіе отъ Бога: предварительно онъ „надивъ сирякъ, на лавку сивъ да и надивъ на нисъ окуляры“... Ожилъ Адамъ, какъ только окончилъ чтеніе:

[1]) Рукопись церк.-археологич. музея при кіевс. Академіи, № 252.

«Якъ прочытавъ, Еви сказавъ: «давай варенухы!»

Подкрѣпившись изрядно, онъ съ соблюденіемъ всѣхъ подобающихъ церемоній

«Зъ гыри знима капелюху,
На пень же ставъ тай прочытавъ той лыстъ всимъ до слуху,
И увесь тутъ загудивъ людъ, мовъ литомъ ти бджолы,
Беруть жинокъ, ведуть въ танокъ, затыкавшы полы.
Тіи бычка, ти козачка, ти горлыцю скачуть,
Сами-жъ стари, сыдя въ шатри, одъ радости плачуть.
Пророкъ Давыдъ тамъ-же сыдыть и въ кобзу играе,
Писню святу Спасу-Хрысту зъ псалтыри чытае.
Чорнявый Хамъ сыдыть тежъ тамъ и риже въ сопилку,
Самъ добре пье и всимъ дае квартою горилку.
Куци чорты, мовъ ти хорты голодніи, скиглять,
Лапы грызуть, що попавъ рвуть, скрутылысь и пинять.
Суцига-смерть соби жъ верть-верть и ляпъ-ляпъ кисткамы.
Смерте, вгаймусь!..
Нашъ Богъ-Хрыстосъ чортивъ, якъ осъ, подавыть ногою,
Зъ твоихъ кистокъ, смерте, трисокъ наробыть и гною,
Всихъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробыть до раю.
Сымъ я Хрыстомъ, паны, зъ Риздвомъ васъ поздоровляю» [1]).

Мы не имѣемъ серьезныхъ основаній отказывать нашимъ предкамъ въ набожности религіозной. Борьба за вѣру отцевъ, за „благочестіе“, какъ говорили въ старину, наполняетъ много страницъ въ исторіи малорусскаго народа. И нужно сказать еще, что борьбу эту вела не одна простонародная масса; не отставали отъ общаго дѣла всѣ слои малорусскаго общества, не исключая, конечно, и тѣхъ, изъ которыхъ происходили сочинители праздничныхъ виршей. И однако-же мы не видимъ въ этихъ виршахъ церковной регламентаціи и соотвѣтствующей выдержанности. Напротивъ того, мы видимъ въ нихъ совершенно сво-

[1]) „Кіевская Старина“, 1882 г., Декабрь, 624—626. Сообщилъ С. И. Пономаревъ безъ означенія мѣста и времени записи. Варіантъ той-же вирши, но безъ конца списанъ въ 1888 г. въ Кролевец. у. со словъ А. А. Пороховской; см. „Кіевс. Старина“, 1889 г., Январь 234. Въ нашемъ распоряженіи есть тоже два списка этой вирши, сравнительно недавніе.

бодное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ сюжетами, которые составляютъ святыню христіанскаго вѣрующаго чувства. Можно-ли сказать безъ всякихъ колебаній, что въ нихъ нѣтъ этого чувства? Намъ кажется прежде всего, что въ нихъ есть особенное чувство, именно чувство мѣры, которое управляетъ мыслями писателя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ, какъ говорится въ народѣ, „не передать кути меду“. Въ оцѣнкѣ этого чувства, въ соображеніяхъ о томъ, на сколько и какъ соблюдено оно, конечно, могутъ быть разныя точки зрѣнія. Но, по нашему мнѣнію, за исключеніемъ вымышленныхъ подробностей, взятыхъ изъ живой жизни, во всѣхъ приведенныхъ нами виршахъ сквозь реальную и даже, повидимому, грубую оболочку проглядываетъ тотъ идеализмъ религіозный, который далекъ былъ отъ разъѣдающаго скептическаго настроенія и который не боится свободнаго слова, такъ какъ почиваетъ онъ на глубокой увѣренности въ самомъ себѣ, въ собственной природѣ своей. Оттого и святые, выступающіе въ виршахъ, говоря и дѣйствуя въ духѣ и тонѣ праздничнаго всенароднаго настроенія, производятъ впечатлѣніе людей симпатичныхъ по своему нравственному настроенію, понятому въ смыслѣ идеи, а не въ смыслѣ обряда. Напротивъ того, дьяволъ и послѣдователи его внушаютъ полнѣйшее отвращеніе именно вслѣдствіе отсутствія въ натурѣ ихъ нравственной основы. Мы понимаемъ, что тѣ и другіе поставлены въ кругъ человѣческихъ отношеній, на почву живой, текущей дѣйствительности съ ея заурядными стремленіями и треволненіями, но мы не видимъ въ то-же время принципіальнаго разногласія въ изображеніи этихъ лицъ съ основной идеей, завѣщанной библейскимъ или евангельскимъ ученіемъ. Мы не можемъ требовать отъ нашихъ виршей того, что составляетъ необходимую принадлежность церковныхъ пѣснопѣній. Мы можемъ судить объ нихъ только лишь со стороны ихъ поэтическаго достоинства, со стороны поэтическаго метода въ изображеніи религіозныхъ понятій. Въ этомъ отношеніи онѣ удовлетворяютъ не только общимъ условіямъ поэтическаго творчества, но и тому основному требованію его, которое заключается въ соблюденіи индивидуальныхъ особенностей, свойствен-

ныхъ творящей силѣ. Если бы намъ предложили, наконецъ, въ немногихъ словахъ назвать эти индивидуальныя особенности, то мы сказали-бы, что въ праздничныхъ малорусскихъ виршахъ, и именно въ виршахъ-ораціяхъ, мы видимъ оригинальное сочетаніе элементовъ неоднородныхъ — юмористическаго замысла и простодушно-наивнаго чувства.

На воскресенскихъ виршахъ мы не будемъ долго останавливаться. Онѣ развиваютъ только одну тему, достаточно развитую въ послѣдней рождественской виршѣ, именно мысль объ „избавленіи отъ вечнаго плена нашого“, какъ говорится въ одной виршѣ, т. е., объ изведеніи Спасителемъ праведныхъ душъ изъ ада. Начинается эта вирша разсказомъ о встрѣчѣ Іуды съ Люциперомъ во адѣ. Радъ Люциперъ дорогому гостю и принимаетъ его, какъ союзника своего:

«Теперъ же я», говоритъ онъ,—
«позволяю съ собою сыдити,
И яже азъ пію чашу, то й ты будешъ пыты».

Онъ надѣется, что посланные имъ бѣсы приведутъ въ адъ и Спасителя. Между тѣмъ бѣсы извѣщаютъ Люципера, что приближается къ аду воскресшій истинный Богъ въ сопровожденіи ангеловъ, которые поютъ ему пѣснь славы. „Що тамъ за царь славы“? восклицаетъ Люциперъ и хочетъ не пустить Спасителя на небо. Другіе бѣсы совѣтуютъ ему оставить этотъ планъ:

«Хиба жъ ты», говорятъ они,
«не знаешъ? Якъ винъ сюда прыйде,
То весь собранный нами народъ изъ пекла выйде».

Вотъ наконецъ является въ аду Спаситель. Божественный свѣтъ осіялъ мрачныя пучины ада. Спаситель приказываетъ Адаму, чтобы онъ самъ выходилъ изъ ада, не оставляя ни одной праведной души, кромѣ Каина и Соломона, который можетъ „крышко-дуже мудроваты“. Люциперъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что ему достался мудрѣйшій человѣкъ, по Соломонъ не замедлилъ поспорить съ Люциперомъ, за что бѣсы изгоняютъ его изъ ада. Такъ-то и Соломонъ изъ пекла „вымудровався“ [1]).

[1]) Основа, 1862 г. № 6, стр. 49—53. Вирша эта записана отъ И. М. Полторацкаго въ харьковской губерніи.

Въ другихъ воскресенскихъ виршахъ рѣчь идетъ о томъ же, только подробнѣе нарисована сцена исхода ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада и самое водвореніе ихъ въ раю. Въ видѣ предисловія къ одной изъ этихъ виршей, вполнѣ народной по языку, разсказывается о томъ, какъ Марія встрѣтилась съ воскресшимъ Спасителемъ, какъ жиды подкупили стражу, чтобы она сказала Пилату, будто бы Христа кто-то укралъ изъ гроба:

«А Хрыстосъ бувъ на роботи,
Попалывъ соби чоботы,
Покпль пекло погасывъ
И Адама воскресывъ».

Уже въ аду начинаютъ догадываться праведники о радостномъ событіи: Моисей

«Прыбигъ швыдче къ Аарону
Зробыть справку по закону:
Чы прыйшла годына та,
Чы выйшлы лита Хрыста?
Ааронъ очкы надивъ
И въ библію поглядивъ».

Догадался и дьяволъ, что Христосъ воскресъ, и потому

«Злякався, затрусывсь увесь».

Но вотъ приближается Христосъ къ аду, разсыпались стѣны ада, спрашиваетъ Христосъ дьявола:

«Де старенька баба Ева?»

Помѣшалъ дьяволъ кочергою въ пеклѣ, вышла Ева съ обгорѣлыми плечами, а за нею и Адамъ,

«Ажъ Христосъ злякався самъ».

Ступайте, говоритъ онъ имъ, въ рай! Побѣжали праотцы, какъ малыя дѣти:

«Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ употивъ,
Попередъ усихъ летивъ».

Затѣмъ одинъ за другимъ выходятъ Ной, Іафетъ, Авраамъ,

«Рудый богатырь Самсонъ,
Що бувъ вельми ласъ на сонъ,
Наробывъ винъ въ пекли трусу,
Крыкнувъ Навину Исусу,
Щобъ винъ сонце прыдержавъ:
Адъ затрясся, задрожавъ».

Прибѣгаютъ праведники къ дверямъ рая. Здѣсь

«Премудрый Соломонъ
Задзвонывъ у райскый дзвонъ».

Зовутъ всѣхъ на обѣдъ:

«Тутъ посили вси за стилъ,
Подалы и хлибъ, и силь,
Кожному по чарци пыва.
Наробывъ Давыдъ тутъ дыва,
Прыударывъ въ гусли такъ,
Що пишовъ скакать усякъ».

Въ танцахъ принимаютъ участіе ветхозавѣтныя женщины: Сарра, Рахиль, Лія, Ревека, Сусанна и Эсфирь.

Грубо поняты въ этой виршѣ наслажденія праведныхъ въ раю, но точкой исхода въ перенесеніи земныхъ наслажденій на небо было, конечно, представленіе о псалмопѣвцѣ Давидѣ, который и въ живописи церковной является съ гуслями. Въ Симоновской псалтири (до 1280 г.) мы видимъ изображеніе Давида съ гуслями въ цѣлой толпѣ музыкантовъ, которые играютъ на самыхъ разнообразныхъ инструментахъ [1]). А гдѣ игра, тамъ и пляска, по наивному убѣжденію народа.

Особенный интересъ представляютъ заключительныя слова этой вирши:

«Не здывуй, святый Владыко,
Може, для тебе и дыко,
Що я виршъ таку сказавъ,
Да и пысанкы не взявъ.
Не доладня наша мова,

[1]) Изъ библіотеки Хлудова. (См. Сборникъ изображеній святыхъ съ X по XV в. Архим. Амфилохія, 1885 г., л. 17-й).

Да не збрешемъ мы ни слова,
Хочь и сердце разверны,
То не найдешъ тамъ брехни
Ты, Всевидець и Творець,
Висы начало й конець [1])».

Очевидно изъ этихъ словъ, что вирши юмористическаго содержанія, и притомъ на чисто народномъ языкѣ, произносились даже предъ высокопоставленными лицами. По преданію, одну изъ такихъ виршей въ день праздника Пасхи говорили черноморцы свѣтлѣйшему князю Потемкину [2]). Повидимому, обычай этотъ интересовалъ не только молодежь, но и взрослыхъ людей, занимавшихъ солидное общественное положеніе. Такъ можно думать, между прочимъ, и на основаніи содержанія одного изъ варіантовъ черноморской вирши, въ которой рѣшительно и прямо высказываются desiderata посполитаго люда. Какъ только воскресъ Спаситель, говорится въ заключительныхъ строкахъ вирши,

«Заразъ тая середъ рая свобода засила,
Тутъ тышына, вся старшына не мае къ имъ дила;
Тутъ синуга, війтъ-пъянюга, вже не докучае,
И въ пидводу тутъ изъ роду нихто не хапае.
Вси подублы, що ихъ скублы, сильскіи нахалы,
Подеречи, колотнечи вси уже пропалы.
Утикъ куражъ, здырства нема жъ, пропалы вси драчи,
Счезло лыхо, жывуть тыхо, не дають подачи» [3]).

Какъ бы то ни было, только отъ нравоописательныхъ виршей не далекъ былъ уже переходъ и къ поэтическимъ произведеніямъ чисто общественнаго содержанія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ этихъ произведеній, уцѣлѣвшее отъ

[1]) Кіевская Старина, 1888 г., № 1-й, 279—282. Записана эта вирша въ сороковыхъ годахъ И. М. Звониковымъ отъ мѣщанина кіевскаго Плекуна. Мы изложили содержаніе ея по списку болѣе полному, относящемуся къ тому-же времени.

[2]) Сводный списокъ этой вирши по рукописямъ А. А. Скальковскаго и Н. В. Гоголя помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ“, 1882 г., Апрѣль.

[3]) Ibidem, 1882 г. Сентябрь. Варіантъ этой вирши см. Терещенко, „Бытъ рус. народа“, ч. 6, стр. 112—115;—кіевс. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 7.

XVIII в. въ позднѣйшемъ спискѣ. Мы разумѣемъ стихотворную легенду о пекельномъ Маркѣ [1]), который

«Бувъ ледарь завзятый,
Батька й матиръ не поважавъ,
А все тильки пывъ та гулявъ;
На улыцю до дивчатъ першымъ поспишався,
А у церкви послиднимъ зоставався,
Щобъ мерщій можна було втикаты,
Якъ попъ на выходъ почне благословляты;
Зъ чужымы жинкамы женыхався,
Та старыхъ людей цурався,
За его буйною головою
Не було никому спокою».

Одинъ разъ говѣлъ онъ и причастился. Въ этотъ моментъ, когда еще не успѣлъ онъ натворить новыхъ грѣховъ, явился къ нему апостолъ Петръ во снѣ и приказалъ ему освободить изъ пекла козаковъ, которыхъ бѣсы старались задержать въ пеклѣ всякими приманками:

«Жинокъ понапускалы,
Щобъ козакивъ на нови грихы скушалы.
Вже де-яки почалы женыхаться,
Щобъ у пекли на викъ позостаться.
А иншыхъ сталы горилкою частуваты,
Щобъ тильки спасенія перестали прохаты.
«Будешъ мени зъ пекла», говоритъ апостолъ, «козакивъ вызволяты,
Та у рай заставы видчыняты».

Исчезло видѣніе, и Марко очутился въ пеклѣ. Началъ онъ, какъ говоритъ народная пословица, „товктысь по пеклу“ и окончилъ миссію свою съ полнымъ успѣхомъ: освободилъ онъ всѣхъ козаковъ.

«Сто литъ пекло пустовало»,

---

[1]) Ibidem, 1885 г., Августъ. Легенда записана въ Тенчинской станицѣ Черноморскаго войска отъ козака 76 лѣтъ, Вакулы Губы, въ 1835 г.

такъ заканчивается легенда,

«И такъ було бъ и пропало,
Та козакы почалы гришыты,
Та Господа гнивыты.
Зъ сего упять чорты понаплодылись,
Та пекло почалы робыты,
Щобъ де було козацькымъ грихамъ жыты»...

Много было грѣховъ этихъ, не мало и добродѣтелей. Для знакомства съ тѣми и другими остановимся на діалогахъ и интермедіяхъ, которыя тоже входятъ въ составъ виршевой литературы, созданной старинной малорусской школой.

П. Житецкій.

БАНКЕТЪ ДУХОВНЫЙ.

Извѣстно, какое важное мѣсто въ системѣ древняго польскаго, а затѣмъ и южно-русскаго воспитанія занимали пѣніе, инструментальная музыка, драматическія представленія, диспуты и діалоги на разныя темы. Такъ въ статутѣ хелмненской школы (въ Познанщинѣ) читаемъ: 1) „На всякую субботу должны поочередно быть призначены нѣсколько человѣкъ студентовъ, которые должны произносить небольшіе разсказы или исторіи въ присутствіи другихъ. Разсказы эти могутъ относиться къ жизни какого нибудь святого, къ историческимъ событіямъ, къ описаніямъ природы, или это могутъ быть поздравленія, рѣчи на случай свадьбы или похоронъ, разсужденія для доказанія чего нибудь, или фиктивныя рѣчи сеймовыя. 2) По крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ должны быть устраиваемы въ присутствіи шляхты (т. е. отцовъ и сродниковъ учениковъ) упражнительныя пренія по образцу сеймиковъ; для того надо опредѣлить 10 или 12 учениковъ, которые бы диспутировали pro и contra о матеріяхъ политическихъ, такихъ, какія обыкновенно бываютъ предметомъ сеймиковыхъ совѣщаній“ [1]). Хотя о драматическихъ представленіяхъ въ этомъ статутѣ ничего не сказано, но существованіе ихъ неоспоримо доказываетъ рукописная тетрадь, находящаяся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 2455) и заключающая въ себѣ нѣсколько школьныхъ драмъ на польскомъ языкѣ, представленныхъ въ 1760, 1761 и 1762

[1]) *Józef Łukaszewicz* Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie litewskiem, т. III, стр. 413.

годахъ. Замѣчу кстати, что одна изъ этихъ драмъ имѣетъ своимъ основаніемъ извѣстную исторію о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Особенно годичные и полугодичные экзамены въ древнихъ польскихъ школахъ были устраиваемы съ большимъ торжествомъ и при стеченіи громадной толпы публики. Настоятели этихъ школъ, обыкновенно духовные, іезуиты или піары, заботились болѣе о томъ, чтобы изъ такихъ оказій дѣлать рекламу для своихъ заведеній и своего ордена, чѣмъ о томъ, чтобы дѣйствительно показать научные успѣхи своихъ воспитанниковъ. „Диспуты по теологіи, философіи и проч. въ школѣ Любранскаго въ Познани—говоритъ Лукашевичъ [1]) оповѣщаемы были обыкновенно афишами, которыя разсылались монастырямъ, мірскимъ духовнымъ и болѣе образованнымъ познанскимъ жителямъ и приклеивались на дверяхъ костеловъ“. Въ польскихъ мемуарахъ XVIII в. есть множество упоминаній о торжественныхъ экзаменахъ, диспутахъ и проч., составлявшихъ вѣнецъ польскаго воспитанія того времени. Что и въ южнорусскихъ школахъ, устроенныхъ въ XVI и XVII вѣкѣ по образцу польскихъ, существовали такіе же обычаи, объ этомъ мы имѣемъ массу свидѣтельствъ, а прежде всего, имѣемъ на лицо довольно значительное число школьныхъ драмъ, сочиненныхъ воспитателями Кіево-Могилянской академіи въ XVIII вѣкѣ, а также еще болѣе значительное число виршей, кантовъ, поздравительныхъ стихотвореній, сочиненныхъ для такихъ оказій и частью печатанныхъ еще въ XVII и XVIII вѣкахъ. Какъ популярны были эти студенческія торжества и какую долю культурнаго элемента вносили они въ массу южнорусскаго населенія, объ этомъ достаточно будетъ привести одно авторитетное свидѣтельство. „Во время праздника Рождества Христова,—пишетъ митрополитъ Евгеній въ своемъ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора и Кіевской эпархіи“—отборные студенты (Кіево-Могилянской академіи) и ученики ходили по домамъ со звѣздами, съ вертепомъ или райкомъ, представлявшимъ куклами Рождество или Воскресеніе Христово, но послѣ сіи представленія предоставлены це-

[1]) Тамже, стр. 505.

ховымъ мастерамъ, а вмѣсто того представлены *діалоги*, драмы. Въ ваканціи лѣтнія, составивъ изъ себя артели, уходили по разнымъ губерніямъ и слободскимъ полкамъ—пѣвали по домамъ разные канты... представляли *діалоги*, комедіи, трагедіи и пр.... Пѣвческая и инструментальная музыка на разныхъ, а паче духовныхъ инструментахъ, по общей склонности къ оной малороссійскаго народа, была любимымъ упражненіемъ академистовъ... Въ три майскія рекреаціи всѣ ученики и учителя и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись разными невинными играми, а студенты пѣли канты. Учитель поэзіи обязанъ былъ для такихъ прогулокъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учителя *діалоги*... Въ философіяхъ и богословіи вмѣсто экзаменовъ были годовые публичные диспуты... въ промежуткахъ пѣты бывали канты съ инструментальною музыкою. Въ давнія времена всѣ диспуты производились только на латинскомъ языкѣ. Но въ послѣдствіи *для разумѣнія и простому, въ множествѣ стекавшемуся народу*, нѣкоторыя положенія оспариваемы были и на русскомъ (мѣстномъ) языкѣ. Въ промежуткахъ также ученики низшихъ классовъ говаривали разные *діалоги* и читали стихи“ [1]).

Въ этой интересной выпискѣ мы нарочно подчеркнули слово „діалоги“. Какъ видно, они на ряду съ кантами, комедіями, трагедіями и стихами составляли главный продуктъ той школьной литературы. А между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, именно изъ числа этихъ произведеній нашей старой письменности до сихъ поръ ничто не было опубликовано. Кантовъ и виршей имѣется въ печати довольное количество; еще въ XVIII вѣкѣ громадная масса ихъ вошла въ составъ почаевскаго „Богогласника“, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, соотвѣтственными видамъ его уніатскихъ издателей. Изъ области школьной драмы тоже значительная часть имѣющагося матерьяла приведена въ извѣстность, благодаря, главнымъ обра-

[1]) Описаніе Кіево Софійскаго Собора и Кіевской епархіи, часть II, стр. 215, 216, 218, 223, 224.

зомъ, поискамъ г. Н. Петрова. Но что касается школьныхъ діалоговъ, то о нихъ мы до сихъ поръ не умѣемъ сказать ничего положительнаго, кромѣ самаго факта, что они когда то были въ большомъ ходу. Я не знаю, можно ли причислить къ этого рода произведеніямъ опубликованный въ „Кіевской Старинѣ“ „Разговоръ Малороссіи съ Великороссіей“, но несомнѣннымъ кажется мнѣ то, что интересныхъ разговоровъ Сковороды, опубликованныхъ въ томикѣ его сочиненій (С.-Петербургъ, 1861) сюда причислить нельзя. Это философскіе трактаты, въ которыхъ знаменитый „духовный Богочтецъ“ въ довольно замысловатыхъ аллегоріяхъ излагалъ свои идеи и воззрѣнія для собственнаго удовольствія и назиданія не многихъ друзей—вещи отнюдь не популярныя и недоступныя массѣ обыкновенныхъ слушателей. Значитъ, за вычетомъ этихъ вещей, мы не имѣемъ въ печати почти ни одного изъ многочисленныхъ и популярныхъ когда-то школьныхъ діалоговъ и не имѣемъ даже собранныхъ извѣстій о томъ, есть ли они еще гдѣ нибудь въ рукописяхъ.

А между тѣмъ нельзя сомнѣватся въ томъ, что приведеніе въ извѣстность этихъ, хотя и скромныхъ плодовъ нашей давней письменности, могло бы представить значительный интересъ для историка южно-русской жизни и литературы: историкъ южно-русскаго просвѣщенія нашелъ бы въ нихъ драгоцѣнныя бытовыя подробности и намеки, коихъ въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ иногда и искать напрасно. Особенно діалоги, составленные на „мѣстномъ русскомъ“, т. е. на малорусскомъ языкѣ, должны представлять большой интересъ въ отношеніи языка и фразеологіи.

Все сказанное должно, кажется, быть достаточнымъ поощреніемъ для любителей южно-русской исторіи и литературы къ разыскиванію и приведенію въ извѣстность сохранившихся еще въ разныхъ мѣстахъ древнихъ школьныхъ діалоговъ, и по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на южнорусскомъ языкѣ, хотя и въ діалогахъ латинскихъ и церковнославянскихъ могутъ попадаться очень интересныя и цѣнныя частности. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти строки должны служить введе-

ніемъ къ тексту одного памятника, принадлежащаго несомнѣнно къ числу школьныхъ діалоговъ и найденнаго мною еще въ 1889 году, во время археологическо-библіографической выставки ставропигійскаго института во Львовѣ. Памятникъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ той-же рукописи, бывшей Подгорецкаго Василіанскаго монастыря, а теперь пріобрѣтенной львовской Ставропигіей, въ которой находится также фрагментъ „Книжицы Іоанна Вишенскаго", описанный мною въ „Кіев. Стар.".

Къ сожалѣнію, первый листокъ рукописи, гдѣ было оглавленіе и начало нашего діалога, утерянъ, и поэтому мы ничего не знаемъ ни о его авторѣ, ни о мѣстѣ и времени его составленія. Судя по рукописи, его нужно отнесть къ тому же времени, что и весь сборникъ, т. е. ко второй половинѣ или даже къ концу XVII вѣка. Я далъ этому діалогу заглавіе „Банкетъ духовный", какъ онъ и названъ сейчасъ въ первой фразѣ разговора.

Діалогъ состоитъ изъ трехъ частей: стихотворнаго пролога, разговора, и стихотворнаго же эпилога. Судя по содержанію, сочиненіе это должно было быть произнесено при какой нибудь торжественной оказіи, можетъ быть, при годичномъ экзаменѣ, передъ многочисленной публикой, состоявшей главнымъ образомъ изъ отцовъ и сродниковъ учениковъ. Вѣроятно, прологъ и эпилогъ произнесены были или кѣмъ нибудь изъ старшихъ учениковъ, или даже самимъ учителемъ: особенно отечески наставительный а мѣстами патріотически-грустный тонъ эпилога наводитъ на это предположеніе.

Что касается самаго діалога, то онъ очевидно былъ предназначенъ для учениковъ меньшаго возраста, какъ объ этомъ сказано и въ эпилогѣ. Къ концу разговора попадаются нѣкоторыя частности апокрифическаго характера, какъ напр.—о непорочномъ зачатіи Іоанна Крестителя и пророка Іереміи, а также о томъ, что сыны патріарха Іакова, Исавъ (здѣсь ошибочно названный Савуломъ) и Іаковъ были близнецы и ссорились еще въ матерней утробѣ.

Текстъ нашего діалога, писанный мелкимъ полууставомъ, безъ ошибокъ и поправокъ, и сохранился хорошо, за исключе-

ніемъ утерянаго заглавнаго листка, на которомъ было также начало пролога; изъ пролога сохранилось на слѣдующемъ листкѣ только 6 стиховъ. Языкъ діалога, какъ увидитъ читатель, обыкновенный литературный языкъ Южной Руси, выработавшійся въ XVI и XVII вѣкахъ. Правописаніе не послѣдовательное, титлы рѣдко попадаются (въ моей транскрипціи онѣ совсѣмъ устранены), твердый знакъ обыкновенно поставленъ надъ строкою въ видѣ ковычки, которую я тоже пропускаю; впрочемъ, воспроизвожу текстъ безъ всякихъ измѣненій.

Миронъ.

Банкетъ духовный.

ПРОЛЬОГЪ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . [1]

що въ діалогу теразнѣйшомъ маемъ
пребачте теразъ, васмосцювъ жадаемъ
кволи дѣтокъ котріе суть въ школѣ.
Будемъ розмовляти и родичомъ кволѣ,
бы на насъ были потомъ бачнѣйшіе
и до своихъ домовъ пріемнѣйшіе.

Пытанье. Прошу тя брате на банкетъ духовный, бысми на квестіе (sic!) отповѣдалъ, которіе ся будутъ мною освѣдчати.

Отповѣдь. И овшемъ, брате мой, пытайсе, на вшистко ти доводне зъ волею Божею отповѣмъ.

Пытанье. Много кратъ человѣкъ каждый на свѣтъ ся родитъ, добрая бы речъ о томъ знати.

Отповѣдь. Три разы родится. Першій разъ зъ отца и матки по плоти. Другій разъ предъ Крещеніе отъ воды и Духа. Третій разъ родится на змертвыхъ стане енералного суду Христова.

---

[1]) Недостаетъ неизвѣстное число строкъ.

Пытанье. Адамъ продокъ и праотецъ нашъ бывши въ раю и по выгнаню зъ рая много становъ въ собѣ малъ.

Отповѣдь. Чтыри станы въ собѣ мѣлъ. Першій гды былъ въ раю безъ грѣха. Другій по выгнаню зъ рая, третій во благовѣстіи новаго тестаменту Ісусъ Христова, четвертый въ остатномъ судѣ.

Пытанье. Душа человѣчая много становъ въ собѣ маетъ.

Отповѣдь. Три маетъ станы. Першій въ тѣлѣ, другій безъ тѣла, третій во божественномъ тѣлѣ по змертвыхъ встаню.

Пытанье. Душа если маетъ покой завше, пытаюся.

Отповѣдь. Не завше, брате, маетъ покой и добрая душа, гдыжъ въ тѣлѣ чоловѣчомъ бывши не маетъ покою, але война уставичная, ведлугъ псалма: отъ юности моея мнози борутся со мною страсти. По смерти зась маетъ дочасный покой, а по змертвыхъ встаню вѣчный одержитъ покой.

Пытанье. Южъ о томъ досытъ. Пытаю жъ тя еще, если и крещенный, якъ жесь ся окрестилъ.

Отповѣдь. Окрестилемся во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Пытанье. Если есь ся окрестилъ якъ вѣришъ.

Отповѣдь. Вѣрую якъ церковъ каѳолическая вѣритъ и якъ вызнаваетъ символъ апостолскій: Вѣрую во единаго Бога и проч., при томъ статечне стою и умираю.

Пытанье. А якъ же церковъ каѳолическая вѣритъ.

Отповѣдь. Вѣритъ въ Отца и Сына и Святого Духа, въ Троицу единосущную, три персоны а божество едино, вѣритъ въ отца безлѣтнаго, Сына отъ Отца предъ вѣки рожденнаго, подъ лѣты засе зъ матери Дѣвы Маріи дѣвствомъ (sic. вм. дѣйствомъ) Святого Духа. Вѣритъ Духа Святого отъ Отца исходящого, Сыномъ посылаемаго. Вѣритъ ижъ святыя молятся завше о насъ. Пріймуетъ образъ Святыхъ для окрасы своей. Вѣритъ змертвыхъ встаню и царствію небесному.

Пытанье. Естъ ли якая таемница въ церкви.

Отповѣдь. Таемницъ въ себѣ церковъ святая замыкаетъ седмъ, которіе называются сакраментами. Першій сакраментъ крещеніе, другій помазаніе миромъ святымъ, третій евхаристіе

то есть причастіе тѣла и Крове Христовой, четвертый покаяніе любо тежъ епитемія, пятый священство, шестый малженство, седмый елеомъ святымъ остатнее помазаніе.

Пытанье. Доводне ми брате на все отповѣдаешъ. И еще тя пытаю, могутся тые сакрамента повторяти.

Отповѣдь. Не всѣ ся повторяютъ, едно чтыри.

Пытанье. А которіежъ ся повторяютъ и не повторяютъ.

Отповѣдь. Якомъ реклъ первше, чтыри сакрамента могутъ ся повторяти, то есть малженство, покаяніе, причастіе тѣла и крове христовы и елеомъ помазаніе. А трохъ не повторяютъ: крещеніа, миропомазаніа и священства. Кто бы ихъ мѣлъ любъ важился повторяти, грѣшитъ смертелне.

Пытанье. Много крещеній признаваемъ.

Отповѣдь. Три крещеній знаю. Первое пустынно слезное, второе мученическое, третее отъ воды и духа.

Пытанье. Въ старомъ законѣ кто фѣгуровалъ крещеніе.

Отповѣдь. Авраамъ отъ обрѣзанія и Мойсей отъ моря чермнаго.

Пытанье. Въ новой благодати кто впредъ крещеніе освѣдчилъ и покаяніе.

Отповѣдь. Іоаннъ Крестителъ на Іордани, котрый крестилъ водою але недосконале: бо самъ ознаймилъ, я васъ крещаю водою, грядый по мнѣ той васъ крестити будетъ огнемъ и духомъ; а то давалъ о приходѣ Сына Божіа знати, отъ котораго вси рѣчи досконалыми стали.

Пытанье. Въ старомъ законѣ читаемо, гды Мойсей на горѣ сынайской зъ Богомъ розмовлялъ предъ чтыри десятъ дній, що тамъ за розмова была и що за приказаня стондъ отнеслъ.

Отповѣдь. Трудная то речъ на мене таемници Божіе знати, еднакъ вкоротце ведлугъ науки моей плохой отповѣдаю. Розмовлялъ Богъ предъ ангела до Мойсея даючи знати бытность Адамову въ раю и о выгнаню его зъ рая, и о потопѣ и о Авраамѣ и якъ мѣлъ людъ Божій рядити и научати. Маемо тоей размовы пять книгъ Мойсеовыхъ. Давалъ тоежъ знати и о приходѣ Сына Божія единороднаго на земли.

Пытанье. Вижу тя брате мой, же писмо добре памятаешь, ещежъ ми повѣжъ, много приказаній Мойсей зъ горы сынайской знеслъ и на чомъ пысаныи.

Отповѣдь. Десять приказаній на камени предорогомъ перстомъ Божіимъ пысаный Мойсей зъ гори знеслъ. Первое приказаня, Я естемъ и Господь Богъ твой изведый тя отъ земли египетскія, абысь не мѣлъ боговъ опрочь мене. Вторая заповѣдь, абысъ болвановъ поганскихъ не мѣлъ и не кланялся имъ. Третяя абысь не бралъ на даремне имене Господа Бога твоего. Четвертая, памятай день святочный святити его. Пятая, чти отца твоего и матеръ, да благо ти будетъ и будеши долголѣтенъ на земли. Шестая не убиеши. Седмая не прелюбы сотвориши. Осмая не украдеши. Девятая абысъ на ближняго своего не свѣдчилъ фальшиве. Десятая абысъ не прагнулъ жены ближнего своего, анѣ маетности его, и всѣхъ речій що колвекъ маетъ ближній твой.

Пытанье. А оныежъ таблицѣ, на которыхъ приказане божое написано было, стоклися и въ порохъ обернулися, ажъ повторе росказалъ Богъ Мойсеови на гору сынайскую пойти. Но приказане, що то значило.

Отповѣдь. Значило въ моемъ плохомъ разумѣ то, же якъ першии ся таблицѣ скрушили, такъ засъ неблагодарный ласки Божей людъ жидовскій мѣлся о землю на вѣки ударити и такъ оное ударене внѣвечся обернуло, такъ власне и пародъ жидовскій предъ невѣрство внѣвечся оборочаетъ. Другіе засъ таблицы, которіе въ цалѣ зостали, значило (sic!) новый людъ христіанскій, которій въ цалѣ и въ ласцѣ Божой оплываютъ (sic!) вѣчне.

Пытанье. У которомъ законѣ два завѣта тую моцъ маютъ, на которихъ увесь законъ и пророци зависли, если бысь памятал, прошу ознаймити.

Отповѣдь. Памятаю: любити Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею, то першій завѣтъ. Другій, любити ближняго своего якъ себе самого.

Пытанье. Сила цнотъ богословскихъ признаваешъ.

Отповѣдь. Три цнотѣ: вѣра, надѣа и любовъ.

Пытанье. Сила засъ грѣховъ смертелнихъ вѣдаешъ.

Отповѣдь. Седмъ грѣховъ смертелнихъ знаю, пыха, лакомство, нечистота, заздрость, гнѣвъ, обжирство, лѣнивство.

Пытанье. Много учинковъ милосердныхъ признаваешъ.

Отповѣдь. Седмъ, голодного накормити, прагнущого напоити, нагаго одѣти, въ темници сущаго свободити, хораго навѣдити, страннаго въ домъ свой пріяти, мертваго до гробу отпровадити.

Пытанье. Презъ що человѣкъ збавленный можетъ быти.

Отповѣдь. Презъ молитвы и постъ и милостиню.

Пытанье. Презъ якіе речи Адамъ въ раю согрѣшилъ.

Отповѣдь. Для пяти речий: презъ виденіе очима, презъ слухъ ушима, презъ осязаніе рукама, презъ запахъ ноздрій.

Пытанье. На якіе речи человѣкъ повыненъ завше памятати.

Отповѣдь. На чтыри, то есть на смерть, на судъ, на пекло и царство небесное.

Пытанье. Еще ся до квестій посполитыхъ людій удаймо. Пытаю тя брате, далекъ (?) земля найвышше стоитъ.

Отповѣдь. Въ единствѣ христовомъ зо чтырехъ елементовъ, поневажъ въ тѣлѣ увелбенномъ надъ всѣ небеса сѣдитъ по правици отца своего.

Пытанье. Многихъ святыхъ находимъ, которіе еще въ утробѣ матчиной освятилися, якъ бись ми о томъ выводилъ.

Отповѣдь. Напродъ опрочь самаго Христа сына Божія, которій не отъ крве але отъ самаго духа святаго плодъ пріемъ, пресвятая Богородица, Іоаннъ Крестителъ и пророкъ Іеремѣа.

Пытанье. Которіи дѣти сварилися первѣй, нижъ ся народили.

Отповѣдь. Сыны Ісааковы близнята Савулъ и Іаковъ нѣмъ ся народили, въ животѣ матчиномъ войну точили, бо одинъ другаго за ногу тягнулъ.

Пытанье. Кто Божіе приказане выполнилъ а естъ затрачонъ.

Отповѣдь. Іуда, бо гды ему Ісусъ Христосъ предъ страстію своею реклъ: товарищу, отправуй тое, по щось пришолъ.

Пытанье. Кто по смерти илъ и пилъ и южъ болше не умиралъ.

Отповѣдь. Ісусъ Христосъ.

Пытанье. Кто первій ся народилъ нѣжели отецъ и матка.

Отповѣдь. Дѣти Адамовы, понеже Адамъ не есть рожденъ але сотворенъ.

Пытанье. Еще ти брате едну квестію задамъ, а въ томъ и скончимо. Много водъ естъ найчистшихъ.

Отповѣдь. Пять. Первая при Крещеніи, другая Іорданская, третяя слезы, которіи за грѣхи вытѣкаютъ, четвертая слезы дѣтей малыхъ, же гды ихъ родичове за выступки карутъ и въ школѣ, пятая котрая на млинъ идетъ.

Досытъ южъ, брате мой милый, розмовляти, досытъ, бысмо часу не обавили, бо якъ вижу на все ми доводне отповѣлес. Научимся многихъ рѣчій, за що благодару Бога моего, и тобѣ за таковый банькетъ и розмову вельце дякую.

ЕПѢЛЬОГЪ.

Южъ дошелъ конецъ, на томъ теразъ стало,
Пребачте, бо ся розне мотало.
Здало бы ся было вамъ уконтентовати,
Цные слухаче, болше банькетовати.
Еднакъ кто слухалъ и писма не знаючи,
Сила зрозумѣлъ, въ памяти маючи.
Вшисткихъ заровно просимъ, пребачте,
Якъ то отъ дѣтей, ласкаве пріяти рачте.
А свое дѣти до школы давайте,
Бы ся учили въ школѣ шановати,
Родичовъ своихъ, якъ тежъ и Бога знати.
Не допущайте дѣтемъ своей волѣ,
Не поблажайте, хочь выбютъ въ школѣ.
Слезы то чистые очи вытискаютъ,
Гды капость у школѣ дѣти пріймаютъ.
Але, якъ бачу, всѣ ходятъ по воли,
Ажъ хиба сотый дасть хлопця до школы.
Для того вѣра въ Россіи угасаетъ,
Же справу дати, якъ вѣритъ, не знаетъ.
Предъ що подданство строгое настало,
Чемъ панство нашей Россіи упало,

Поневажъ вѣкъ свой въ пестотѣ стравили,
А въ наукахъ бы на мнѣ ся не бавили.
Жаль то незносный мѣвши та не мѣти,
Прето давайте до школъ свои дѣти.
Досыть бы на томъ молитвы умѣти,
И вѣру свою строха зрозумѣти.
При семъ и тое вамъ до слуховъ приносимъ,
За якую колвекъ працу оремусу [1]) просимъ.

[1]) Лат. Oremus—помолимся.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.

Авторъ записокъ, отрывки которыхъ мы печатаемъ на страницахъ „Кіевской Старины“,—Автономъ Акимовичъ Солтановскій родился въ 1826 году и былъ уроженцемъ Подольской губерніи. По окончаніи въ 1849 году философскаго факультета университета св. Владиміра, онъ до 1864 г. былъ преподавателемъ въ ровенской гимназіи, занимая сначала должность учителя „наукъ историческихъ“, а затѣмъ русской словесности. Въ 1864 году Солтановскій былъ назначенъ инспекторомъ каменецъ-подольской гимназіи и исправлялъ должность директора народныхъ училищъ Подольской губерніи; но оставался въ этой должности всего только нѣсколько мѣсяцевъ. Приглашенный въ томъ же 1864 году на службу въ Царство Польское, онъ получилъ назначеніе начальникомъ сувалкской учебной дирекціи, а въ 1871 переведенъ въ Плоцкую, гдѣ и служилъ до своего выхода въ отставку 1 августа 1875 года. Затѣмъ онъ поселился въ гор. Брацлавѣ, Подольской губ., гдѣ и умеръ 16 іюля 1886 года, 60 лѣтъ отъ роду.

Печатаемыя нами записки любезно доставлены въ редакцію супругой покойнаго, Флорой Ивановной Солтановской. Подлинникъ ихъ, который хранится теперь въ редакціи „Кіевской Старины“, писанъ рукою самого А. А. Солтановскаго. Вся ру-

копись заключается въ 11 довольно толстыхъ тетрадяхъ, хотя, кажется, конца въ ней недостаетъ, потому что послѣдняя тетрадь обрывается неожиданно, на полусловѣ.

Записки обнимаютъ собственно время съ 1846 года (годъ поступленія Солтановскаго въ университетъ) по 1867-й, хотя авторъ говоритъ и о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи, равно какъ и о времени болѣе позднемъ 70-хъ и даже 80-хъ годовъ,—но говоритъ объ этомъ при случаѣ, мимоходомъ. До переѣзда Солтановскаго въ Польшу, приблизительно до 1864 года, записки носятъ характеръ воспоминаній, а затѣмъ переходятъ въ дневникъ, отчасти, конечно, теряя отъ этого въ интересѣ, главнымъ образомъ, со стороны литературной и какъ характеристикъ, хотя фактами онѣ остаются, по прежнему, богаты.

А. А. Солтановскій, какъ видно изъ его записокъ, былъ человѣкъ наблюдательный, съ передовыми взглядами по многимъ вопросамъ и въ извѣстныхъ случаяхъ умѣвшій серьозно и критически относиться къ окружавшей его дѣйствительности.

Записки А. А. Солтановскаго, думается намъ, представляютъ цѣнный матеріалъ для характеристики русскаго общества и русской администраціи въ юго-западномъ краѣ передъ возстаніемъ 1863 года. Особенно ярко у автора нарисовано состояніе средней школы, нравственнаго уровня ея учителей (характеристика ровенской гимназіи) и административныхъ порядковъ кіевскаго учебнаго округа—вѣдомства, наиболѣе близкаго автору, и съ которымъ онъ, слѣдовательно, лучше всего былъ знакомъ. Много цѣннаго содержатъ записки и для характеристики дѣйствій учебныхъ дирекцій въ царствѣ польскомъ. Приходится искренно пожалѣть, что мы, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, можемъ помѣстить только отрывки изъ этихъ замѣчательно-интересныхъ записокъ, правдивость которыхъ (за исключеніемъ мелочей, что̀ объясняется простой забывчивостью) мы имѣли возможность провѣрить справками у нѣкоторыхъ современниковъ описываемыхъ авторомъ событій. Такъ, все касающееся давней кіевской жизни провѣ-

рено нами указаніями одного почтеннаго старожила кіевскаго, пребывающаго безвыѣздно въ нашемъ городѣ съ 1835 года и стоящаго довольно близко къ той средѣ, которой касаются передаваемые факты. Ему, между прочимъ, мы обязаны поправками и дополненіями, помѣщенными нами въ примѣчаніяхъ.—Ред.

Кіевъ въ 1846 году, если не считать церквей и монастырей, былъ городъ болѣе деревянный, чѣмъ каменный. На Крещатикѣ я помню только двухъ-этажный домъ почтамта и какой-то большой въ три этажа домъ, еще неоконченный; сверхъ того, нѣсколько каменныхъ лавокъ, да еще два-три дома между Институтской улицей и другой, поднимавшейся къ крѣпости мимо царскаго сада [1]). Всѣ прочіе дома были одноэтажные, деревянные, крытые гонтой, какъ напримѣръ, домики профессоровъ университета Нейкирха и Деллена. На старомъ Кіевѣ, помнится, было два или три одноэтажныхъ дома изъ камня, да двухъ-этажный домъ Анненковыхъ съ лавочкою, въ которой продавались иконы, и еще одинъ домъ между Андреевскою церковью и Михайловскимъ Монастыремъ, кажется, Должикова, и другой въ саду, противъ Михайловскаго Монастыря, въ которомъ жилъ предсѣдатель Казенной Палаты Жандръ. Были и двѣ ветхія деревянныя церкви; одна изъ нихъ—„Скорбящей Матери Божьей“, которую каждую Субботу посѣщала вся кіевская знать женскаго пола, и гдѣ часто бывалъ всемогущій генералъ-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ.

Старый Кіевъ еще былъ обнесенъ тройнымъ валомъ, начинавшимся отъ Десятинной церкви, возобновленной купцами [2]) Анненковыми, и тянувшимся до Козьяго болота, съ перерывомъ

---

[1]) Нынѣшняя Александровская улица—Ред.

[2]) Десятин. церковь реставрирована была Анненковымъ, который былъ не купецъ, а помѣщикъ курской губерніи. Какъ гласила молва, самое возобновленіе храма задумано было Анненковымъ въ виду необходимости загладить этимъ какое-то темное дѣло, считавшееся за нимъ.—Ред.

въ золотыхъ воротахъ. Были на старомъ Кіевѣ запустѣлые неогороженные сады и разваливающіяся лачужки, вросшія въ землю. Одна изъ нихъ находилась противъ Софійскаго собора, подлѣ развалинъ церкви Св. Ирины. На старомъ Кіевѣ не было вовсе лавокъ. Между Золотыми воротами и университетомъ былъ пустырь, на которомъ стояли ветхіе деревянные провіантскіе магазины. Все пространство между университетомъ, валами и нынѣшней житомирской заставой, представляло пустырь, изрытый оврагами и холмами, и на немъ далеко, на возвышенномъ мѣстѣ виднѣлось зданіе обсерваторіи. За Ботаническимъ садомъ строилось большое зданіе какой-то тюрьмы [1]), а оттуда къ Лыбеди и митрополичьей рощѣ стали строиться маленькіе деревянные домики, крытые гонтой и дранью; такими же домиками застроено было все пространство налѣво до Васильковской улицы и заставы—Новое строеніе. Такъ что вся эта мѣстность представляла совершенную деревню. Только подлѣ самаго университета находился недурной домикъ профессора философіи Ореста Марковича Новицкаго и каменное одно-этажное зданіе анатомическаго театра. Оранжерея въ Ботаническомъ саду была уже устроена; но садъ только что планировался и засаживался подъ руководствомъ ученаго огородника и профессора Траутфеттера, впослѣдствіи ректора Кіевскаго университета и наконецъ директора Горыгорецкаго земледѣльческаго института. На Васильковской улицѣ тоже стояли старые деревянные дома, но было и нѣсколько каменныхъ одно-этажныхъ, напр. аптека. Было тамъ и нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Передъ университетомъ былъ пустырь, заканчивавшійся деревяннымъ домишкой профессора Виленскаго университета Здановича, глубокаго старика, который ежедневно исповѣдывался и пріобщался въ костелѣ и пользовался большимъ вліяніемъ на польскую университетскую молодежь. Онъ говорилъ только по польски.) На правой сторонѣ пустыря стояли два новыхъ одно-этаж-

---

[1]) Такъ называемыя нынѣ „гражданскія арестантскія роты“ по Бибиковскому бульвару, за памятникомъ гр. Кобринскому.—Ред.

ныхъ каменныхъ дома бывшаго Ровенскаго, а затѣмъ Житомирскаго директора гимназіи А—ва, котораго Бибиковъ наконецъ удалилъ за страшное взяточничество и крайне безнравственную жизнь.

По лѣвую сторону пустыря тянулся къ Крещатику бульваръ, засаженный молодыми чахлыми каштанами [1]), а за нимъ подъ старо-кіевскими валами вытягивалась улица къ Крещатику-же со вновь строющимися полутора-этажными каменными домами [2]). Прямо съ бульвара можно было, поднявшись по тропинкамъ на гору, пройти къ крѣпости черезъ такъ называемые „кресты“. Кресты располагались въ оврагахъ и состояли изъ развалившихся лачужекъ и землянокъ, гдѣ жилъ самый забубенный людъ: низшаго сорта уличныя проститутки, пьяницы, воры, спившіеся отставные чиновники, строчившіе ябеды, и самые бѣдные рабочіе и ремесленники. Черезъ „кресты“ проходить днемъ было небезопасно, а ночью положительно невозможно. Около крѣпости на горѣ была какая-то бѣдная часть города съ каменною церковью св. Ильи [3]), толкучимъ рынкомъ, гдѣ ежедневно продавались жителями „крестовъ“ и солдатами ворованныя вещи, и гдѣ осенью и весной люди, безъ преувеличенія, тонули въ грязи. Аристократическою частью считались Липки, гдѣ жили высшіе чиновники въ собственныхъ одно-этажныхъ домахъ съ садиками и нѣсколько помѣщиковъ. Тутъ же былъ 2-хъ этажный домъ вице-губернатора, богача Фундуклея [4]), впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта, и основанное имъ какое-то женское училище; тутъ же въ особой улицѣ по направленію къ Васильковской части находилось каменное зданіе первой гимназіи, пансіонъ француза Гедуана и огромный домъ съ круглымъ фронтономъ и колоннами генерала Сулимы. Противъ

---

[1]) Тополями.—Ред.

[2]) Нынѣ Фундуклеевская ул., прежде называвшаяся Кадетской.—Ред.

[3]) Очевидная ошибка: вѣрнѣе всего церковь св. Ольги на Печерскѣ.—Ред.

[4]) Фундуклей жилъ не въ собственномъ домѣ, а въ нанятомъ домѣ генерала Рудзевича въ Липкахъ.—Ред.

царскаго сада [1]) шли каменные двухъ-этажные дома; въ одномъ изъ нихъ прежде помѣщался университетъ, когда студентовъ было едва нѣсколько десятковъ. Отъ Никольскаго монастыря и зданія арестантскихъ ротъ до Плацъ-параднаго поля передъ крѣпостью тянулись каменные Никольскіе ряды съ книжнымъ магазиномъ одного изъ Литовыхъ и книжною лавкою другого Литова; продавались т. тъ также матеріи, ситецъ, сукно и прочее. Плацпарадное поле имѣло съ одной стороны крѣпость, а съ другой улицею отдѣлялось отъ двухъ-этажныхъ домовъ, изъ которыхъ въ первомъ, крайнемъ, помѣщалась гостинница, та самая, гдѣ былъ арестованъ во время царскаго смотра, по личному повелѣнію Николая Павловича, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ юго-западнаго края, владѣлецъ мѣстечка Тульчина, графъ Мечиславъ П—кій. Внизъ къ Днѣпру отъ царскаго сада и Никольскаго монастыря лѣпились по обрывамъ и оврагамъ лачужки; тамъ же среди кладбища стояла на Аскольдовой могилѣ круглая, небольшая каменная церковь. Посѣщали это уединенное мѣсто и разгульные студенты. Часто между ними и монахами Никольскаго монастыря и Лавры происходили серьезныя столкновенія.

Болѣе всего каменныхъ домовъ было на Подолѣ; тамъ сосредоточивалась вся кіевская торговля; тамъ приходила въ концѣ января мѣсяца знаменитая ярмарка, извѣстная подъ названіемъ кіевскихъ контрактовъ. На контракты свозились товары изъ всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи; пріѣзжали иностранные купцы; жиды—торговцы и факторы кишѣли тысячами на Подолѣ. Въ контрактовыхъ залахъ расположены были всевозможные товары. Въ другихъ залахъ день и ночь шла азартная карточная игра; проигрывались тысячи, десятки и сотни тысячъ, исчезали цѣлыя имѣнія. Игру часто велъ знаменитый шулеръ С—ичъ. Всѣ помѣщики, всѣ магнаты юго-западнаго и сѣверо-зап. края и даже царства польскаго являлись

---

[1]) Не противъ сада, а нѣсколько дальше—противъ теперешняго дворцоваго парка.—Ред.

сюда поиграть, покутить, а также покупать, продавать или арендовать имѣнія и послушать знаменитыхъ артистовъ: піаниста Листа, віолончелиста Серве, поляка Коссовскаго и многихъ другихъ, поочередно посѣщавшихъ Кіевъ во время контрактовъ. Конечно, не обходилось на этихъ съѣздахъ безъ политическихъ совѣщаній: гдѣ только собиралось нѣсколько польскихъ пановъ—тамъ непремѣнно затѣвались бесѣды о мѣрахъ къ возстановленію Польши и притомъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ—отъ Балтійскаго и Нѣмецкаго до Чернаго моря и Карпатовъ. О С—ичѣ разсказывали чудеса. Гдѣ-то въ Италіи онъ сорвалъ игорный домъ и съ милліонами прибылъ въ Вѣну, но тамъ все спустилъ, и самого его спустили изъ окна второго этажа на улицу. Тогда ему пѣшечкомъ, прося подаянія, пришлось пробираться къ семьѣ въ свою маленькую деревеньку въ Волынской губ. Контракты всегда выводили его изъ затрудненія. Онъ заключалъ въ Дубно условіе съ богатымъ балагулой (еврейскимъ извощикомъ). Тотъ долженъ былъ его на свой счетъ въ каретѣ доставить на контракты въ Кіевъ и всю дорогу и первые дни въ Кіевѣ содержать его по-магнатски и дать денегъ на разживу. Затѣмъ, когда фонды С—ича поднимались въ гору, онъ расплачивался съ балагулой. На Подолѣ особенно выдавались зданіе контрактовыхъ залъ и складъ стекла и хрусталя Мальцева, расположенный на набережной Днѣпра. Самая богатая лавка всевозможныхъ товаровъ принадлежала купцу Барскому, изъ кіевскихъ православныхъ мѣщанъ.

Не помню, въ 45 или въ 46 году былъ на контрактахъ и магнатъ, владѣлецъ Тульчина, крайне эксцентричный человѣкъ, графъ Мечиславъ П—кій. Одни о немъ говорили, что онъ вдовъ; другіе, что въ разводѣ съ первою женою, русскою изъ родовитыхъ вельможъ, которая не вынесла его характера и съ какимъ-то генераломъ, квартировавшимъ въ Тульчинѣ, бѣжала въ Одессу. Графъ ее преслѣдовалъ. Никто не зналъ, что тамъ произошло; извѣстно только, что П—кій высланъ былъ на жительство въ одну изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ губерній, а спустя нѣкоторое время былъ возвращенъ въ свои имѣнія. Въ одинъ изъ означенныхъ выше годовъ, во время контрактовъ,

П—кій встрѣчалъ въ театрѣ и въ концертахъ семейство покойнаго полковника войскъ польскихъ П—о-Ш—каго, состоявшее изъ матери и двухъ красавицъ дочерей. Онѣ были совсѣмъ бѣдны, но какъ-то умѣли держаться въ высшемъ кіевскомъ аристократическомъ обществѣ и жили въ собственномъ домѣ въ Липкахъ. За старшей дочерью приволакивался генералъ-губернаторъ, и не смотря на то, что ему было больше 60 лѣтъ и не имѣлъ одной руки, онъ, какъ говорили, нравился красавицѣ и своими манерами, и своими чудными глазами, горѣвшими, какъ два раскаленныхъ угля, и своимъ богатырскимъ ростомъ, и статной фигурой. Конечно, она не могла разсчитывать на бракъ съ Бибиковымъ: у него въ Петербургѣ была жена и два взрослыхъ сына, кажется, въ Петербургскомъ университетѣ. П—кій забралъ о семействѣ Ш—кихъ справки и въ одинъ прекрасный день явился къ нимъ. Доложили Ш—кой матери, что графъ Мечиславъ П—кій пріѣхалъ къ ней по важному дѣлу. Ш—кая поспѣшила любезно встрѣтить его. П—кій прямо объявилъ ей, что ему понравилась старшая ея дочь, и онъ намѣренъ на ней жениться на слѣдующихъ условіяхъ: 1) вѣнчаться спустя недѣлю; подвѣнечное платье и все необходимое будетъ имъ доставлено къ сроку; 2) невѣстѣ сейчасъ назначается 300 тысячъ рублей, но если она родитъ ему сына, то еще милліонъ; 3) m-me Ш—кой и ея младшей дочери выдается 300 тысячъ рублей, но съ подпиской, что онѣ никогда въ жизни не позволятъ себѣ явиться къ его будущей женѣ въ Тульчинъ и никогда съ нею не будутъ вести переписки, и 4) сейчасъ послѣ вѣнчанія прямо изъ костела онъ увозитъ жену свою въ Тульчинъ. Ш—кая объявила, что предложеніе его ей очень лестно, но безъ дочери она не можетъ сказать ему ничего опредѣленнаго. П—кій объявилъ, что на слѣдующій день въ 10 часовъ утра явится за отвѣтомъ. Невѣста встрѣтила его на другой день согласіемъ на бракъ, и принявъ всѣ его условія, прибавила, что ей чрезвычайно понравилась его манера свататься и дѣловой характеръ сватовства, и онъ самъ нравится ей своимъ оригинальнымъ лицемъ и уже прежде обратилъ ея сочувственное вниманіе на себя въ

театрѣ и концертахъ. Мечиславъ былъ высокаго роста, но лице имѣлъ некрасивое, изрытое оспой, и страшно злые глаза. Въ Тульчинѣ Мечиславъ держалъ молодую жену взаперти въ своемъ великолѣпномъ палацѣ; самъ былъ съ нею почти безотлучно; въ костелъ возилъ ее и гулялъ съ нею въ своемъ роскошномъ саду не иначе, какъ надѣвъ на нее полумаску. Никого у себя не принималъ, отказался участвовать на вечерахъ квартировавшаго во флигелѣ его палаца генерала. Молодая скучала; она привыкла къ свѣтской жизни, къ постояннымъ развлеченіямъ, шуму, къ новымъ все лицамъ. Замѣчая ея скуку, П—кій зимою, во время генеральскихъ вечеровъ, приказывалъ противъ оконъ танцовальнаго зала, на галлереѣ, разстилать ковры и мѣха; выносились два кресла, и онъ, надѣвши на жену полумаску и закутавшись въ шубу, помѣщался съ нею въ креслахъ подъ окнами танцовальнаго зала. Отчасти, чтобы хоть этимъ поразвлечься, а отчасти, чтобы его помучить, она благодарила его за это развлеченіе и заставляла просиживать всю ночь подъ окнами зала. Нѣкоторыя лица изъ служащихъ у П—каго, а также кое-кто изъ прислуги стали принимать участіе въ ея горестномъ положеніи и, задаренные ею, передавали ея письма къ матери и сестрѣ, а также къ Бибикову по назначенію. Тѣмъ же путемъ она получала письма и отъ нихъ. Наконецъ она родила сына. Она этого ждала, чтобы получить милліонъ и бросить мужа. Но съ рожденіемъ ребенка она стала колебаться. Не смотря на ненависть къ мужу, ей не хотѣлось вдругъ разлучить отца съ сыномъ; наконецъ, она успѣла попривыкнуть къ своему положенію, и теперь всю свою любовь сосредоточила на ребенкѣ и въ безпрерывныхъ заботахъ о немъ нашла для себя развлеченіе. Ребенокъ спалъ съ кормилицей въ сосѣдней комнатѣ. Однажды на разсвѣтѣ графиню разбудилъ раздирающій душу крикъ ребенка. Въ одной рубахѣ графиня вскочила въ дѣтскую. Посинѣлый ребенокъ продолжалъ страшно кричать и метаться. Графиня схватила его на руки и замѣтила на бѣльѣ у него пятна какой-то жидкости. На вопросъ, что сдѣлали съ ребенкомъ, кормилица объяснила, что только что былъ графъ и влилъ ребенку въ ротъ ложку какой-то жидкости. При

этомъ кормилица разсказала, будто, по словамъ дворни, графъ запоилъ лѣкарствомъ сына отъ первой жены, которая его за это и бросила. Графиня моментально рѣшилась во что бы то ни стало бѣжать съ ребенкомъ. Она снеслась съ матерью и съ генералъ-губернаторомъ, и они позаботились о заготовкѣ лошадей отъ Брацлава до Кіева. Графиня не разставалась съ сыномъ и помѣстила его на ночь въ своей спальнѣ. До разсвѣта проснувшись, графиня помѣстилась подлѣ колыбели. Явился графъ съ бутылкой и ложкой. Графиня объявила, что не допуститъ поить Богъ знаетъ какими лѣкарствами здороваго ребенка. Графъ настаивалъ, объясняя, что это лѣкарство, предохраняющее отъ всевозможныхъ болѣзней. Графиня не соглашалась. Графъ пробовалъ ее оттолкнуть. Графиня оказала сопротивленіе и исцарапала ему лице. Ребенку все лицо залито было лѣкарствомъ, но въ ротъ не попало. Взбѣшенный графъ выбѣжалъ изъ спальни съ угрозой, что въ слѣдующій разъ онъ явится съ лакеями и прикажетъ графиню связать. Около полудня онъ выѣхалъ на нѣсколько дней въ свои херсонскія имѣнія. Графиня сейчасъ послала нарочнаго, чтобы лошади были готовы. На слѣдующій день вечеромъ она приказала запречь покойную дорожную карету, чтобы прокатить ребенка. Съ ребенкомъ и кормилицей на подставныхъ лошадяхъ она быстро понеслась въ Кіевъ и на слѣдующій день поручила себя и сына покровительству генералъ-губернатора Бибикова. Между тѣмъ въ Кіевъ ожидался для смотра войскъ Николай Павловичъ. Хорошо награжденный графиней кучеръ воротился въ Тульчинъ изъ Брацлава съ лошадьми только на третій день. Произошла тревога. Не знали, что дѣлать. Главноуправляющій всѣми имѣніями графа, Р—скій, находился тогда по дѣламъ въ Петербургѣ. Графу такъ и не дали знать о случившемся до возвращенія его въ Тульчинъ. Бибиковъ, желая совсѣмъ оградить графиню отъ ея мужа, приказалъ составить отъ ея имени прошеніе на имя Государя. Въ прошеніи, сверхъ указанія на неестественное обращеніе мужа съ женою и сыномъ, перечислено было нѣсколько сотъ уголовныхъ преступленій графа, слѣдствія по которымъ еще не были закончены. Графъ

обвинялся въ поджогахъ своихъ арендаторовъ и даже въ убійствахъ посредствомъ своего наперсника, исполинскаго роста придворнаго козака, который находился при графѣ неотлучно и даже ночевалъ въ его спальнѣ. Когда начались слѣдствія, означенный козакъ исчезъ безслѣдно. Говорили, будто графъ завелъ его въ подземелья, застрѣлилъ и зарылъ тамъ въ землю, чтобы спрятать всѣ концы въ воду. Нѣтъ сомнѣнія, что при подкупности тогдашнихъ чиновниковъ и судей, графъ по всѣмъ этимъ дѣламъ былъ бы совершенно обѣленъ, не вмѣшайся жена и генералъ-губернаторъ. Графъ, узнавши о побѣгѣ жены, сейчасъ помчался вслѣдъ за нею, прибылъ въ Кіевъ ночью, часа два спустя послѣ пріѣзда Государя, и остановился въ гостинницѣ противъ крѣпости, подлѣ плацъ-параднаго поля. Государь остановился въ крѣпости [1]). На другой день часовъ въ 8 Государь показался изъ воротъ крѣпости на прекрасномъ бѣломъ конѣ, съ многочисленною блестящею свитою, и стрѣлою помчался къ войскамъ, расположеннымъ на плацъ-парадномъ полѣ. Государь съ своимъ конемъ, казалось, срослись, слились въ одно. Прекраснѣе картины скачущаго всадника, какую изображалъ собою Государь, трудно себѣ и представить. Вся свита теряла при немъ. Никто не умѣлъ такъ ѣздить верхомъ, какъ Государь Николай Павловичъ. Войска встрѣтили Государя генералъ-маршемъ и громкимъ продолжительнымъ „ура“. Объѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, Государь со свитой остановился подъ самымъ балкономъ гостинницы. Войска стали проходить церемоніальнымъ маршемъ. Разбуженный музыкой и „ура“, графъ Потоцкій, накинувъ на себя халатъ, надѣлъ свой классическій свѣтлаго цвѣта цилиндръ на голову, закурилъ

[1]) Здѣсь авторъ записокъ, очевидно, введенъ былъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ онъ говоритъ далѣе, Государь на другой день показался изъ воротъ крѣпости на бѣломъ конѣ. Дѣло было такъ: Николай Павловичъ всегда останавливался въ генералъ-губернаторскомъ (собственно городскомъ) домѣ и на другой день очень рано отправился въ Лавру, а оттуда возвращаясь, доѣзжалъ въ экипажѣ до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ его ждалъ осѣдланный конь, и дѣйствительно онъ явился передъ войсками изъ воротъ крѣпостныхъ.— Ред.

крѣпкую американскую сигару и расположился на балконѣ, опираясь на перила и сверху разсматривая Государя и свиту, находившихся у его ногъ. Былъ вѣтеръ и дулъ прямо съ крыши гостинницы на Государя и свиту. Ѣдкій дымъ американской сигары прямо несся въ носъ и глаза Николаю Павловичу. Государь оглянулся во всѣ стороны, ища дерзкаго, осмѣлившагося курить подлѣ него. Оглянулся Государь разъ, оглянулся нетерпѣливо другой, наконецъ взглянулъ вверхъ. „Это что за мерзавецъ?“ указалъ онъ на П—каго Бибикову. „Это, Ваше Величество, владѣлецъ Тульчина, графъ П—кій. Онъ не повинуется закону, не признаетъ надъ собой никакой власти“, отвѣчалъ генералъ-губернаторъ. „Посадить его, какъ онъ есть сейчасъ, въ крѣпость!“ повелѣлъ Государь. Бибиковъ распорядился. Засуетились жандармы, и П—каго въ халатѣ, въ открытыхъ дрожкахъ жандармъ повезъ въ крѣпость. Государь послѣ смотра посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, университетъ, университетскую оранжерею, госпиталь, Софійскій соборъ, гдѣ тогда возобновлялись древне-греческія фрески, случайно открытыя подъ штукатуркой, которая наложена была на нихъ толстымъ слоемъ базиліянами во время принадлежности Софійскаго собора этому ордену. Посѣтилъ Государь и мощи святой Варвары въ Михайловскомъ монастырѣ, и духовную академію при Братскомъ монастырѣ на Подолѣ, и наконецъ съ шефомъ жандармовъ, графомъ Орловымъ, отправился на обѣдъ къ генералъ-губернатору. При подъемѣ на лѣстницу Государь встрѣтилъ необыкновенную красавицу въ роскошномъ костюмѣ, стоявшую на колѣняхъ и державшую въ протянутой къ Государю рукѣ прошеніе. „Кто это?“ спросилъ онъ Бибикова. „Это несчастная жена того графа П—каго, котораго Ваше Величество повелѣли во время смотра отправить въ крѣпость. Она ищетъ у Вашего Величества защиты отъ своего изверга мужа, который покусился на ея личную свободу и покушается на жизнь ея и ея ребенка, своего сына“! Государь принялъ прошеніе, собственноручно поднялъ съ колѣнъ графиню П—кую и далъ ей царское слово, что серьезно разсмотритъ ея жалобу. Послѣ обѣда Государь съ Бибиковымъ и Ор-

ловымъ, разсмотрѣвъ прошеніе, повелѣлъ немедленно П—каго сослать на жительство въ одинъ изъ восточныхъ городовъ; надъ имѣніемъ его учредить администрацію и строжайше изслѣдовать всѣ преступленія графа, а о послѣдствіяхъ ему донести. По выѣздѣ Государя изъ Кіева увезли и графа П—каго, не помню, куда именно — въ Астрахань или въ Пермь. Женѣ и ребенку назначено съ доходовъ огромное содержаніе; графъ имѣлъ право распоряжаться всѣми своими средствами. Администраторомъ назначенъ по своимъ связямъ предсѣдатель Каменецъ-Подольской казенной палаты Аѳанасій Абаза, съ огромнымъ содержаніемъ и квартирой во дворцѣ графскомъ въ Тульчинѣ. Аѳанасій Абаза имѣлъ большое семейство и при небольшомъ содержаніи нуждался даже въ мелочахъ. И мѣсто предсѣдателя палаты, и мѣсто администратора онъ получилъ стараніями какой-то придворной дамы старухи. Между тѣмъ графъ П—кій просилъ объ отпускѣ за-границу для поправленія здоровья. Ему отказали. Тогда онъ записался въ купцы 1-й гильдіи и сталъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ. Паспорта ему не выдали, указавъ, что онъ можетъ для торговыхъ дѣлъ отправлять заграницу своихъ прикащиковъ. Графъ тогда рѣшился бѣжать. Вездѣ, отъ мѣста ссылки до границы, приготовлены были курьерскія лошади, и графъ П—кій съ чужимъ заграничнымъ паспортомъ пустился въ путь, но на одной станціи его узналъ проѣзжавшій исправникъ и арестовалъ. Послѣ этого послѣдовало распоряженіе о переводѣ его въ Вятку и объ ограниченіи его содержанія 100 руб. въ мѣсяцъ. Терпя стѣсненія и раздражаясь слухами о роскошной жизни въ Кіевѣ измѣнницы графини, П—кій прибѣгъ къ крайнему средству: онъ объявилъ, что желаетъ присоединиться къ православію. Ему разрѣшили; но оставили въ Вяткѣ. Онъ заявилъ, что желаетъ присоединить къ православію своего сына-ребенка, и просилъ, чтобы сына, какъ православнаго, отняли у католички матери и передали ему; иначе, подъ вліяніемъ католички матери и ксендзовъ, онъ выростетъ не православнымъ, а католикомъ. Въ университетской церкви въ Кіевѣ ребенокъ былъ присоединенъ къ православію; воспріемникомъ былъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ. На ходатайство

же графа отвѣчено, что для сбереженія его сына въ лонѣ православія, онъ вмѣстѣ съ матерью будетъ переведенъ на жительство въ Петербургъ. Видя неуспѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, графъ вошелъ въ частное соглашеніе съ администраторомъ Абазой, который нашелъ возможнымъ частью отъ продажи драгоцѣнностей и старинныхъ вещей, частью изъ доходовъ съ имѣнія, снабжать его крупными суммами. Графъ посредствомъ подкуповъ старался добиться отпуска за границу. Но Николай Павловичъ запретилъ разъ навсегда ходатайствовать передъ нимъ о смягченіи участи П—каго и объ отпускѣ его за границу. Спустя только нѣсколько лѣтъ адвокату П—каго Кипріану К—скому удалось войти въ секретное соглашеніе съ министромъ двора Адлербергомъ, который успѣлъ таки добиться у Николая Павловича разрѣшенія на выѣздъ графа за границу.

Графъ П—кій умчался навсегда въ Парижъ, а имѣнія свои продалъ съ Тульчиномъ графу Строганову, который женился на дочери родного брата Мечислава. Тульчинъ Строгановъ продалъ послѣ Удѣльному Вѣдомству. Сынъ П—каго, достигнувъ зрѣлаго возраста, уѣхалъ тоже въ Парижъ къ отцу, и оба они опять сдѣлались католиками; они говорятъ, еще живы до сихъ поръ. Послѣ выѣзда графини П—кой изъ Кіева въ Петербургъ, о ней замолкли всѣ слухи. Въ Кіевѣ она жила весьма роскошно. Ея рысаки, экипажи, ея бархатъ, кружева и брилліанты, въ соединеніи съ необыкновенной красотой и молодостью всѣмъ кружили головы. Бибиковъ бывалъ у нея по нѣсколько разъ въ день, и всѣ говорили, что онъ пользуется ея благосклонностью. Но она особенно любила инспектора первой гимназіи С. К. Это, дѣйствительно, былъ красавецъ-мужчина въ полномъ значеніи этого слова. Статный, высокаго роста, довольно плотный, съ черными искрящимися глазами и великолѣпными волосами цвѣта воронова крыла, которые падали ему на плечи прекрасными кудрями; онъ пользовался благосклонностью всѣхъ замужнихъ дамъ и доводилъ до безумія дѣвицъ. Однажды въ своемъ одно-этажномъ домѣ въ Лицкахъ графиня сидѣла въ окнѣ, а подлѣ нея за портьерой, никому съ улицы невидимый, сидѣлъ Бибиковъ.

Въ это время, послѣ полуденныхъ занятій, возвращался съ портфелемъ изъ гимназіи С. К. Онъ поклонился графинѣ и, понявъ указаніе ея глазъ, не заговорилъ съ нею и прошелъ дальше. Графиня не выдержала: „отъ такихъ кудрей можно сойти съ ума!“ вырвалось у нея невольно. „У кого это такія кудри?“ спросилъ Бибиковъ. „Да у С. К.; онъ сейчасъ прошелъ изъ гимназіи и поклонился“. Вечеромъ С. К. получилъ приказъ Бибикова явиться къ нему въ 8 часовъ утра обстриженнымъ по солдатски, подъ гребенку; иначе завтра же его обстригутъ у генералъ-губернатора на барабанѣ. И этимъ дѣло не ограничилось. Хотя по настоянію П—кой онъ вознаградилъ его директорскимъ мѣстомъ въ Кіевѣ, но вскорѣ сосваталъ его на дочери предсѣдателя палаты и перевелъ директоромъ Нѣжинскаго лицея. Съ переходомъ Бибикова въ Министры Внутреннихъ Дѣлъ С. К., по настоянію графини, назначенъ былъ Виленскимъ губернаторомъ[1]). Это мѣсто онъ занималъ до своей смерти и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера Бѣлаго орла. С. К., главнымъ образомъ, посредствомъ женщинъ и своей красоты сдѣлалъ всю свою карьеру: онъ, по окончаніи университета, назначенъ былъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ Каменецъ-Подольскую гимназію и сдѣлался сейчасъ же львомъ среди городского женскаго общества. Въ это время губернаторствовалъ Л—въ, человѣкъ честный, трудолюбивый, понимавшій и исполнявшій добросовѣстно свои обязанности, но супруга его, уже пожилая дама, представляла собою женскій типъ особаго рода. Она на счетъ своего мужа страшно взяточничала и, не смотря на сѣдину, продолжала развратничать. У нея были и малыя, и взрослыя дѣти. Одинъ сынъ служилъ въ кавалеріи корнетомъ. Л—ва пригласила С. К. давать уроки русскаго языка ея дѣтямъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ того онъ сдѣлался интимнымъ другомъ губернаторши. Такъ какъ не всегда удобно было имѣть секретныя свиданія въ губернаторскомъ домѣ, то, согласно ея желанію, С. К. по-

[1]) Не совсѣмъ точно. С. К. назначенъ Виленскимъ губернаторомъ въ концѣ 60-хъ годовъ, а Бибиковъ вышелъ въ отставку въ 1855 году.—Ред.

далъ рапортъ о болѣзни. Губернаторша поѣхала провѣдать его сперва утромъ, потомъ вечеромъ, а послѣ стала проводить у него всѣ вечера до поздней ночи. С. К. всегда небрежно относился къ своимъ обязанностямъ въ гимназіи—пропускалъ уроки, опаздывалъ, скучалъ съ учениками, но теперь его привлекала не гимназія, а масса паціентокъ помоложе и покрасивѣе Л—вой, и онъ ей наотрѣзъ объявилъ, что служебныя обязанности не позволяютъ ему болѣе сказываться больнымъ. Однако начало было сдѣлано: Л—ва по прежнему часто продолжала его посѣщать. Л—въ упрашивалъ и усовѣщевалъ жену не компрометтировать его должность и доброе имя дѣтей; по его просьбѣ, усовѣщевалъ ее архіерей Кириллъ, даже обличалъ ее публично въ церкви; но все это не останавливало старухи [1]). С. К. состоялъ подъ покровительствомъ всѣхъ вліятельныхъ дамъ города, и между прочимъ—директорши гимназіи В—ной, и представлялъ силу, съ которой трудно было бороться самому В—ну, отставному военному. Губернаторъ совѣтовалъ В—ну сдѣлать о С. К. блистательное представленіе съ ходатайствомъ о переводѣ его въ Кіевъ старшимъ учителемъ. Но представленіе осталось безъ послѣдствій, такъ какъ по тогдашнему положенію за всякое повышеніе нужно было внести впередъ вознагражденіе по таксѣ правителю канцеляріи попечителя округа. Первыхъ кандидатовъ назначали младшими учителями, а дѣйствительныхъ студентовъ, учениковъ, окончившихъ и даже не окончившихъ гимназію—старшими учителями. Въ числѣ директоровъ и инспекторовъ рѣдко встрѣчались люди съ университетскимъ образованіемъ; они выдвигались или юбками, какъ С. К., или безшабашнымъ взяточничествомъ. Всѣ же начальствующіе въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ были или отставные военные, или воспитанники гимназій, смотрѣвшіе съ пренебреженіемъ на своихъ подчиненныхъ, честныхъ тружениковъ, кандидатовъ университета, и прозывали ихъ идіотами, а за нищету, вмѣстѣ со своими пріятелями, городскими властями, причисляли ихъ къ классу городскихъ лакеевъ. „У меня лакей

[1]) Она не была вполнѣ старухой, т. к. ей было только за 40 лѣтъ.—Ред.

за одни карты въ годъ имѣетъ больше дохода, чѣмъ вашъ учитель жалованья",—говаривали власти директору и смотрителю. „Да этакимъ идіотамъ и не подобаетъ больше получать!"—отвѣчали послѣдніе. Кандидатамъ математическихъ наукъ часто поручалось преподаваніе историко-филологическихъ предметовъ, а кандидатамъ философскаго факультета—математика. „Учились вы въ университетѣ и гимназіи—должны все знать", говаривали директора. Многіе труженики не выдерживали—сбѣгали въ гражданскую службу; другіе, обремененные семействами, спивались до чертиковъ. Наградъ не было. „Баловать не слѣдуетъ, иначе и работать перестанутъ, и фантазіи пойдутъ. Нужно держать въ черномъ тѣлѣ, а то зазнаются и станутъ проповѣдывать дѣтямъ разныя зловредныя идеи; а усмотрѣть за этими господами некогда. На насъ лежитъ столько заботъ, что ни одинъ смертный не въ состояніи ихъ выполнить: управляй учебною частью и веди хозяйство заведенія". И хозяйничали же они! Всѣ годовые остатки смѣтныхъ суммъ, половина денегъ строительныхъ смѣтъ прямо попадали въ ихъ карманы, а въ классахъ въ зимнее время, не смотря на многолюдство, не было возможности согрѣться, хотя и ученики, и учителя не снимали съ себя верхняго платья. Управленіе учебною частью тоже представляло не мало выгодъ. Директоръ съ инспекторомъ или смотритель въ экзаменаціонныхъ спискахъ безъ всякой церемоніи исправляли отмѣтки и подписывали „переводится въ высшій классъ" всякому, кто вносилъ имъ установленное количество платы или соотвѣтственной цѣнности подарокъ. Случались такіе директора, которые хозяйничали и управляли учебною частью, не являясь въ гимназію ни разу по цѣлымъ годамъ. Даже поручали инспекторамъ вмѣсто себя присутствовать на торжественныхъ актахъ. Къ ученикамъ состоятельнымъ, оказывавшимъ хорошіе успѣхи, придирались за всякую малость въ поведеніи и больно сѣкли до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не догадывались, въ чемъ дѣло, и не выпрашивали у родителей внести за нихъ выкупное. Собрана была въ округѣ сумма въ 66 тысячъ для раздачи пособій семейнымъ учителямъ, не пользовавшимся казенною квартирою. Но ни одинъ учитель

никогда не получилъ изъ этой суммы ни копѣйки пособія, и самая сумма, при учрежденіи общей кассы и новыхъ контрольныхъ учрежденій, гдѣ-то исчезла безслѣдно. Ревизія учебныхъ заведеній производилась иногда профессорами университета по распоряженію совѣта университета. Ревизоры представляли часто отчеты о плачевномъ состояніи учебныхъ заведеній, указывали причины ихъ. Совѣтъ обо всемъ этомъ, а также о поступленіи въ университетъ слабо подготовленныхъ воспитанниковъ доносилъ попечителю округа, и все оставалось по прежнему. Обрядъ ревизіи исполненъ, отчеты составлены, канцелярская работа сдѣлана—чего же болѣе! Л—въ, не видя успѣха отъ директорскихъ представленій, отправился самъ въ Кіевъ поздравить генералъ-губернатора съ какою-то Высочайшею милостью и вмѣстѣ исходатайствовать С. К. переводъ старшимъ учителемъ въ первую Кіевскую гимназію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С[illegible] ст. 1892 г. Апрѣль.

(а) Среди купечества славилась в то время красотою и институтскимъ образованіемъ М-llе Балабуха изъ семейства прославившагося торговлею сушеными фруктами и конфетами, секретъ приготовленія которыхъ переходилъ в этомъ семействѣ по наслѣдству. Бибиковъ не оставилъ безъ своего вниманія красавицу Балабуху, и ради нее бывалъ в церкви М. Б. Скорбящей по субботамъ. М-llе Балабуха имѣвшая обширное знакомство между студентами и среди ихъ находившая обыкновенно кавалеровъ на танцовальныхъ вечерахъ и клубахъ, восхищалась ухаживаніемъ Дм. Гавриловича. Проѣзжая по улицамъ, она перестала отвѣчать на поклоны влюбленной в нее молодежи, а на вечерахъ отказывалась вовсе танцовать съ студентами, предпочитая военныхъ, особенно близкихъ къ Бибикову, а также чиновниковъ его канцеляріи. Нѣсколько студентовъ согласились наказать ее. Узнавъ отъ студента Ситачина, племянника Бибикова, что послѣдній в ближайшую субботу обѣщалъ Балабухѣ пріѣхать в цер. М. Б. Скорбящей, они по одиночкѣ, наканунѣ вручили священнику этой цер. записочки и деньги, прося каждый отслужить молебенъ за спасеніе (назвать имя ее было Марія) — Маріи. Священникъ принималъ записки не читая, и хотя его удивило, что студенты сдѣлались вдругъ набожными людьми; но прочитавши записку одну, другую записочку, онъ не замѣтилъ ничего предосудительнаго и успокоился. Явилась вся знать, явилась Балабуха, примчался съ адъютантомъ и Бибиковъ. Священникъ подалъ цѣлый ворохъ записокъ, и начинается безконечное чтеніе этихъ записокъ, все — за спасеніе Маріи. Послѣ прочтенія штукъ 20 всѣ взоры обратились на Балабуху, Бибиковъ позеленѣлъ отъ злобы. Еще нѣсколько десятковъ записокъ — и Балабуха упала в обморокъ; ее вынесли и усадили въ карету. Бибиковъ настоялъ строгое разслѣдованіе, распекъ священника, но только всего и узналъ, что скандалъ этотъ устроенъ студентами; зачинщиковъ скандала не обнаружили. Спустя нѣсколько дней, Бибиковъ собралъ в торжественной уни-

верситетский залъ всѣхъ профессоровъ и студентовъ и сократическимъ способомъ, задавая студентамъ вопросы и большею частью самъ разъясняя ихъ, прочелъ имъ лекцію о томъ, какова должна быть нравственность молодаго благовоспитаннаго юноши. Можно волочиться в домъ терпимости; можно тихонько, не компрометируя предметъ своей страсти, поцѣловаться съ нимъ въ саду подъ кустикомъ или въ будуарѣ, особенно съ замужними дамами. Съ послѣдними безопаснѣе, чѣмъ съ вдовицами, такъ какъ послѣдствія грѣха пойдутъ на счетъ мужа. Но компрометировать публично даму или дѣвицу — это верхъ безнравственности, и служитъ доказательствомъ грубыхъ, необразованныхъ нравовъ, которые не могутъ быть терпимы въ управляемомъ имъ учебномъ округѣ и университетѣ, о воспитанникахъ котораго онъ всегда лестно отзывается передъ своимъ и общимъ благодѣтелемъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Конечно — въ семью не безъ урода, заключилъ Бибиковъ. Но — вѣрьте, возвысилъ онъ голосъ до высшей степени — если ему попадется въ руки такой уродъ, то онъ даетъ честное и твердое слово, что отдастъ такого или фельдфебелемъ или носить бѣлую лямку черезъ плечо.

б) Имѣя сына и дочерей, онъ въ обѣихъ гимназіяхъ былъ въ интимныхъ связяхъ со всѣми, отъ начальницы, учительницами, старыми и молодыми, и въ присутствіи ихъ позволялъ себѣ рукою ласкать въ неприличныхъ частяхъ по голому тѣлу и дочерей подростковъ.

в) Помню, разсказывали, что 2 монаха встрѣтились у проститутокъ со студентомъ и побили его поколотили. Студентъ со своими товарищами сговорились и стали подкарауливать означенныхъ монаховъ. Однажды ночью, когда монахи раздѣли до нага проститутокъ и сами раздѣлись и разсадили ихъ у себя на колѣняхъ, — вдругъ дверь въ комнату была моментально выбита и передъ монахами явилось 12 здоровыхъ студентовъ. Монахи

Монахи стали просить пощады, потомъ студен-
товъ помиловали и помирились. Когда все
порядочно напились, исполченный студентъ
сталъ все-таки требовать возмездія монаховъ.
Монахи добровольно согласились быть выс-
ченными. Студенты высекли монаховъ, а их
компаніи высекли и проститутокъ и расхо-
дившись сильно обрили бороды монахамъ
и головы проституткамъ. История эта на-
делала шуму, но и духовная власть и ад-
министративная постарались потушить
это дело, и виновные студенты остались
безъ взысканія.

2) Адлербергъ получилъ за это изъ рукъ Калудзинскаго
лично въ своемъ кабинетѣ 30т.р. и по окончаніи дѣла
тоже лично въ своемъ кабинетѣ 50т.р. Все это узналъ Ник.
Пав. и онъ поручилъ шефу жандармовъ попугать того
ловкаго адвоката. Калудзинскій вдругъ вечеромъ
получилъ приглашеніе явиться къ шефу жандармовъ.
Такъ какъ въ дѣлѣ Потоцкаго принималъ участіе
гр. Строгановъ, то Калудзинскій — большой бестія и
имѣя у себя 50т.р. не переданныхъ еще Адлербергу
да другихъ 75т. на другіе расходы — бросился къ Стро-
ганову и вручилъ эти деньги ему на сохраненіе.
Шефъ-жандармовъ накинулся на Кал., какъ онъ
смѣетъ преступать Высочайшее повелѣніе
и завести интригу по освобожденію графа П.
Шефу извѣстно, что онъ часто бываетъ у
гр. Адлерберга и др. приближенныхъ къ государю.
Калудзинскій отвѣчалъ, что онъ дѣйстви-
тельно ведетъ всѣ дѣла по имѣніямъ гр.
П., но онъ никогда не осмѣлится интриговать
не въ свое дѣло и нарушать Высоч. повелѣ-
нія. — Я все знаю, и могъ бы все вывесть на
чистую воду и Вы, милостивый государь,
очутились бы въ Сибири или въ солдатахъ;
но цѣню Вашу смѣлость; другой
разъ пощады не будетъ. Ступайте.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Рано, еще до восхода солнца, пробудившаяся жизнь села подняла меня. Выспавшійся Прокопъ уже успѣлъ подмазать возъ, и мы, поблагодаривъ хозяина за пріютъ, тронулись со двора, какъ только брызнули первые лучи восходящаго солнца. Послышался звонъ небольшого колокола; на улицѣ встрѣчались намъ празднично одѣтые крестьяне въ черныхъ свиткахъ, бабуси въ намиткахъ и дивчата въ *бындахъ* и *заквитчаныя* яркожелтыми *гвоздыками*, „въ *царыни*[2]“ мы нагнали череду, выгоняемую на пастбище. Но вотъ село, съ его сѣрыми крышами хатъ, съ позолоченными свезеннымъ хлѣбомъ токами, съ вербами и садочками, осталось позади насъ, а кругомъ пошли нивы, кой гдѣ ряды полукопенъ несвезеннаго хлѣба, и вдали рѣзко чернѣлъ вспаханный панскій ланъ.

Умостившись на возу, я заснулъ мертвымъ сномъ. Долго я спалъ и проснулся благодаря какой-то ругани. Выпутавъ прикрытую шинелью голову, я увидѣлъ физіономію Прокопа, улыбающуюся и особенно оживленную. Оказалось, что онъ дразнилъ евреевъ, которыми была набита громадная будка, ѣхавшая намъ на встрѣчу и уже минувшая насъ. Когда я приподнялся на возу и надѣлъ фуражку, то увидѣлъ въ нѣс-

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1892 г., № 3.

[2]) *Царыною* на Украинѣ называютъ вообще поле около села, а также выѣздъ изъ села, лѣтомъ обыкновенно запираемый воротами.

колькихъ шагахъ отъ нашего воза остановившихся двухъ евреевъ и нѣсколько головъ торчавшихъ изъ будки. Евреи что-то оживленно говорили и махали руками, а затѣмъ воротились назадъ къ будкѣ, угрожая намъ кулаками и ругаясь.

Прокопъ хохоталъ до упаду, причемъ ротъ у него раскрывался чуть не до ушей, и все тыкалъ по направленію къ будкѣ пальцемъ. Сквозь его смѣхъ я слыхалъ произносимыя слова—„одынъ, два, три, чотыри, а пятого чорты зъилы“. Наконецъ евреи усѣлись и поѣхали.

Тогда только въ отвѣтъ на мои разспросы Прокопъ объяснилъ, что при встрѣчѣ съ будкой онъ сталъ ихъ, „якъ и слидъ“, считать, а они начали его ругать, угрожали побить, но отступили, увидавъ красный околышекъ моей фуражки.

— Посыкнулыся, думалы такъ соби, ажъ воно онъ що!— объяснилъ Прокопъ, очевидно вѣруя въ значеніе краснаго околышка. Почему же считать евреевъ, тыкая пальцемъ и съ такимъ характернымъ приговоромъ—„слидъ“, т. е. слѣдуетъ, необходимо, онъ—и не объяснилъ.

Попасши и напоивъ воловъ и слѣпого около какой-то корчмы, мы къ полудню доѣхали въ мѣстечко Ставищи и остановились на базарѣ около лавокъ и ряда торговокъ. Базарная суета замѣтно уже затихала; возовъ пріѣзжихъ на площади было мало, да и тѣ постепенно разъѣзжались, только евреи сновали еще между лавками и около „заиздовъ“ (постоялыхъ дворовъ), да виднѣлись группы мѣстныхъ жителей, между которыми замѣтно выдавались кучки дивчатъ, разодѣтыхъ въ пестрыхъ цвѣтахъ и лентахъ, и парубковъ въ зеленыхъ поясахъ поверхъ свитокъ.

При въѣздѣ на базаръ, въ открытомъ окнѣ какого-то шинка мы увидѣли низку чехони, на которую обратилъ мое вниманіе Прокопъ:

— Ой тай чехоня-жъ добра! Я, мойки[1]), разъ іи коштувавъ: чумаки стоялы на могиляньскому степу, такъ далы намъ съ Омелькомъ по едній.

[1]) На Побужьи, и вообще на Подоліи, употребляютъ въ рѣчи восклицанія: *мой, мой-мой, мой-ки-мой, мойки.*

Замѣтивъ такую же чехоню у какой-то торговки на базарѣ, я порѣшилъ и самъ ее „покоштувать“, и Прокопа попотчивать.

Возвратившись къ возу съ двумя чехонями, я увидѣлъ около нашего воза цыгана съ какимъ-то ремнемъ. Онъ предлагалъ Прокопу, а послѣ и мнѣ, купить у него этотъ ремень (сыромятный) на „прывій“ (кольцо, которымъ прикрѣпляется ярмо къ возовому дышлу—зію). Онъ такъ расхваливалъ, такъ соблазнялъ насъ добротностію ремня, что я уже было взялъ его въ руки и сталъ разсматривать, но въ это время Прокопъ схватилъ лежавшій около него кнутъ и со всего маху стебнулъ цыганку, подкравшуюся къ намъ и схватившую положенную мною на возъ чехоню.

Произошла неожиданность и пренепріятная исторія.

Цыганка взвизгнула отъ боли и, бросивъ чехоню, кинулась къ Прокопу, но тотъ отскочилъ и стебнулъ ее еще разъ кнутомъ. Откуда-то появилось еще двѣ цыганки; я видѣлъ, какъ одна изъ нихъ подхватила брошенную рыбу и напала на Прокопа, который уже не кнутомъ а кнутовищемъ отмахивался отъ нихъ, какъ отъ собакъ. Цыганъ рванулъ бывшій у меня въ рукахъ ремень и ударилъ имъ по головѣ Прокопа, но тотъ только мотнулъ головою и кнутовищемъ наотмашъ такъ сильно ударилъ цыгана по лицу, что у него сразу показалась на усахъ и на бородѣ кровь.

Все это произошло такъ неожиданно, такъ скоро, что я растерялся и не зналъ, что дѣлать: искаженное злобою лицо, обрамленные космами черныхъ волосъ блестящіе глаза цыганокъ, ихъ какое-то шипѣніе и гортанные звуки голоса, кровь на лицѣ цыгана—все это смѣшалось у меня въ глазахъ и въ сознаніи и вызвало у меня дрожь въ колѣняхъ; но когда я увидалъ, какъ цыганки вцѣпились въ Прокопа, покрыли его собою, и какъ цыганъ тоже пригнулся къ этой кучѣ, стараясь схватить Прокопа руками, я выдернулъ изъ воза бучокъ и, замахнувшись обѣими руками, сколько моей силы стало, ударилъ имъ по спинѣ цыгана. Онъ застоналъ, какъ-то особенно выгнулся и, выпрямившись, бросился ко мнѣ. Я отскочилъ и уже

было замахнулся опять ударить его, но—устремившійся ко мнѣ цыганъ, кѣмъ-то ударенный въ ухо, полетѣлъ въ сторону, а передо мною очутился рослый козакъ[1]) въ высокой съ краснымъ верхомъ шапкѣ и въ синемъ жупанѣ. Онъ не далъ цыгану подняться, ударомъ ноги сбилъ его опять на землю и затѣмъ вмѣстѣ съ другими какими-то людьми началъ его колотить.

Тогда только я увидѣлъ, что насъ окружаетъ цѣлая толпа людей—крестьянъ, бабъ, дѣвокъ и евреевъ—и что нѣсколько человѣкъ отдираютъ вцѣпившихся въ Прокопа цыганокъ.

Я дрожалъ отъ испуга и раздраженія и принаравливался все тѣмъ же бучкомъ ударить кого-либо изъ цыганъ, но меня удержалъ какой-то еврей словами:

— Нехай, нехай! Воны сами управляться!

Наконецъ оттащили цыганокъ отъ Прокопа; лицо у него было изцарапано до крови, рубаха разорвана въ воротѣ и въ пазухѣ до пояса. Цыганки, распатланныя, безъ очипковъ и головныхъ платковъ, какъ бѣшенныя, кидались на заслонявшихъ насъ мужиковъ, но встрѣчали сильный отпоръ; одна изъ нихъ, кѣмъ то оттолкнутая, просто таки кубаремъ покатилась въ сторону; цыганъ, весь оборванный и съ окровавленной физіономіей, что-то кричалъ и унималъ цыганокъ, которыя, наконецъ, убѣдившись въ безуспѣшности своихъ нападеній, грозя кулаками и ругаясь, стали удаляться, но въ концѣ одна изъ нихъ уже далеко на площади остановилась, что-то рѣзко прокричала и, наклонившись, сдѣлала неприличный жестъ. Ихъ провожали обычнымъ тюканьемъ, а при послѣдней выходкѣ цыганки нѣсколько человѣкъ вздумали было погнаться за ними, но кто то сказалъ: „Ось иде тысяцькій зъ соцькими!“—и всѣ мы обратили вниманіе на подходящихъ къ намъ трехъ человѣкъ съ палочками въ рукахъ и съ круглыми бляхами на грудяхъ. Двое изъ нихъ были въ свиткахъ, а одинъ въ синемъ жупанѣ.

---

[1]) Козаками въ имѣніяхъ графовъ Браницкихъ въ то время назывался особый родъ экономической и дворцовой прислуги.

Подошедшему начальству не дали времени даже разспросить насъ съ Прокопомъ, а въ нѣсколько голосовъ разсказали, какъ цыгане стали „красты зъ воза“, а когда ихъ отгоняли, то они накинулись „на людей“ и вотъ какъ изцарапали парня, что его еле отняли, а то они-бъ его „загрызли“. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, и въ томъ числѣ мой защитникъ, казакъ, стояли безъ шапокъ, всѣ были оживлены, а особенно евреи, которые настаивали, чтобы цыганъ, „цихъ злодіивъ“, сейчасъ же выгнали изъ мѣстечка.

Въ числѣ особенно горячихъ предстателей за насъ я замѣтилъ толстую бабу торговку съ крупнымъ „добрымъ намыстомъ“ на шеѣ, которая, покрывая своимъ рѣзкимъ голосомъ всѣхъ, оживленно разсказывала тысяцкому.

— Я жъ сама и бачила, якъ воны прокляти й захожувалыся по-биля ныхъ; якъ вона, чортова баба, й чехоню вкрала, якъ писля до парубка прысикалася; усе своимы очыма бачила!

Тысяцкій послалъ за цыганами соцкихъ и еще какихъ-то людей, въ томъ числѣ и козака.

За ними потянула и часть публики, очевидно, жадной къ зрѣлищамъ, а самъ начальникъ куда то ушелъ съ какими то людьми.

Оставшаяся публика еще немного потолкалась около насъ, пересказывая случившееся вновь подошедшимъ; кто-то поднялъ совершенно истоптанную и запачканную пылью чехоню, кто-то принесъ въ баклагѣ воды и далъ Прокопу обмыть лицо.Сочувствіе публики было вполнѣ на нашей сторонѣ: ругали цыганъ, и кто-то даже похвалилъ меня за то, что я ловко ударилъ цыгана, опредѣливъ вѣрно мое званіе.

— А панычъ молодець! Якъ лупонувъ його бучкомъ межи плечы, такъ тилько бухнуло!

Начали расходиться. Одинъ изъ оставшихся, пожилой крестьянинъ, опершись на „ципокъ“, молча осматривалъ воловъ, а послѣ сказалъ намъ:

— Вы отъ що, хлопци: рушайте соби зъ Богомъ у свою путь, щобъ ще васъ не зупынылы, якъ що наскочить становый.

Я и самъ радъ былъ поскорѣе убраться куда-нибудь: меня конфузило это общее вниманіе; раздраженіе и испугъ на столько еще не улеглись у меня, что... мнѣ по просту хотѣлось заплакать, и я еле-еле сдерживалъ себя; бучокъ такъ и оставался еще у меня въ рукахъ.

Прокопъ, взволнованнымъ голосомъ повторявшій „отъ чортова пара! дьявольска! Щей не быйи!...“ Хотѣли было мазать колеса, но я велѣлъ запрягать, и мы поѣхали.

Съѣхавъ съ базара въ улицу, я припомнилъ, что въ Ставищахъ живетъ хорошій знакомый моего дяди, докторъ Б—скій. На мгновеніе мелькнула у меня было мысль заѣхать къ нему—мнѣ такъ хотѣлось въ эту минуту быть при комъ-нибудь изъ знакомыхъ, подъ чьею нибудь защитою,—но я раздумалъ: мнѣ почему-то показалось, что эти „паны“ не отнесутся сочувственно ко мнѣ, ѣдущему на волахъ, мыкающемуся по базарамъ въ средѣ мужиковъ.

Странно, что въ эту тревожную минуту, когда я испытывалъ потребность сочувствія, защиты, мысли мои не уносились даже къ моимъ роднымъ, а къ ихъ дворнѣ. Я почему-то сознавалъ, что вполнѣ поймутъ мое положеніе, отнесутся сочувственно ко мнѣ не мои „родычи-паны“, а всѣ ихъ Грыцьки, Дороши, кухарка Хотына, лакей Михайло, что эти только послѣдніе раздѣлятъ вполнѣ мое раздраженіе и такъ же безкорыстно кинутся защищать меня, какъ это сдѣлали совершенно чужіе мнѣ „мужики“, козакъ, толстая баба—торговка; что „родычи-паны“ могутъ охранить меня своимъ престижемъ, но непосредственную помощь, не щадя себя, въ такихъ случаяхъ могутъ оказать мнѣ только „мужики“.

Я это мое убѣжденіе теперь только формулирую, но тогда оно у меня являлось, разумѣется, безъ всякой формулировки въ цѣломъ роѣ мыслей, долго будоражившихъ меня, не остывавшаго отъ раздраженія.

Прокопъ, когда мы минули послѣднія хаты и плетни мѣстечка, вспомнилъ, что онъ не обѣдалъ и, доставъ хлѣбъ и кавунъ, сталъ ѣсть. Его жеваніе вызвало аппетитъ и у меня, и я тоже принялся закусывать, но и во время ѣды мысли вер-

тѣлись около столкновенія съ цыганами. Соображались всѣ подробности, непріятно вспоминался тотъ моментъ, какъ цыганъ кинулся было ко мнѣ и какъ я испугался: я сознавалъ, что не подоспѣй на выручку козакъ, сбившій цыгана съ ногъ, мнѣ бы не справиться съ нимъ. Мнѣ было обидно и стыдно за свое безсиліе, мнѣ такъ хотѣлось бы быть такимъ ловкимъ и сильнымъ, какъ тотъ козакъ, и даже такъ, какъ онъ, одѣтымъ. Припоминались другіе видѣнные мною въ Бѣлой Церкви козаки, и все въ томъ же видѣ, возбуждавшемъ у меня зависть къ ихъ статности и ловкости.

Относясь къ этимъ моимъ тогдашнимъ желаніямъ по возможности объективно, могу сказать, что въ тотъ моментъ вышеописанныхъ передумываній у меня создавался идеалъ, вызванный потребностью минуты.

Все передумывалось, соображалось—все, что произошло. На фонѣ всѣхъ этихъ размышленій нѣтъ-нѣтъ да и блеснутъ въ памяти свирѣпыя лица цыганъ, ихъ злые блестящіе глаза.—Опять всплываетъ чувство раздраженія, злобы, и такъ безъ конца.

Прокопъ тоже, очевидно, передумывалъ все происшедшее, но какъ-то благодушно, безъ особеннаго раздраженія:

— Я його проклятого таки добре мазанувъ по пыци пужалномъ! Памьятатыме!

— Сорочку, чортова, бачъ, якъ разпаювала!—Пазуха у него дѣйствительно была разорвана до самой „очкурни“, и онъ складками рубахи закрывалъ загорѣлую грудь и часть живота. Отъ лѣваго глаза вдоль по щекѣ краснѣли у него полоски глубокихъ царапинъ.

— Якъ кишка пазурамы дряпонула,—объяснилъ онъ.

Но все это ничуть не смущало его и, когда впереди по дорогѣ показалась ѣдущая жидовская бричка, то онъ остановился и уже готовился опять „якъ слидъ“ пальцемъ считать этихъ многочисленныхъ пассажировъ, но я положительно воспротивился этому, и мы мирно разминулись съ балагулой.

По обѣ стороны дороги желтѣли жнивья, и только на днѣ ложбины темнѣла зелень конопли на „пидметахъ“, да въ сто-

ронѣ, за версту отъ насъ, чернѣлъ лѣсъ. Въ полѣ было пусто,— очевидно, и череду не гоняли въ эту сторону. Самое путешествіе, ѣзда на волахъ начинала надоѣдать. По-временамъ я слазилъ съ воза и шелъ сторонкой дороги по высохшему спорышу, иногда садился верхомъ на слѣпого и заѣзжалъ впередъ, опережая воловъ.

Въ одну изъ такихъ заѣздокъ, выѣхавъ на горку, я наткнулся на ѣдущаго четверней въ простяжъ родственника графовъ Браницкихъ, М—скаго, котораго я зналъ, встрѣчая у дяди въ домѣ. Онъ самъ, кучеръ съ длиннымъ бичемъ и сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ козакъ проводили меня глазами; но когда повстрѣчали воловую подводу, то остановились и что-то разспрашивали Прокопа, послѣ чего соскочившій съ козелъ козакъ сталъ звать меня, но я не остановился, не желая показываться пану М—скому. Оказалось, что Прокопъ не умѣлъ назвать фамилію ни дѣдушки, ни дяди, только объяснилъ, что „старшій панъ“ посылаетъ „сынови у Билу Церкву воливъ и ще де що зъ панычемъ“.

Къ ночи мы доѣхали до Острой Могилы и попросились ночевать къ какому-то шляхтичу (чиншевику). Во время крѣпостнаго права эта шляхта выдавалась среди сельскаго населенія какъ своею зажиточностію, такъ и внѣшними признаками: одеждою, способомъ общенія съ людьми и даже языкомъ. Это было что-то среднее между крестьянами и панами. Они такъ же работали, какъ и крестьяне, но одѣвались не по-украински, а въ малорусскомъ ихъ говорѣ слышны были польскія слова. Между ними были и католики, и православные. Люди этого сорта мнѣ хорошо знакомы, потому что въ селѣ, гдѣ жилъ мой дѣдушка и гдѣ я провелъ дѣтство и проводилъ гимназическія каникулы, было много шляхты. Старики изъ нихъ были болѣе ополячены, чѣмъ молодежь; при ихъ католичествѣ они между прочимъ придерживались ритуала православнаго; такъ напримѣръ—тѣ, у кого мы ночевали, извинялись, что по случаю поста (спасовки) имъ нечѣмъ насъ покормить, кромѣ соленыхъ огурцовъ; на мой вопросъ объ ихъ вѣрѣ, они отвѣтили мнѣ, что они католики. Разспросивши ихъ, я узналъ, что семья эта

знаетъ моего дядю, къ коему они возили, какъ къ извѣстному доктору, свою невѣстку, больную чахоткой. Старикъ хозяинъ толково разсказалъ мнѣ, что Острая Могила—имѣніе генерала Монтрезора, который командовалъ дружинами во время царскаго смотра, бывшаго въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви передъ войною, что благодаря Монтрезору, его одинъ сынъ возвращенъ изъ военной службы „уже забритый“.

Вообще въ этомъ дворѣ на ночлегѣ обращались со мной, какъ со взрослымъ и—панычемъ.

Очень рано, еще до восхода солнца, мы стали собираться въ дорогу; но когда я хотѣлъ помочь Прокопу подмазывать возъ, то несшая съ оборы доенку молока старуха позвала одного изъ сыновей словами:

— Пуйдзь помужъ воза посмароваты; нѣхъ паничъ не всыляється...

Среди мычанія и блеянія выгоняемаго на пастбище стада, мы выѣхали изъ села и неподалеку увидѣли большую валку чумаковъ, везшихъ громадные брусья дерева. Чумаки, очевидно, ночевавшіе здѣсь, только собирались трогаться въ путь, смазывали возы, „налыговали“ подогнанныхъ къ табору воловъ. Памятуя столкновеніе съ пьянымъ чумакомъ въ корчмѣ и послѣ привѣтливости хозяевъ нашего послѣдняго ночлега, я даже отвернулся отъ табора, не хотѣлъ смотрѣть на оборванныя, дегтярныя фигуры чумаковъ.

Опять поля, то желтыя, то чернѣющія недавно взорванными бороздами; людей въ полѣ больше; они то пашутъ, то еще убираютъ, а гдѣ и возятъ хлѣбъ.

Я прикурнулъ на возу, и даже больше того,—крѣпко заснулъ. Разбудилъ меня крикъ Прокопа. Онъ затюлюкалъ на пробѣжавшаго поперекъ дороги зайца. Пришедши въ себя послѣ сна и выслушавъ замѣчаніе Прокопа, что „колыбъ чого не трапылось, що заець перебигъ дорогу“, я замѣтилъ на возу два просяныхъ снопа. Прокопъ, оказалось, взялъ ихъ съ придорожной нивы, и когда я сталъ его журить, то онъ прехладнокровно объяснилъ:

— А же я не людске, а паньске взявъ! у ихъ богато, не забидніють!.. Що ихъ жалить! И я по малодушію, хотя и сознавалъ, что чужаго брать нельзя, промолчалъ.

Мы въѣхали въ свекловичныя плантаціи, которыя далеко растянулись въ обѣ стороны отъ обкопанной канавками дороги. Прокопъ недоумѣвалъ, что это за посѣвъ, но когда я разсказалъ ему, что это бураки, изъ которыхъ дѣлаютъ сахаръ, то онъ еще болѣе сталъ удивляться и наконецъ сознался, что онъ не знаетъ, что это такое „цукоръ, що винъ таке и дочого". Тетка снабдила меня сахаромъ, котораго не пришлось за всю дорогу вынимать; я сейчасъ полѣзъ въ мѣшокъ и показалъ Прокопу кусочекъ сахару и далъ ему попробовать. Онъ одобрилъ: „воно таке солодке, наче медъ; изъ роду я его, мойкы, не йивъ!" Но онъ все таки недоумѣвалъ, какъ изъ этого зеленѣющаго растенія дѣлаютъ сахаръ и, хотя я ему и говорилъ, что это бураки, но онъ для удостовѣренія перескочилъ ровъ и вырвалъ одинъ корень, обтрепалъ землю съ него и попробовалъ зубами. Вѣроятно, послѣ сахару онъ не показался ему достаточно сладкимъ, потому что онъ плюнулъ и замоталъ головою.

— Такъ соби буракъ! Я, къ несчастію, не могъ въ точности объяснить ему процессъ добыванія сахара изъ этихъ бураковъ.

Теперь, если живъ Прокопъ, то онъ и его потомки давно уже познакомились съ этою продукціею, такъ какъ, по всему вѣроятію, и „Могиляньскій степъ", гдѣ стояли чумаки и потчивали его „доброю рыбою чехонею", и другіе сосѣднія степи уже вспаханы и засѣяны бураками.

Перебѣжавшій намъ дорогу заяцъ все таки напророчилъ бѣду.

Проѣхали мы свеклу и уже затѣвали остановиться кормить воловъ ворованными снопами проса, какъ вдругъ что-то въ возу треснуло, и онъ сѣлъ на передокъ: оказалось, что старая передняя ось, „зъ макогономъ", т. е. съ поддѣланнымъ однимъ плечомъ, сломилась въ мѣстѣ спая. Положеніе было безпомощное, такъ какъ запасной оси у насъ не было, да если бы и была ось, то что̀ мы могли сдѣлать безъ инструментовъ и при

нашей малосильности?! Нужно было все снимать съ воза, а на немъ одной кукурузной крупы было около восьми пудовъ.

Воловъ мы выпрягли и пустили къ брошеннымъ съ воза снопамъ проса. Попробовали подважить возъ имѣющимся дрючкомъ, но такъ какъ у насъ не было настоящей „важницы“, то съ трудомъ только удалось намъ отдѣлить сломанную часть оси отъ воза, потому что колесо упиралось въ возъ, а люшня давила ось. Прокопъ только чухалъ „потылыцю“, ругалъ зайца, а я стоялъ и придумывалъ, какъ помочь горю. Оставалось сѣсть на слѣпаго и ѣхать въ село Езерно, которое мы уже минули. Тамъ въ экономіи знали дядю и, разумѣется, не отказали бы въ помощи, но я почему-то стѣснялся ѣхать туда на слѣпомъ.

Проѣхали, обгоняя насъ, двѣ жидовскихъ брыки, биткомъ набитыя евреями, равнодушно посматривавшими на насъ, промчался на лихой парѣ въ нейтычанкѣ какой то экономъ, служащій въ имѣніи графовъ Браницкихъ [1]), и только покричалъ намъ, чтобы мы не впускали воловъ въ далеко оставшуюся за нами полосу гречихи.

— Онде надиходятъ ти чумаки, що мы ихъ проихалы: воны дадуть пораду,—какъ то увѣренно сказалъ Прокопъ.

Дѣйствительно, по шляху отъ Езерной тянулась громадная валка, пыль отъ нея относилась вѣткомъ въ сторону и слышенъ былъ скрипъ чумацкихъ мажъ.

Я не хотѣлъ просить помощи у этихъ *непремѣнно пьяныхъ*, по моему мнѣнію, грубыхъ гайдамакъ и уже порѣшилъ было ѣхать въ Езерно, но такъ какъ ѣхать туда нужно было мимо чумаковъ, то я надумался остаться, пока они проѣдутъ мимо насъ.

Валка подвигалась все ближе; можно было уже разсмотрѣть лицо идущаго около передняго воза чумака. Это былъ высокій человѣкъ, совершенно загорѣлый и замазанный дегтемъ, запыленный, съ длинными усами и съ давно небритой бородой. Онъ медленно ступалъ по дорожной пыли своими гро-

[1]) Экономъ по русски приказчикъ въ имѣніи.

мадными чоботами и слегка помахивалъ только кнутомъ; на торчащей изъ воза палкѣ повѣшена была его изношенная шапка. И онъ, и его волы съ широкимъ ременнымъ налыгачемъ, и вся *мажа*—все это было покрыто пылью; за нѣсколько шаговъ отъ всего этого несло запахомъ дегтя.

Поровнявшись съ нами, чумакъ грубо, съ ироніей какъ бы, спросилъ насъ:

— Що! здобулы лыха, чумакы?!

Я молчалъ, оскорбляясь этимъ его тономъ, но Прокопъ спокойно отвѣтилъ.

— Та ось прыгода трапылась: ося поламалася.

Чумакъ какъ то зацмокалъ: „цъ! цъ! овва!“, но продолжалъ идти своей дорогой около своей передней пары, за которой шли три воза безъ погонычей; на четвертомъ возу сидѣлъ чумакъ, похожій на передняго. Этотъ слѣзъ и подошелъ къ намъ, и вслѣдъ за нимъ, по мѣрѣ прихода валки, къ намъ подошло человѣкъ болѣе десяти чумаковъ разныхъ возрастовъ, и всѣ одинаково замазанные, загорѣлые, грязные. Каждый изъ нихъ, какъ бы сговорившись, цмокалъ и оввакалъ:

— Цъ! цъ! овва!—Нѣкоторые разнообразили выраженія своего участія или фразою—„погана справа!“,—или насмѣшливымъ „отъ такъ дочумакувалыся!“—Заглядывали подъ возъ, повторяли слово „макогинъ“ съ тѣми же прицьмокиваніями. Меня все это злило, и я ожидалъ только ихъ ухода, чтобы ѣхать въ Езерную за помощію, но къ моей досадѣ тотъ, что шелъ впереди всѣхъ, что-то закричалъ, и когда чумаки, стоявшіе около насъ, поспѣшно пошли къ возамъ, то я увидѣлъ, что валка тутъ же въ саженяхъ пятидесяти располагается на отдыхъ.

Это обстоятельство меня сильно смутило. Мнѣ вовсе было нежелательно такое близкое и по неволѣ долговременное сосѣдство этихъ грубыхъ чумаковъ-гайдамакъ, которые непремѣнно сейчасъ же послѣ остановки сдѣлаются пьяными, и не преминутъ, чего добраго, и нашихъ воловъ угнать, если я оставлю самого Прокопа. Раздумывая о томъ, какъ мнѣ быть, я увидѣлъ идущаго къ намъ того самого грубаго иронизирую-

щаго передняго чумака, между тѣмъ, какъ другіе распрягали своихъ воловъ и копошились около возовъ. Подошедши къ намъ, чумакъ такъ же грубо и, какъ бы иронизируя, сказалъ:

— А нуте! що тутъ у васъ, чумаки, трапылось?!

Прокопъ сейчасъ же разсказалъ и показалъ все. Чумакъ молча осмотрѣлъ, почесавъ свою запыленную копну волосъ, и сталъ также цьмокать, но съ добавленіемъ раздумчиваго: „гмъ! гмъ! Отъ таке!"—Затѣмъ онъ взялъ вынутое уже Прокопомъ плечо оси, осмотрѣлъ и громко крикнулъ къ табору:

— Хведько! несы сюды сокыру и сверделъ. Я понялъ, что этотъ грубый *гайдамака* собирается помочь намъ, и чувство враждебности вдругъ замѣнилось у меня уваженіемъ къ его умѣлости.

Хведько, молодой парень, очень красивый, что я только теперь увидалъ, такъ какъ прежде по возможности избѣгалъ смотрѣть на этихъ „грубыхъ" чумаковъ, сейчасъ же исполнилъ требованіе, а затѣмъ явились еще человѣка четыре, которые помогли вынуть передокъ воза, послѣ чего передовой чумакъ принялся примѣривать „макогонъ", а когда таковой оказался совершенно никуда негоднымъ, то съ табора была принесена ось, изъ которой вышла надставка къ нашей оси. Во время этой работы Йосыпа—такъ звали передняго чумака—изъ табора пришло еще двое, трое, и всѣ они расположились около насъ, кто сидя, а кто растянувшись на землѣ; нашъ макогонъ и щепки Хведькомъ были собраны и отнесены въ таборъ на кострикъ, разведенный подъ треногомъ, на которомъ привѣшенъ былъ казанъ. Чумаки предобродушно разспрашивали насъ, кто мы и откуда ѣдемъ, не называли меня „панычемъ" и—что всего страннѣе— не восхищались нашими волами, не далеко отъ нашего воза ѣвшими принесенные Прокопомъ просяные снопы. Много времени спустя, я уразумѣлъ manière d'être этихъ моихъ благодѣтелей: всѣ они были изъ казенныхъ селъ Чигиринскаго уѣзда и не питали ни особаго уваженія, ни ненависти къ панамъ (ляхамъ тоже); воловъ же не хвалили по ихъ чумацкой „благовоспитанности", правилами коей воспрещается хвалить въ глаза хозяину его скотину, чтобы „не наврочыты" (сглазить) ее.

Чумаки курили трубки всѣ, не исключая и Йосыпа, который былъ, какъ оказалось, у нихъ атаманомъ и съ Хведькомъ, младшимъ братомъ, гналъ „симъ паровыць“. Ѣхали они изъ Одессы, откуда везли въ Кіевъ „казьонну“ хуру—дерево на лафеты, какъ значилось въ ихъ накладной, мною громко, по ихъ просьбѣ, прочитанной. Это были огромные куски—цѣлыя глыбы какого-то дерева, привезеннаго, по словамъ чумаковъ, въ Одессу на кораблихъ. На каждомъ возѣ улеглось только по одному куску этого дерева. Чумаки обратили мое вниманіе на то, что дерево это совершенно сухое и безъ малѣйшихъ трещинъ.

Пока Йосыпъ придѣлывалъ намъ ось, я имѣлъ время присмотрѣться къ чумакамъ. Правда, они были грязны отъ пыли и дегтю, нѣкоторые достаточно оборваны, съ давно небритыми бородами, но всѣ они были рослы и статны, съ серьезными, но замѣчательно добрыми лицами. Шутки и разговоры ихъ были степенны и приличны и въ обращеніи къ намъ съ Прокопомъ небыло ничего насмѣшливаго, какъ это мнѣ показалось было сначала. Изъ разговоровъ я узналъ, что они въ это лѣто дѣлаютъ третій путь, что зимовали на „запорожьи“, гдѣ-то на Ингулѣ, по случаю прошлогодняго неурожая сѣна въ Чигиринщинѣ, что на „Мертводи“ имъ пришлось простоять нѣсколько дней по случаю необходимости перемѣнить нѣкоторыхъ воловъ, что тамъ—(Мертводъ, т. е. Вознесенскъ)—собирается большая скотская ярмарка, что тамъ же они поймали какого-то карманщика и отодрали его батогами.

Ось наконецъ исправлена, отодранный отъ стараго макогона „пидисокъ“ вдолбленъ въ ось, для чего Хведько ходилъ въ таборъ за долотомъ; общими усиліями исправленный передокъ подвернутъ подъ возъ, вдѣтъ шворень и даже было предложено помазать оси, но Прокопъ взялся самъ за это дѣло.

— Ну, теперъ зъ васъ, хлопци, могорычь! сказалъ Йосыпъ, пока Хведько убиралъ струментъ. Я сконфуженно полѣзъ уже въ карманъ, не зная, сколько заплатить за работу, но компанія поняла мое замѣшательство и поспѣшила заявить, что „винъ жартуе, грошей не возьме, а горилки купувать тутъ

нигде"; тогда Йосыпъ все такимъ-же серьезнымъ тономъ сказалъ:

— Не выймай, хлопче, грошей, а якъ Богъ донесе тебе до господы, то въ недилю поставь свичку за чумакивъ!

— Ну, що жъ рушатымете зъ Богомъ?! Тамъ у Вильшаній напоите худобу.—А то можебъ зъ нами кулишу поилы, якъ що ложки маете...—добавилъ онъ.

Я стоялъ и не могъ ничего сказать, окончательно сконфуженный этою любезностію, этимъ серьезнымъ, отчасти наставительнымъ тономъ, и даже не съумѣлъ поблагодарить этого чумазаго атамана, который пошелъ вслѣдъ за другими въ таборъ.

Мы стали собираться, а въ таборѣ чумаки мыли изъ боклага руки и усаживались обѣдать. „Воливня" ихъ порядочнымъ гуртомъ паслась въ сторонѣ, и оттуда доносились звуки сопилки, на которой игралъ очередной пастухъ.

Когда мы уже минали по шляху таборъ, тогда только я подошелъ къ обѣдавшимъ чумакамъ и сказалъ:—Спасыби вамъ, дядку Йосыпе, за вашу помичь!—причемъ снялъ фуражку.

— Богу дякуй—отвѣтилъ онъ тоже серьезно, и на мое „прощайте"—почти всѣ отвѣтили:

— Йидьте здоровы зъ Богомъ!

Отходя отъ нихъ, я услыхалъ слова—„Бачъ! паненя, а дякуе!"—Когда же я, садясь на возъ, оглянулся на таборъ, то изъ-за возовъ видно было только часть обѣдающей группы чумаковъ, не обернувшихся даже въ нашу сторону.

Опять забродили у меня въ головѣ „думки та гадки", опять я чувствовалъ, сознавалъ, что эти мужики, даже въ образѣ худшихъ до той поры въ моемъ мнѣніи ихъ представителей, чумаковъ-гайдамаковъ, все таки люди хорошіе, симпатичные, съумѣвшіе отнестись сочувственно ко мнѣ и оказать нужную помощь, что во всякомъ случаѣ они милѣе мнѣ этихъ пановъ, одинъ изъ которыхъ промчался мимо насъ, погрозивъ намъ, но не обративъ даже вниманія на постигшее насъ несчастіе. О привиллегированности моей въ вызовѣ помощи со стороны серьезнаго чумацкаго атамана Йосыпа и рѣчи быть не могло, такъ какъ онъ все время серьезно говорилъ и ко мнѣ,

какъ и къ Прокопу,—„хлопче“ и даже ни разу не улыбнулся, не смягчилъ строгости выраженія своего загорѣлаго красиваго лица.

Все, говорю, это вращалось у меня въ мысляхъ, хотя точно и несформированное, но ясно и вѣрно сознаваемое всею впечатлительностію моей натуры. Одно было мнѣ ясно—это то, что всѣ эти мужики, начиная съ Прокопа и до этихъ замазанныхъ дегтемъ чумаковъ, стали мнѣ съ этого времени близкими и какъ-бы своими.

Въ Ольшанкѣ мы напоили нашу худобу и передъ заходомъ солнца подъѣзжали уже къ Бѣлой Церкви. Съ горы Зарѣчья передъ нами открылась обширная панорама всей долины Роси съ мѣстечкомъ, съ уходящею вдаль на Западъ зеленью Александріи и Голендерни, съ Рошкомъ, протягивающимся на Сѣверъ, и съ обширными левадами къ псарнѣ, внизъ по Роси. Но вотъ мы минули Зарѣчанскую церковь, мостъ на Роси и повернули влѣво за гимназіей, чтобы черезъ площадь, мимо палаца графовъ Браницкихъ, завернувъ въ переулокъ, проѣхать во дворъ къ дядѣ.

Я шелъ гордо, самоувѣренно, съ сознаніемъ своихъ новоприбывшихъ силъ, и въ ту пору въ совершеніи своего путешествія видѣлъ цѣлый подвигъ.

Борисъ Познанскій.

Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры.[1]

Матеріалъ, послужившій для настоящей замѣтки, взятъ изъ данныхъ, добытыхъ раскопками на Княжей Горѣ въ прошломъ году. Изъ всей массы найденныхъ предметовъ я выдѣляю довольно многочисленную группу, состоящую изъ вещей, тождественныхъ, вполнѣ или отчасти, съ теперь существующими, главнымъ образомъ въ крестьянскомъ быту. Какъ я уже раньше говорилъ въ общемъ отчетѣ о раскопкахъ на Княжей Горѣ [2]), предметы эти до того похожи на современные, что на первый взглядъ представляется преувеличенной ихъ древность: съ одной стороны, трудно предположить, чтобы въ XI—XIII вв., къ которымъ относятся данные предметы, культура достигла такого развитія, съ другой—какъ то не хочется вѣрить, что, не смотря на столько прожитыхъ вѣковъ, культура такъ мало подвинулась впередъ. Но, какъ бы тамъ ни было, факты, на основаніи которыхъ мы можемъ опредѣлить время распространенія этихъ предметовъ, говорятъ за ихъ древность. Главное доказательство заключается въ совмѣстномъ нахожденіи этихъ простыхъ предметовъ съ другими, несомнѣнно принадлежащими великокняжеской эпохѣ; именно, все, что относится къ украшеніямъ, является типичнымъ представителемъ данной эпохи,—всѣ эти головныя повязки, шейныя гривны, серьги, браслеты, кольца, бусы, наконецъ кресты и образки—не представляютъ, за малыми исключеніями, обусловленными прямымъ

[1]) Читано въ засѣданіи Ист. общ. Нестора Лѣтописца 23 февраля 1892 г.

[2]) „Кіевск. Стар." 1892 г. январь.

назначеніемъ предмета, никакого сходства съ современными, хотя не только не уступаютъ, но иногда и превосходятъ эти послѣдніе художественностью работы. Такое полное различіе украшеній XI—XIII вв. отъ теперешнихъ объясняется быстрой смѣной требованій моды, болѣе всего сказывающейся именно въ украшеніяхъ. Кромѣ украшеній, и другіе предметы съ Княжей Горы, если и не въ такой степени разнятся отъ современныхъ, то все таки носятъ очевидные слѣды своей эпохи. Итакъ, главное обстоятельство, говорящее за древность интересующихъ насъ вещей,—совмѣстное нахожденіе ихъ съ несомнѣнно древними. Другое доказательство въ пользу того же носитъ отрицательный характеръ — это отсутствіе какихъ бы то ни было предметовъ, прямо относящихся къ болѣе позднимъ эпохамъ; объяснить это обстоятельство случайностью трудно, такъ какъ бытъ поселка или города на Княжей Горѣ представленъ найденными вещами въ многочисленныхъ и разнообразныхъ проявленіяхъ, такъ что, во всякомъ случаѣ, хоть что-нибудь да дало бы намъ указаніе на болѣе позднюю эпоху, если бы съ ней имѣли въ данномъ случаѣ дѣло. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что съ большой долей вѣроятности эти простые предметы можно отнести къ той же эпохѣ, къ которой относится и большинство найденныхъ вещей, т. е. къ XI—XIII вв.

Переходя къ характеристикѣ предметовъ, которые я имѣлъ въ виду въ настоящей замѣткѣ, нужно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ уже стали выходить изъ употребленія въ крестьянскомъ быту, замѣняясь продуктами фабричнаго производства, но недавно еще были въ полномъ ходу, многіе же вслѣдствіе простоты тѣхъ потребностей, которымъ удовлетворяютъ, живутъ и до сихъ поръ. Еще разъ оговариваюсь: матеріалъ взятъ исключительно изъ раскопокъ на Княжей Горѣ, и потому перечень предметовъ неминуемо будетъ страдать отрывочностью и отсутствіемъ правильной и подробной классификаціи. Начну съ жилья.—Здѣсь сохранились только печи. Устройствомъ они отличаются отъ теперешнихъ крестьянскихъ: не имѣютъ помѣщеній подъ печью, и самое устье очень невысоко приподнято отъ земли, такъ что при топкѣ приходилось или низко нагибаться,

или работать стоя на колѣняхъ; но способъ постройки печи остался тотъ же самый, именно: печи сбиты прямо изъ глины. Другія принадлежности жилья сохранились только желѣзныя; сюда относятся гвозди разной величины, пробои, задвижки—они всѣ, по формѣ, величинѣ, способу употребленія, совершенно такія же, какъ и теперь работаются сельскими кузнецами и расходятся въ крестьянской средѣ; въ любой деревенской кузницѣ, на рундукѣ, въ лавочкѣ какого-нибудь захолустнаго мѣстечка или на ярмаркѣ, ихъ всегда можно встрѣтить на ряду съ другими нехитрыми продуктами крестьянскаго потребленія. Тѣ предметы, къ которымъ я сейчасъ перейду, также точно сходны съ теперешними произведеніями закорузлыхъ рукъ деревенскаго кузнеца, ремесло котораго повидимому еще отъ временъ глубокой древности, соприкасающейся съ началомъ желѣзной культуры, пользуется нѣкоторымъ престижемъ среди обыкновенныхъ смертныхъ крестьянскаго міра. Это разнаго рода предметы, именно: домашняго обихода, орудія и инструменты—ножи, ножницы, ножницы для стрижки овецъ и замки. Эти послѣдніе двухъ родовъ: меньшинство—всего 2—3 штуки,—такого устройства, какъ и теперь, остальные же, которыхъ около сотни, типа уже отживающаго, но еще не такъ давно бывшаго въ ходу у крестьянъ. Болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе сходство посуды. На Княжей Горѣ найдено нѣсколько видовъ ея; изъ нихъ амфоры и еще сравнительно незначительные по числу особаго рода кувшины не сохранились въ употребленіи у мѣстнаго народа, за то третій видъ найденной посуды, именно обыкновенные горшки для варки пищи, живутъ и теперь въ тѣхъ же нетронутыхъ временемъ формахъ. Что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ древнюю посуду, это доказывается такимъ неоспоримымъ фактомъ: одинъ изъ кладовъ, найденныхъ въ прошломъ году на горѣ, состоящій изъ 45 предметовъ, типичныхъ представителей XII—XIII ст., каковы напр. шестиугольныя гривны, серьги кіевскаго типа и др., помѣщался въ небольшомъ горшкѣ, о которомъ по первому впечатлѣнію положительно можно было-бы сказать, что онъ, не далѣе какъ вчера, купленъ на какомъ-ни-

будь базарѣ,—до того велико сходство съ современной намъ посудой. Посуда, благодаря тому, что часто попадается съ кладами, точно датированными, каковы напр. всѣ монетные клады, даетъ возможность прослѣдить и въ послѣдующее затѣмъ время, вплоть до нашихъ дней, эту замѣчательную устойчивость типа. Земледѣльческія орудія, найденныя на Княжей Горѣ, то вполнѣ сходны съ современными—это серпы, заступы, „чересла“, то лишь отчасти рознятся—напр. нарольники, то совсѣмъ несходны,—какъ напр.—косы. Изъ орудій рыболовства желѣзные и мѣдные крючки—такіе же какъ и теперь; но теперь не употребляются въ здѣшнихъ мѣстахъ остроги, которыми бьютъ крупную рыбу и нѣсколько экземпляровъ которыхъ найдено на Княжей Горѣ. Инструменты кузнечные—молотки, наковальня, напильники; столярные — долота, буравчики, стамески, рубанки, струги—все какъ теперь; нѣкоторое различіе представляютъ топоры, хотя иногда единичные экземпляры близко напоминаютъ современные „сокыры“. Есть также различіе и въ приспособленіи желѣзныхъ инструментовъ для работы; такъ, простая, обыкновенная стамеска вставлена въ ручку изъ оленьяго рога; для той же цѣли, повидимому, предназначалось и нѣсколько найденныхъ кусковъ отпиленнаго рога. Совершенно тождественны древніе и новые инструменты для подрѣзыванія и выбиранія меда, состоящіе изъ желѣзнаго прута, заканчивающагося съ одной стороны лопаткой, съ другой—ножемъ. Нѣтъ также различія между удилами и желѣзными кольцами и пряжками отъ сбруи, вырытыми на Княжей Горѣ и нынѣ употребляемыми крестьянами. Упомянемъ еще о такъ называемыхъ пашенныхъ ямахъ, обнаруженныхъ на Княжей Горѣ; онѣ аналогичны съ такими же ямами, еще недавно служившими для храненія разнаго рода продуктовъ. Я оставляю въ сторонѣ нѣкоторые мелкіе предметы и тѣ, сходство которыхъ съ современными хотя и существуетъ, но не такъ ясно и очевидно. Настоящій вопросъ затронутъ мною только слегка: я не выхожу за рамки раскопокъ на Княжей Горѣ; но и тѣ немногіе факты, которые приведены, даютъ возможность признать, что тотъ „звѣриный“ образъ жизни, который вели сначала наши предки, довольно рано смѣнился

жизнью, обладавшей сравнительно высокой культурой, и что если бы не внѣшнія, а послѣ и внутреннія препятствія, то культура эта несомнѣнно далеко бы ушла въ настоящее время отъ той, въ какой теперь проходитъ жизнь нашего простонародья, жизнь очень часто, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны во многомъ сходная съ давнопрошедшей старинной. Это сходство культуры даже и съ чисто внѣшней стороны еще разъ подтверждаетъ то извѣстное положеніе, что жизнь низшихъ слоевъ общества обыкновенно отстаетъ на нѣсколько вѣковъ отъ культуры верхнихъ.

Я затронулъ настоящій вопросъ, желая обратить вниманіе на то обстоятельство, какъ, благодаря очень мало измѣнившимся условіямъ жизни нашего народа, культура его, дошедшая еще въ глубокой древности до извѣстнаго предѣла, остановилась и потому даетъ матеріалъ, даже съ внѣшней стороны, для наблюденія факта устойчивости и долгой живучести формъ, выработанныхъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ; я думаю, что и такого рода переживанія, подобно переживаніямъ въ области нравовъ, обычаевъ, языка, народнаго міровоззрѣнія, также заслуживаютъ подробной разработки [1]).

Съ развитіемъ фабричнаго производства, съ улучшеніемъ путей сообщенія, вообще съ развитіемъ сношеній и жизненнаго оборота, предметы, въ теченіе многихъ столѣтій бытовавшіе въ крестьянской жизни, уступаютъ мѣсто произведеніямъ новѣйшей культуры. Съ этой, чисто внѣшней стороны, обыкновенно и почитается движеніе и завоеваніе болѣе высокой куль-

[1]) Во время чтенія этого реферата В. Б. Антоновичемъ было сдѣлано слѣдующее добавленіе: „У крестьянъ Южной и Западной Руси существуетъ такое повѣріе: семья, въ которой дѣти умираютъ въ раннемъ возрастѣ, употребляютъ особый пріемъ для того, чтобы предотвратить дальнѣйшіе случаи этого бѣдствія; погребая умершаго ребенка, кладутъ на его грудь запертый замокъ и выбрасываютъ его ключъ, какъ-бы запирая такимъ образомъ смерть въ могилѣ послѣдняго ребенка. Обычай этотъ есть также обычай, относящійся къ явленіямъ переживанія весьма отдаленной старины. Въ прошломъ году, при раскопкѣ славянскаго языческаго кургана, относящагося къ VIII—X ст., я встрѣтилъ скелетъ ребенка не старше 7 лѣтъ и на грудной его клѣткѣ лежалъ желѣзный запертый замокъ, архаической формы, съ замочною скважиной въ видѣ буквы Т и безъ ключа. — *В. А.*

туры, обнимающее затѣмъ и другія стороны ея. Движеніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ происходитъ очень медленно, и очень долго еще вполнѣ культурная съ внѣшней стороны жизнь заключаетъ совсѣмъ не культурное содержаніе, такъ что вышеприведенное положеніе относительно полной еще архаизмами жизни простонародья должно быть почти вполнѣ распространено на средніе классы и отчасти не высшіе, конечно, если понимать культуру въ ея настоящемъ смыслѣ.

Вышеуказанное движеніе внѣшней культуры въ низшую среду какъ разъ наблюдается въ настоящее время среди нашего крестьянскаго міра; существовало оно, конечно, и раньше, но не такъ замѣтно и не въ такихъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы это движеніе было лишь чисто внѣшнимъ. Всегда, даже помимо желанія, переходятъ и развиваются и другія внутреннія стороны культуры; такъ напр., отъ простого факта перемѣны простонародной одежды на европейскую, или quasi-европейскую, происходитъ перемѣна и взгляда даннаго субъекта на себя, перемѣна иногда не симпатичная, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дающая и хорошія послѣдствія, зависящія отъ стремленія сравняться во всемъ съ тѣмъ классомъ, къ которому принадлежишь по платью. Эти именно несимпатичныя стороны, такъ быстро прививающіяся народу, обыкновенно и выставляются на видъ, какъ единственные результаты культуры. Но, во первыхъ, при этомъ забываются и хорошія стороны, которыя несомнѣнно существуютъ, но не такъ бросаются въ глаза, а во вторыхъ, культурнаго движенія ничѣмъ не остановишь,—нужно только дать ему извѣстное направленіе. И въ этомъ случаѣ единственнымъ надежнымъ путемъ можетъ служить какъ можно болѣе широкое распространеніе образованія, потребность въ которомъ сознается и самимъ народомъ.

Это сравненіе культуры двухъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, эпохъ, сравненіе, ведущее къ констатированію въ нѣкоторыхъ случаяхъ полной тождественности формъ у древнихъ насельниковъ приднѣпровья и теперешнихъ его обитателей, даетъ возможность затронуть настоящій вопросъ еще съ

другой стороны. Если принять во вниманіе внѣшнее различіе жизни не только большихъ этнографическихъ группъ, но даже и очень малыхъ подраздѣленій, затѣмъ если включить сюда и то обстоятельство, что время также накладываетъ свою руку на жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—то наблюдаемый фактъ сходства представится довольно знаменательнымъ и не случайнымъ. Не говоритъ ли онъ намъ о послѣдовательной смѣнѣ одного поколѣнія другимъ, конечно, подвергавшейся колебаніямъ и даже довольно сильнымъ толчкамъ, но все таки не на столько могучимъ, что бы они были въ состояніи въ корнѣ уничтожить основной мѣстный этнографическій типъ? Между предметами, которые я выдѣлилъ изъ числа найденныхъ на Княжей горѣ, помимо вышеуказаннаго общаго сходства съ таковыми же и теперь бытующими среди мѣстнаго населенія, замѣчается также совершенно одинаковая техника въ выдѣлкѣ ихъ, и даже тѣ попытки орнаментики, которыя встрѣчаются на нѣкоторыхъ вещахъ, совершенно одинаковы въ своихъ мотивахъ съ нынѣ употребляемыми. Укажу еще на одинъ фактъ, констатированный при раскопкахъ и могущій также служить доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія. Я имѣю въ виду пищу древнихъ обитателей Княжей Горы. Среди разныхъ видовъ хлѣбныхъ растеній, каковы рожь, гречиха, просо, преобладающимъ является именно это послѣднее. Имъ была наполнена одна изъ открытыхъ пашенныхъ ямъ, затѣмъ оно въ большомъ числѣ встрѣчалось въ видѣ обугленныхъ комьевъ сплавившагося пшена, и наконецъ, даже найденъ горшокъ, наполовину наполненный пшенной кашей, сохранившейся благодаря огню. Если же принять въ соображеніе, что просо и теперь играетъ видную роль среди пищевыхъ продуктовъ южно-русскаго племени, то и этотъ фактъ говоритъ за однородность этнографическаго состава населенія здѣшняго края въ эти двѣ эпохи. Я, конечно, далекъ отъ мысли, что одними данными археологіи можно вполнѣ удовлетворительно разрѣшить этотъ спорный вопросъ, но думаю, что и они могутъ пригодиться на ряду съ фактами, добытыми другими науками.

Ник. Бѣляшевскій.

Михаилъ Ивановичъ Семевскій († 9 марта 1892 г.).

(НЕКРОЛОГЪ).

9 марта въ Кронштадтѣ умеръ отъ крупознаго воспаленія легкихъ редакторъ-издатель журнала „Русская Старина“, Михаилъ Ивановичъ Семевскій.

Покойный родился 4 января 1837 года въ великолуцкомъ уѣздѣ Псковской губерніи; воспитаніе получилъ сначала въ полоцкомъ, затѣмъ въ константиновскомъ (дворянскій полкъ) кадетскомъ корпусахъ и, по окончаніи въ 1855 году своего образованія, поступилъ въ военную службу, гдѣ и оставался до 1861 года. Въ 1864 году, послѣ двухлѣтней отставки, М. И. поступилъ на службу по гражданскому вѣдомству и служилъ здѣсь до 1882 года, сначала въ качествѣ помощника экспедитора и экспедитора государственной канцеляріи, а затѣмъ съ 1877 года, въ качествѣ помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта, работалъ въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія. Покойный былъ, кромѣ того, почетнымъ мировымъ судьей великолуцкаго мироваго округа, гласнымъ петербургской думы и одно время въ 1883—85 гг. товарищемъ санктпетербургскаго городскаго головы.—Такова оффиціальная сторона его государственной и общественной дѣятельности. На сколько плодотворна была она—сказать мы не можемъ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Отмѣтимъ только одну черту, характерную для М. И. Семевскаго, какъ общественнаго дѣятеля—это постоянное сочувствіе его основамъ реформъ прошлаго царствованія и, въ особенности, основамъ крестьянской реформы—

черту, выгодно отличающую его отъ многихъ его современниковъ. Извѣстность свою въ русской публикѣ М. И. Семевскій пріобрѣлъ, во всякомъ случаѣ, не какъ государственный и общественный дѣятель, а какъ дѣятель литературный и редакторъ-издатель историческаго журнала.

Литературная дѣятельность покойнаго началась еще въ 1856 году, когда онъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ“ замѣтки о Грибоѣдовѣ, и была посвящена почти исключительно исторіи. М. И. Семевскаго нельзя, конечно, назвать ученымъ историкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, изслѣдователемъ народной и общественной жизни въ тѣхъ или другихъ ея проявленіяхъ и развитіи. Покойный былъ только собирателемъ фактовъ, характерныхъ для того или другаго лица и цѣлаго общества, и никогда не задавался ни широкими выводами, ни обобщеніями. Но эта дѣятельность заслуживаетъ признательности историка, особенно если принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ появились болѣе важные труды покойнаго.

Характеръ историческихъ трудовъ М. И. Семевскаго въ значительной степени объясняется тѣмъ временемъ (начало 60-хъ годовъ), въ которое появились они: посвящены они, главнымъ образомъ, выясненію темныхъ сторонъ личности Петра и его реформы. Недавно одинъ изъ молодыхъ ученыхъ исторіографовъ бросилъ упрекъ покойному, что онъ „за пьянствомъ и казнями проглядѣлъ истиннаго Петра“ [1]). Но этотъ упрекъ не совсѣмъ справедливъ, какъ не совсѣмъ справедливъ и приводимый г. Шмурло упрекъ Н. В. Покровскаго [2]). Поскольку мы знакомы съ трудами и взглядами М. И. Семевскаго на реформу Петра, нигдѣ онъ не отрицалъ ни значенія петровской реформы, ни величія Петра, какъ общественнаго дѣятеля, какъ человѣка принципа, человѣка съ сильной волей. Онъ сознавалъ только, что Петръ съ одной только этой стороны—не истинный Петръ, и, поэтому, повернулъ оборотную сторону медали, кос-

[1]) Это, нѣсколько неудачное, выраженіе принадлежитъ проф. *Е. Ф. Шмурло „Петръ Великій въ Русской литературѣ“* Ж. М. Нар. Просв. 1889 г. № 7 стр. 113.

[2]) ibid. стр. 113—114.

нулся интимной стороны его жизни, посмотрѣлъ на него не съ точки зрѣнія безжизненнаго историіографа, а съ точки зрѣнія человѣка, съ точки зрѣнія „началъ гуманности, нравственности и свободы“ [1]). Тогда, въ началѣ 60-хъ годовъ такая оцѣнка личности Петра была еще явленіемъ совсѣмъ новымъ, но она была необходима, потому что, какъ говоритъ болѣе безпристрастный критикъ М. И. Семевскаго: „всѣ условія, всѣ вліянія, при которыхъ слагался характеръ Петра, которымъ опредѣлялась психическая жизнь этого великаго человѣка,—требуютъ весьма серьезнаго изученія“ [2]). Мы не отрицаемъ, что въ иныхъ мѣстахъ М. И. Семевскій слишкомъ ужъ сгущаетъ краски, но это, повторяемъ, объясняется тѣми условіями, при которыхъ появились его сочиненія.

Цензурный запретъ, который лежалъ на исторіи XVIII вѣка въ первую половину настоящаго столѣтія, повелъ къ тому, что историческіе дѣятели, и между прочимъ Петръ, въ рукахъ изслѣдователей являлись въ ложномъ, почти исключительно панегирическомъ свѣтѣ [3]). Не мудрено, поэтому, что какъ только въ концѣ 50-хъ годовъ запретъ этотъ былъ снятъ и начался пересмотръ фактовъ, наступила реакція понегиризму и, какъ всякая реакція, она не всегда умѣла удержать надлежащую мѣру. Въ эпоху этой реакціи и выступилъ М. И. Семевскій. Ею объясняется и выборъ его темъ и затѣмъ характеръ его изслѣдованій [4]), которыя не безъ пользы, вѣдь, прошли для нашей историіографіи.

Наибольшую же заслугу исторической наукѣ покойный оказалъ изданіемъ ежемѣсячнаго историческаго журнала „Русская Старина“. Журналъ этотъ былъ основанъ въ 1870 году и за все время своего 21-лѣтняго существованія далъ массу

---

[1]) ibid. стр. 113.

[2]) *Д. А. Корсаковъ*. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Каз 1891 стр. 427.

[3]) *Е. Ф. Шмурло* „Петръ Великій въ русской литературѣ“ Ж. М. Н. Просв. 1889 г. № 7 стр. 105 и слѣд.

[4]) Перечень статей М. И Семевскаго см. въ его книгѣ „*Слово и дѣло*“ изд. 2-е.

матеріала для русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. Достаточно назвать записки кн. Щербатова „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“, Добрынина, Болотова, Манштейна, Пассекъ, сенатора Соловьева, проф. Ростиславова, Берга, дневникъ Никитенка, записки гр. Валуева и т. д. и т. д., чтобы убѣдиться въ томъ, какое значеніе имѣетъ „Русская Старина“ для разработки исторической науки. Кромѣ записокъ, въ „Русской Старинѣ“ печаталось много писемъ литераторовъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, матеріалы для ихъ біографій, для исторіи учрежденій и пр.; помѣщались также и изслѣдованія Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева В. С. Иконникова, В. И. Семевскаго и др. Вообще „Русская Старина“ отличалась самымъ разнообразнымъ содержаніемъ и этимъ, конечно, она была обязана своему редактору. За одно ужъ это нельзя не помянуть добрымъ словомъ покойнаго!

По газетнымъ извѣстіямъ, „Русская Старина“, богатая библіотека и собраніе рукописей М. И. Семевскаго переходитъ къ брату его, извѣстному историку русскаго крестьянства Василію Ивановичу Семевскому.

Н. В.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Пасхальная вирша. Помѣщенная въ настоящемъ номерѣ статья г. П. Житецкаго «Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія», въ которыхъ идетъ рѣчь между прочимъ и о пасхальныхъ виршахъ, даетъ намъ поводъ представить еще одинъ варьянтъ такихъ виршъ, кажется, нигдѣ еще ненапечатанный. Сверхъ того, апрѣльская книжка журнала очутится въ рукахъ у читателя какъ-разъ во время Свѣтлаго праздника, а потому кстати будетъ перенестись мыслію въ то, уже отбывшее свой вѣкъ, прошлое, когда этотъ «праздниковъ праздникъ» возбуждалъ въ старинныхъ нашихъ поэтахъ, вѣроятно—*пиворизнаго* свойства, (см. стат. г. Житецкаго въ № 2-мъ текущаго года «Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи») особаго рода творчество. Въ этихъ виршахъ такъ искусно сплелись два элемента—простодушный и юмористическій, что рѣшительно иногда остановишься въ недоумѣніи: насмѣшка-ли это, или наивный методъ переведенія религіозныхъ сюжетовъ въ область бытовыхъ народныхъ картинъ? Конечно, послѣ нѣсколькихъ минутъ сомнѣнія сейчасъ же является опредѣленный отвѣтъ: что сатира тутъ не имѣется въ виду, что настроеніе поэта въ моментъ такого творчества самое благочестивое, но что вся—такъ сказать—природа поэта, юмористическая по своему этнографическому типу, осложненная своеобразнымъ воспитаніемъ и школьнымъ ученіемъ, рвется наружу и выливается въ рѣчи тою характерной чертой, которая сказалась въ цѣломъ рядѣ виршевыхъ произведеній, драматическихъ піесъ, прозаическихъ и стихотворныхъ анекдотовъ и, наконецъ, въ пародированныхъ поэмахъ, такъ типично представленныхъ «Энеидой» Котляревскаго, «Вояжемъ ген.-губернат. Беклешова» (см. Кіев. Стар. 1890 г. № 3), «Жабомы-

шодракивкой» Думитрашка и пр. Этой однородностью тона и пріемовъ во всѣхъ названныхъ произведеніяхъ, какъ мнѣ кажется, объясняется и тотъ фактъ, что пасхальная вирша «Кажуть, буцимъ молодыци—негодяйки, лыдащыци», напечатанная въ Кіев. Стар. 1888 г. № 1—3, приписывается, по слухамъ, Котляревскому, автору Энеиды. Я имѣлъ случай, напечатавши впервые эту виршу, получить цѣлый рядъ и письменныхъ, и устныхъ заявленій, будто она принадлежитъ перу Котляревскаго, но такъ какъ всѣ эти заявленія голословны, то я отказываюсь согласиться съ ними и, ставя вопросъ для отвѣта людямъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, обращаю только вниманіе на то, что сходство тона и пріемовъ творчества могло дать поводъ къ появленію такого слуха.

Намъ любезно доставлена А. Н. Малинкою еще одна подобная-же вирша, найденная имъ въ рукописномъ сборникѣ начала нынѣшняго столѣтія. Тутъ съ особенной рельефностью выступаютъ предъ нами картины, переводящія лицъ, извѣстныхъ въ исторіи ветхозавѣтной, прямо изъ ада въ обстановку утѣхъ и радостей въ духѣ сельскаго простонароднаго быта. Что ни строчка,—вамъ сразу бросается въ глаза тотъ-же методъ онаціоналиванія церковныхъ сюжетовъ, какой видимъ у Котляревскаго по отношенію къ греческимъ героямъ и богамъ.

В. Науменко.

Нуте лышъ берите яйця;
Скажу я вамъ дыво якесь:
Бачъ, якъ будемъ циловатця,
То скажу: Хрыстосъ Воскресъ!
И пинъ казавъ: обнимайте
Хлопцивъ, дивокъ, молодыць;
Тилько-жъ—казавъ—не мынайте
Старцивъ, сыротъ и вдовыць:
Щобъ хто встряне, то й цилуйся,
Чи погонычъ, чи панычъ,
Чи тамъ Феська, чи Маруся,
Чи богатый, чи вдовычъ.
Бигъ Святый велыть сёго дни,
Всякый щобъ теперъ бувъ братъ;
Винъ въ пекельній бувъ безодни,
Чорта звязавъ, отперъ адъ.
Скилько тамъ набыто люду,
Вси теперъ у рай чкурять;
Чорту кинулы Іуду,
Винъ тоди почавъ стогнаты
И все въ двери поглядавъ,
Да ба, не туды попався!..
Тамъ не вміють жартувать:
Чортъ веливъ въ смоли купаться,
Самъ *багачъ*[1]) ставъ пидкладать
Нитъ, тамъ не такъ *заякочешъ*, (?)
Якъ почнешъ въ смоли кыпить.
Да то лучче, якъ онъ тіи,
Що теперъ чвалають въ рай,—
И гришніи, и святіи
Все заодно въ путь чухрай.
Лишь тилько выйшли воны въ поле
На зеленый гарный лугъ,
Тай забулы свое горе.
Старыки вси силы вкругъ,
Посидавшы розмовлялы
Де-що бачъ про старыну,
Въ Сичи якъ колысь гулялы,

[1]) Тоже, что *багаття*=огонь.

Якъ бувало въ сарану;
Парубки въ мяча гуляли;
Де якіи-жъ у жгута;
Дивки писеньки спивали,
Мали жъ диты — у кота.
Хто хотивъ, навбыгки бывся,
Крычавъ: подай мени бойця!
Соломинъ въ правду дывився,
Самсонъ выклыкавъ борця;
Давыдъ буцимъ на годыну
Отъ старыкивъ отлучився,
А тамъ показавъ имъ спыну,
Зъ молодижью излучився;
На ёго глядя, вси усталы,
Вси къ гулякамъ пидошлы,
По двое въ рядъ посидалы,
Якъ дзыглыкы [1]) пиднесли.
Биля ихъ сивъ и Аврамъ,
Дальше зъ якымсь чоловикомъ
Зъ Евою сыдивъ Адамъ;
Яковъ, Исаакъ, Ровекка,
Мусій, Ярема и Михей
Тутъ же силы недалеко,
Харко, Лысько и Овдій;
А тамъ Ной сыдивъ зъ сынами
Отъ забувсь,—чи Лотъ сыдивъ?
Нитъ! бачця винъ зъ дочкамы
Черезъ головы глядивъ.
Якъ оттакъ гарненько силы,
Втыхомырылысь на часъ.
Хлопци, дивкы ажъ радилы,
Що гулять прыходыть часъ.
Тутъ Давыдъ гусли пидстроивъ,
Козацькои якъ дернувъ!
Такъ уже никто не встоявъ,
И нежывый-бы скакнувъ.
Якъ тилько вчувъ святый Афетъ,
Що вже гусельки брынчать,
Якъ схопився, якъ махнеть!
А за нымъ другіи всталы,
Всякъ пару соби прыбравъ,
Ставши въ танець, тай прохали,
Щобъ запорозькую гравъ.
Вси жъ тутъ отдернулы
За свій жаль парубки,
Ничого тутъ не забулы
Молодыци и дивки;
Перше навприсядкы бралы,
Потимъ былы трепака,
А дивчата забывалы
Пидкивками гоцака;
Якъ же взялы молодыци
По своему бушувать,
Ажъ погубылы спидныци,
Такъ взяло ихъ розбырать.
Сіе забачивши Сарра
Мусила до нихъ устать;
Такъ же соромъ, имъ сказала:
Лучче-бъ „неньку“ заспивать.
Оттежъ правда! — воны силы,
Щобъ хоть трохы одпочыть,
Бо якъ хлюща попотылы,
Вси сорочка ажъ хлющить;
Одпочивши, заразъ „неньку“
Уси гуртомъ завелы;
И хлопци якусь гарненьку
Либонь козацькую гулы;
Тамъ всякъ утишався,
Що любо було глядить;
Давай до раю чухрать.
Уже прыйшлы щось блызенько,
Ажъ тутъ блыскавыця блысь!
Вси поклонылысь нызенько.
И всякій въ землю дывывсь;
А потимъ якъ загремило,
Такъ усякъ перелякався;
Развивъ съ пъять перехрестылысь,
Да й пошлы роскошовать.
Нехай воны тутъ гуляють,
Нехай соби грушы рвуть,
Нехай и насъ дожыдають;
Поки жъ що — погуляймо й тутъ.

---

[1]) Маленькая скамеечка

Оттеперъ же поцилуймось,
За виршу кипку дай,
Тогди съ пляшкой полюбуймось,
То й на земли зробымъ рай.

За симъ, Батьки, выбачайте,
Більшѣ не вмію виршовать;
Чи дасте-жъ що,—дакъ давайте,
Бо мни николы васъ ждать.

Вирши на воскресеніе Христово. Выписываю здѣсь двѣ вирши на Воскресеніе Христово изъ упомянутой уже мною (Кіевская Старина, мартъ, 482) рукописи бутывинскаго священника Ильи Яремецкаго Бѣлахевича. Первая изъ нихъ обрѣтается на к. 91 verso, вторая на к. 110 v.—111 recto (по новой нумераціи). Передаю текстъ виршей съ сохраненіемъ правописанія и удареній, причемъ однакожъ развязываю титла и переношу надстрочныя буквы въ строку.

I.

Проліогъ на Воскресеніе Іисусъ Христово.

Днѣсь по хмурныхъ затменяхъ свѣтлость ся зявила,
А по тяжкихъ ляментахъ рàдость ся всѣмъ ѿкрила.
Гди Богъ Слòво на крестѣ стояло, на крестѣ стояло,
И солнце подòбную свѣтлость ѿкривàло,
И страшніе громòве нѣруни вдаряли,
И висòкіе скàли ѿ страху трѣщàли,
Капатетазма (sic!), въ церквѣ вполся розодрàла,
И ажъ до долу своего цѣла не зостàла.
Усе створѣня Творца на крестѣ познàло,
И въ ляментѣ великомъ три дни зоставàло.
Лечъ Ізраиль наймилшій і синъ первородній
Дàровъ Божіихъ будучи и ласки (естъ) не гòденъ,
Ѿдалъ Твòрцу за ласку незнòсніе муки,
Ото прибилъ на крестѣ Пречистіе руки.
Положился во грòбѣ животъ нескончòнній,
Три дни во грòбѣ держимъ билъ Синъ Божій влюбленній;
Потомъ вставши ѿ грòбу пресвѣтло сіяетъ,
А намъ вѣрнимъ весѣля гойне подавàетъ.
Радуйтежся всѣхъ вѣрнихъ днесь усѣ собори,
Христосъ воскресъ, спѣваймо зъ ангелскими хòри.
Веселя вамъ слухàчом зичу заживàти
И воскресшаго Христа миле оглядàти.
А потомъ бисте могли о нимъ царствовати,
Жичу оусѣмъ слухàчомъ въ небѣ на вѣки пребивати.

II.

Отроки на Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа.

Днѣсь Воскресенія день, ангели спѣваютъ,
Тіе вѣсти намъ земнимъ человекомъ подаютъ.
Днѣсь (бо) вѣмъ человѣки зъ ангели зостали,
Гди такого веселя нинѣ дочекали.
Втож ѿ радости і я не могу стривати,
Христосъ Воскрѣсъ ѿ мертвихъ буду викрикати.
І Адамъ бо вѣмъ впѣклѣ тое днесь спѣваетъ,
Гди самъ Христос ѿ ада [южъ днесь] его визволяетъ,
Котрій въ темнихъ пекелнихъ мукахъ зоставалъ,
Котрій болемъ великимъ Збавителя взивалъ.
Отожъ его Синъ Божій спѣкла вибавляетъ,
И пекелніе врата мужне истираетъ,
Оусѣхъ святихъ ѿ вѣка и во гробѣ спящихъ
Воводитъ до палацовъ сіонскихъ свѣтящихъ,
Наполняетъ весели тихъ що били всмутку
Котріе вляментѣ и жалосномъ скутку.
Ізбранніе язици вси ся веселѣте,
А воскресшаго Христа гойне вси славѣте.
День нинѣ той пресвѣтлій, день на триумфъ данній,
Днѣсь ѿ Господа самого ізбранній.
Днесь весели гойнаго днесь наполненній,
День слѣчнихъ дворовъ сіонскихъ реченній,
День, у которой свѣтлость вдячна восіяла,
Которая ѿ гроба триднѣвно повстала.
Въ тотъ день Синъ Божій зъ моцарствомъ виходитъ,
Адама всѣхъ бившихъ о нимъ производитъ;
Которыхъ смокъ пекелній в антиподахъ трималъ,
Тихъ Синъ Божій предвѣчній сам до неба послалъ,
Аби вси тамъ весели гойне заживали,
Зъ ангелами сполѣчне Бога оглядали,
Імя его святое гойне возносили,
Чимъ которіе на земли радость приносили.
День бо вѣмъ той, въ которій самъ Богъ [отпочиваетъ і] ѿпочивалъ,
Коли Емпѣрейскіе палаци будовалъ,
Въ той день Синъ Божій повсталъ ѿ гроба;
Церквамъ святимъ бываетъ свѣтлая оздоба.
Прето втой день весели гойне заживаймо,
Воскресъ Іисусъ ѿ гроба вдячне заспѣваймо.
О восточное солнце нинѣ засвѣтило,
Которое насъ спящихъ въ грѣхахъ сбудило.
Воскресъ Іисусъ ѿ гроба, солнце предсвѣтлое,

А Сынъ Ѻца любимій, слово безлѣтное.
Восія Христе во мирѣ благодать твоя,
Ѻіми бо ѿ мѣне вся грѣхи моя.
Воскресѣніе поютъ Ангели на небеси,
Неизмѣрному Божію дивятся чудѣси.
Триумфуетъ оувесь свѣтъ Воскресѣніемъ Христовимъ,
Рàдостію наполненній и весѣліемъ гойнимъ,
Же тàкъ великій монархà труди тяжкіе за насъ поднялъ,
Аби зъ нàсъ христіянъ ни единъ во àдѣ пѣкелномъ не зосталъ,
Але жеби его Христосъ Синъ Божій до царствѣя запровàдилъ,
А тамъ въ горнемъ Сіонѣ праведника постàвилъ.

Обѣ эти вирши помѣчены въ рукописи 1748 годомъ. Однакожъ судя по тому, что текстъ нашъ представляетъ многія погрѣшности, пропуски и ненужныя вставки, нарушающія размѣръ (здѣсь собственно число слоговъ) и рифму, отмѣченныя у насъ скобками, нужно полагать, что Яремецкій самъ не былъ авторомъ этихъ виршей, но списалъ ихъ изъ какого нибудь болѣе древняго подлинника, или даже изъ устъ какихъ нибудь дьячковъ или «отроковъ», которые во время праздниковъ расхаживали по домамъ обывателей, декламируя или распѣвая ихъ и получая за это извѣстное вознагражденіе, обыкновенно нѣсколько крашанокъ и «перéничку», т. е. булку бѣлаго хлѣба. Обычай этотъ сохранялся въ галицкихъ мѣстечкахъ еще до недавнихъ поръ, а можетъ быть, существуетъ гдѣ-нибудь еще и теперь; въ Дрогобичѣ я помню еще при концѣ 60-хъ годовъ мальчиковъ, ходившихъ такимъ образомъ, какъ называлось, «по орації». Позже обычай этотъ какъ то прекратился.

Прибавлю еще нѣсколько подробныхъ замѣчаній къ тексту виршей. Что касается содержанія виршей, то оно не представляетъ ничего особеннаго. Интересная здѣсь развѣ 17-я строка второй вирши, гдѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе объ антиподахъ какъ области духовъ враждебныхъ Богу, гдѣ томились праотцы стараго завѣта, въ ожиданіи пришествія Христова. Представленіе это, кажется, не встрѣчается у нашихъ писателей XVI—XVII вѣка, и должно быть отнесено къ вліянію западно-европейскому [1]), гдѣ вопросъ объ антиподахъ составлялъ еще со временъ Данта средоточіе нескончаемыхъ теологическихъ препирательствъ. Стоитъ отмѣтить и еще одно, впрочемъ довольно сбивчивое представленіе въ строкахъ 34—35, а именно, что Богъ,

[1]) Подробно разъясняется этотъ вопросъ въ сочиненіи Іоанникія Голятовскаго „Души людей умершихъ“.—Ред.

отдыхая въ воскресеніе послѣ созданія міра, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавалъ «емпѣрейскіе палацы», о созданіи которыхъ въ книгѣ Бытія ничего впрочемъ не упоминается. Такъ ли должно понимать это мѣсто, а ежели такъ, откуда взялъ авторъ вирши это представленіе, я не берусь рѣшать.

Языкъ нашихъ виршей представляетъ довольно странную смѣсь церковнославянскаго съ южнорусскимъ народнымъ нарѣчіемъ. Отмѣтимъ слѣдующія особенности:

Вирша I, стр. 4, *солнце-подобную*—въ текстѣ писано раздѣльно, должно составлять одно слово: солнцеподобную, sonnenähnlich; стр. 7 «капатетазма» стоитъ вм. катапетазма, по гречески занавѣсъ, интересная перестановка звуковъ, аналогическая съ многочисленными того рода явленіями въ южнорусской нар.—рѣчи (колупітокъ вм. полукішокъ, колупішокъ вм. полукішокъ и т. п., см. *Em. Ogonowcki*, Studien anf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, стр. 95); стр. 16 «влюбленный» вм. улюбленный—возлюбленный. Вирша II, стр. 5 «Втож» вм. отожъ, аналогическія явленія въ малороссійской нар. рѣчи очень многочисленны; какъ одно изъ болѣе рѣдкихъ, отмѣчу слѣдующее въ нар. пѣснѣ, записанной мною въ с. Лолинѣ, долинскаго пов.

Бидкожъ моя несчастыва, бидкожъ моя, бидко!
Я сы гадавъ, що буду влій (вм. олій) исты,
Най же го исть дидько!

Миронъ.

Слѣды древнихъ поселеній. Лѣсистая мѣстность Винницкаго уѣзда, находящаяся при рѣкѣ Бугѣ и ея притокахъ Згарѣ и Бобркѣ, гдѣ расположены с.с. Гущинцы, Сопруновъ и м. Мизяковъ, представляетъ собою слѣды древнихъ поселеній. Особенно въ этомъ отношеніи богато с. Гущинцы. По лѣвой сторонѣ Буга, напротивъ Гущинецъ, находится урочище «Приська». Здѣсь, говоритъ преданіе, въ древности было поселеніе этого имени и, какъ на слѣды его, указываютъ на выпахиваемый кирпичъ, черепья и проч. По правую сторону Буга, въ верстѣ отъ села, возлѣ рѣчечки Бобрки, урочище «Селище», какъ передаютъ, тоже бывшее когда-то село. Затѣмъ сохранилось преданіе, что по теченію Буга въ 4 верстахъ отъ Гущинецъ былъ большой городъ «Билый камінь», въ которомъ находилось 7 церквей. Указываемое мѣсто на невысокомъ холмѣ имѣетъ съ восточной стороны идущій параллельно съ Бугомъ большой валъ

длиною въ 95 саженъ. По словамъ крестьянъ, здѣсь часто выпахиваются гладкіе, какъ-бы шлифованные камни (изъ описанія ихъ можно предположить, что это остатки древнихъ орудій), а также кирпичъ и черепья.

Въ смежныхъ лѣсахъ Гущинецъ, Сопрунова и Мизякова, расположенныхъ на гористой мѣстности, которая на востокѣ ограничена р. Бугомъ, на сѣверѣ Бобркой, а на югѣ Згаромъ, находится масса кургановъ и ямъ. Курганы эти разной величины, но между ними попадаются отличающіеся особенною высотой и обширностью [1]).

Въ Гущинецкомъ же лѣсу на высокомъ холмѣ, который на западѣ соединяется посредствомъ хребта съ другимъ холмомъ, на сѣверѣ имѣетъ крутой спускъ къ р. Бобркѣ, а на востокѣ и югѣ къ глубокой долинѣ, находится урочище «Замчысько» съ слѣдами древнихъ укрѣпленій (въ Мызяковѣ наз. его «Паланкою»). Представляетъ оно собою площадь, окруженную двумя валами, въ срединѣ которыхъ находится глубокая канава. Внутренній валъ выше внѣшняго и въ длину имѣетъ до 300 арш. Глубина канавы отъ 12 до 16 аршинъ. Площадь «Замчыська» въ поперечникѣ 85 арш.; поверхность ея не ровна, такъ какъ на ней есть нѣсколько бугровъ и круглыхъ ямъ. На западѣ, въ 45 арш. разстоянія отъ этихъ окоповъ, хребетъ холма пересѣкается валомъ въ 135 арш. длины, съ внѣшней стороны котораго тоже находится глубокая канава. Вблизи «Замчыська» попадаются курганы и ямы. Преданій о немъ не сохранилось.

Въ описываемой мѣстности никогда еще не было археологическихъ раскопокъ, а также расхищеній древнихъ вещей по примѣру другихъ мѣстъ; поэтому можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что археологія обогатилась-бы, если бы здѣсь были сдѣланы систематическія раскопки спеціалистами археологами.

В. Боржковскій.

Цѣлебный источникъ.—Недалеко отъ только-что упомятаго «Замчыська», въ томъ-же лѣсу, въ глубокой долинѣ, къ которой сходятся нѣсколько высокихъ холмовъ, есть минеральный источникъ «Чопова», извѣстный въ народѣ за цѣлебный. Изъ долины этой онъ

---

[1]) На одномъ изъ такихъ кургановъ, находящемся въ Мизяковскомъ казенномъ лѣсу, въ урочищѣ „Княжыха“ (послѣдній холмъ возлѣ Буга) была, по преданію, устроена во время татарскихъ набѣговъ „вежа“, съ которой предупреждали жителей Мизякова о приближеніи татаръ.

ручейкомъ впадаетъ въ р. Бобрку. Надъ колодцемъ этимъ стоитъ деревянный крестъ съ надписью: «кырныця Чопова вода помишна. 1887 г.». На крестѣ посерединѣ икона св. Николая, а по бокамъ нѣсколько меньшихъ иконокъ.

Объ источникѣ этомъ сохранилось двѣ легенды. Одна легенда говоритъ, что когда-то очень давно изъ той долины, изъ-подъ горы вытекала цѣлая рѣка и что будто бы изъ нея поднимались пары и надъ ней вѣчно носились тучи, что служило причиною частыхъ бурь, дождя и града. Это причиняло такія бѣдствія въ окружающей мѣстности, что какой-то панъ приказалъ срубить много дерева и забить имъ то мѣсто, откуда рѣка брала начало, и съ того времени остался только колодезь съ маленькимъ ручейкомъ.

Другая легенда передаетъ, что тамъ, гдѣ теперь колодезь, начиналась большая рѣка и что возлѣ нея на холмѣ стояла церковь; но во время татарскихъ набѣговъ, жители, не желая допустить разграбленія церкви, затопили въ этой рѣчкѣ всю церковную утварь, колокола и даже самое зданіе ея. Съ тѣхъ поръ рѣчка эта обратилась въ колодезь и изъ глубины его можно слышать каждый годъ на пасху колокольный звонъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ были затоплены священныя принадлежности, вода этого колодца сдѣлалась цѣлебною. Возлѣ колодца съ лѣвой стороны находится трясина, въ которую, по словамъ крестьянъ, погружается шестъ болѣе двухъ саж. длины. На трясину эту крестьяне и смотрятъ, какъ на «безодню», въ которой вмѣстилась церковь.

Между тѣмъ слава этого источника издавна уже разнеслась по окружающимъ селамъ и къ нему сходятся больные въ надеждѣ получить исцѣленіе; въ особенности водятъ къ нему золотушныхъ дѣтей. Грязь изъ колодца употребляютъ при сильныхъ головныхъ болѣхъ, прикладывая её, какъ компресъ на голову. Воду пьютъ и омываются ею. Послѣ омовенія, въ знакъ того, что оставляются здѣсь болѣзни, развѣшиваютъ на вѣтвяхъ свои рубахи, платки и т. п. Въ колодезь бросаютъ деньги («такъ нибы то заплатывъ за воду», сказалъ по этому поводу мизяковскій крестьянинъ). Воду эту, какъ «свячену», берутъ въ качествѣ лѣкарственнаго средства для домашняго употребленія; пользуются ею и пасѣчники, чтобы разводить «сыту» при кормленіи пчелъ весною. Нужно замѣтить, что существуетъ въ народѣ обычай приносить съ разныхъ мѣстъ освященную воду; затѣмъ ее сливаютъ вмѣстѣ и хранятъ въ бутылкахъ. Вода эта обязательно должна быть составлена изъ трехъ источниковъ и притомъ «съ трьохъ

граныць». Мизяковскіе, напр., крестьяне для этого приносятъ воду изъ «Чоповой», а также изъ «кернычокъ» с. с. Уладовки и Заливанщины, гдѣ въ виду цѣлебности воды, установлены «отпусты».

Ежегодно и издавна происходитъ возлѣ «Чоповой» водоосвященіе, но всего только два года, какъ гущинецкіе крестьяне стали приглашать сюда крестьянъ другихъ селъ ко дню весенняго Николая, на «видпустъ». Руководитъ этимъ дѣломъ, какъ говорятъ, больше всего братство сестричекъ, которыя посылаютъ по селамъ нѣсколько человѣкъ для приглашенія, а также для собиранія съѣстныхъ припасовъ на «обидъ», которымъ угощаютъ всѣхъ присутствующихъ по окончаніи водосвятія и молебствія.

У крестьянъ есть желаніе построить когда нибудь церковь или часовню возлѣ колодца въ надеждѣ, что будутъ здѣсь установлены «отпусты» по примѣру другихъ селъ, какъ напр.: Уладовки и Заливанщины.

В. Боржковскій.

Изъ прошлаго Кіева. Допросъ въ Москвѣ стрѣльца, присланнаго изъ Кіева съ отписками.

$\frac{192}{1684}$ г. іюня въ 12 день, въ приказѣ Малыя Росіи явился изъ Кіева стольника и полковника Павлова полку Бохина стрѣлецъ Митрошка Павловъ, а сказалъ: къ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцемъ, послалъ его изъ Кіева боярин и воевода Алексѣй Петровичъ Салтыковъ съ товарищи съ отписки тому нынѣ *осьмой день*.

Въ Кіевѣ милостію Божіею все смирно и про непріятельскихъ людей нигдѣ не слышать; да въ нынѣшнемъ же въ 192 году, а котораго числа, того не упомнитъ, до его посылки недѣли за двѣ было въ Кіевѣ по два дни о полднях въ церкви *Георгія Страстотерпца* среди дня свѣщи передъ образами засвѣщались и царскія двери отворялись да и напередъ того послѣ свѣтлой недѣли въ той же церкви такожде было, а боярин и воеводы о томъ къ великимъ государемъ писали ли, того онъ не вѣдаетъ. А *хлѣбъ* купятъ въ Кіевѣ *кіевской мѣры* осмачку-рожъ *по десяти* и *съ алтыномъ по десяти*, овесъ *по осми алтынъ*. Великихъ государей съ казною встрѣтилъ на дорогѣ промежъ Болхова и Карачева, а больше того сказати ни про что не вѣдаетъ.

(Моск. арх. Минис. Юст., Спб. Пр. столбцы № 1587).

А. Г—скій.

Изъ прошлаго Кіево-Печерской лавры. Челобитная о разрѣшеніи принять православіе.

Великому государю, ц. в. кн. Петру Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Р. самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой солдацкого строю прапорщикъ Петрушка *Крефтъ*. По моему челобитью отпущенъ былъ я изъ Переяславля въ богоспасаемый градъ Кіевъ для свиданія сродниковъ своихъ и былъ я, холопъ твой, въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ и видѣлся я, холопъ твой, съ монахомъ Михаиломъ, которой былъ въ нашей Люторской вѣрѣ, а нынѣ онъ во православной кристіянской греческой вѣрѣ; и я, холопъ твой, разговорился съ нимъ монахомъ про православную крестьянскую греческую вѣру и онъ, монахъ, мнѣ, холопу твоему, разсказалъ православную крестьянскую греческую вѣру, какъ она есть во православіи и какъ святые отцы на Седмомъ Соборѣ ее, православную греческую вѣру, установили и какъ можетъ отъ чего человѣкъ спастися, потому что, государь, въ православной крестьянской греческой вѣрѣ воспріимаютъ печать и даръ Духа Святаго и Пресвятую Богородицу и всѣхъ угодниковъ почитаютъ и поклоняются и посты святые ты всѣ держатъ, которые на Седмомъ Соборѣ святые отцы уставили, а въ нашей Люторской вѣрѣ того нѣтъ и постовъ святыхъ ни единаго не имѣютъ, также и Пресв. Богородицы и всѣмъ угодникамъ Божіимъ не поклоняются и я, холопъ твой, узнавъ то, что православная крестьянская греческая вѣра вельми благочестива, и хочу я, холопъ твой, ее воспріять. Милосердый велик. государь..... пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, мнѣ, холопу своему, изъ Люторской вѣры приступить въ православную крестьянскую греческую вѣру. Великій государь смилуйся!

(Моск. архив. Мин. Юст. спб. прик. № 1602).

А. Г—скій.

Кіевскій магистратъ запрещаетъ сотнику торговать въ лавкахъ (1760). Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1760 г. отставной сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ, съ которымъ магистратъ кіевскій велъ многолѣтнюю безплодную войну изъ-за «шинкованья», которымъ, несмотря на всѣ запрещенія, занимался сотникъ въ подрывъ интересамъ магистрата, жаловался гетману Разумовскому на то, что магистратъ запрещаетъ ему производить торговлю въ рядахъ. «Имѣю я въ г. Кіевѣ, писалъ онъ, собственныя мои четыре крамныя лавки, въ

томъ числѣ двѣ состоять впустѣ чрезъ недопущеніе магистратомъ кіевскимъ торговать, и двѣ, въ которыхъ сидѣльцы мои чрезъ семь годъ разными товарами торговали безъ всякаго отъ кого либо препятствія. Нынѣ же отъ магистрата кіевскаго, по древней на мене (какъ и на всѣхъ кіевскихъ козаковъ) злобѣ и ненависти, чинится препятствіе и запрещеніе, чтобъ въ показанныхъ лавкахъ товарами не торговали, и сидѣльцовъ моихъ магистратомъ берутъ подъ караулъ, требуютъ подписокъ, дабы въ онихъ моихъ лавкахъ отнюдь не сидѣли и не торговали».

Гетманъ по этой жалобѣ далъ ордеръ магистрату не препятствовать купечеству Гудима. Но магистратъ, ссылаясь на Высоч. грамоты, «по коимъ *никому изъ ратныхъ людей* торговать въ Кіевѣ на Подолѣ не дозволено», заявлялъ, что онъ и ордера гетманскаго исполнить «нѣкакъ не смѣетъ», такъ какъ и Гудимъ не иного какого званія человѣкъ, какъ воинскаго, а «до сего, сколько здѣ сотниковъ, сотенной старшины и рядовыхъ козаковъ ни было, ни еденъ съ нихъ ни самъ, ни чрезъ сидѣльцовъ никакихъ торговъ въ лавкахъ съ кіевскими мѣщаны не производили»; при томъ же и сами сидѣльцы Гудимовы показали, что торгуютъ они не въ собственныхъ Гудимы лавкахъ, а въ наемныхъ: такъ — «изъ нихъ Григорьевъ сего 760 г. марта м-ца сѣлъ наемно въ лавки здѣшняго мѣщанина Василія Конистенскаго, а Колцатій наемно въ лавки тестя его, сотника, умершаго мѣщ. Евстафѣя Михайлова». Между тѣмъ Гудимъ, видя неисполненіе со стороны магистрата гетманскаго ордера, вновь обратился въ октябрѣ того же года къ гетману съ жалобой, что де «съизнова сидѣльцевъ моихъ брато въ магистратъ подъ караулъ и держано цѣлой день, и отпущено съ тѣмъ строгимъ притвержденіемъ, что ежелибъ оніе дерзнули сѣсть въ лавкахъ, то жестоко плетьми имѣютъ быть наказаны». При этомъ Гудимъ доказываетъ, что запрещеніе «ратнымъ людямъ» торговать на Подолѣ относится къ великороссійскимъ солдатамъ, а никакъ не къ кіевскимъ же козакамъ. Съ такимъ толкованіемъ согласилась и Войск. Г. Канцелярія, которая и подтвердила вновь данный магистрату гетманскій ордеръ: «понеже зъ оной высоч. грамоты видѣть можно, какое запрещеніе до козаковъ касалось, оное именно объяснено и изображено, гдѣ надлежало,— «ратнымъ людямъ и козакамъ», а что до продажи товаровъ, о томъ именно запрещеніе учинено еднимъ ратнимъ людямъ, т. е. солдатамъ, а не козакамъ, кои въ Кіевѣ дѣйствительно жительствуютъ и землями своими владѣютъ и, по силѣ правъ малорос., всякими промы-

слами на землѣ своей по волѣ своей же пользоваться свободни; а таково запрещеніе оному обитованному сотнику Гудимѣ въ неимѣніи ему своихъ сидѣльцовъ отъ магистрата учинено неналежно, въ отмѣну высоч. грамотъ, жалованныхъ тому маг-ту, и показанному повелѣнію нашему ослушаніе несправедливо», а потому В. Г. К. и подтверждаетъ «найкрѣпчайше—въ свободной продажѣ въ крамныхъ лавкахъ товаровъ и протчомъ незапрещенномъ торговомъ промислѣ никакова препятствія ему, Гудимѣ, не чинить и сидѣльцовъ его подъ караулъ не брать и до нихъ мимо его Гудимы ничимъ не интересоваться».

А. А.

Сонъ, стихотвореніе кіевскаго студента конца 40-хъ годовъ.

Печатаемыя въ настоящемъ номерѣ журнала воспоминанія А. А. Солтановскаго относятся къ тому періоду кіевской студенческой жизни, который можетъ быть названъ героическимъ, и о которомъ, поэтому, существуетъ такъ много анекдотовъ, характерныхъ для своего времени.

Пользуемся случаемъ подѣлиться съ читателями еще одной страничкой изъ той-же эпохи, которая, хотя въ мелочахъ, но не безъ рельефности, рисуетъ одинъ изъ моментовъ этой разудалой студенческой бытовой обстановки. Страничка эта—стихотворный разсказъ студента медика о своемъ неудачномъ экзаменѣ на званіе лѣкаря, когда, послѣ буйно проведеннаго пятилѣтія въ студенчествѣ, пришлось дать отчетъ, представъ предъ судилище членовъ факультета. Подписи автора стихотворенія не имѣется, равно какъ нѣтъ и указанія времени написанія; впрочемъ, послѣднее довольно точно опредѣляется слѣдующей справкой: въ числѣ экзаменаторовъ фигурируетъ Василій Кузьмичъ Курдюмовъ, который могъ быть экзаменаторомъ только въ 1849 или 1850 году, т. к. въ эти два года онъ преподавалъ *въ видѣ опыта* теоретическую хирургію, а въ другіе годы только былъ помощникомъ директора хирургической клиники. (См. Біографическій Словарь профес. универс. Св. Влад., стр. 350). Что-же касается имени автора, то, хотя преданіе его и называетъ, но я боюсь основываться только на преданіи и подожду, не откликнется-ли, послѣ напечатанія стихотворенія, кто нибудь изъ современниковъ его и не дастъ-ли болѣе точныхъ указаній.

В. Н.

Вчера я видѣлъ чудный сонъ;
Его я помню очень живо,
Такъ въ память врѣзался мнѣ онъ,
Что я могу неторопливо
Вамъ все до слова передать,
Что мнѣ случилось увидать;
Я видѣлъ страшный залъ совѣта,
Гдѣ предъ зерцаломъ вкругъ стола
Сидѣли члены факультета.
Вся знаменитость тутъ была:
Цыцуринъ, Бекеръ и Матвѣевъ, и
Караваевъ, и Козловъ;
Короче, чтобы нестратить словъ—
Соборъ всѣхъ нашихъ корифеевъ,
Весь сокъ ученыхъ докторовъ!
А я, какъ агнецъ предъ закланіемъ,
Стоялъ смиренно въ уголку
Съ невольнымъ сердца трепетаньемъ.
Какъ странно, на моемъ вѣку,
Средь жизни буйной, разудалой
Среди студенческихъ проказъ,
Видалъ опасность я не разъ
И нетревожился ни мало,
И не терялся никогда.
Но тутъ, признаться господа,
То чувство, что меня томило
И что тогда мнѣ грудь сдавило,
Я объяснить вамъ не берусь
Хотя однакожъ я нетрусъ.
Я помню, какъ въ былые годы,
Зажавши гривны двѣ въ кулакъ,
Я расколачивалъ обходы:
Но сердце не болѣло такъ,
Когда и въ карцеръ запирали
За эти штуки молодца,
И за Павлину угрожали
Меня стереть съ земли лица.
Я помню какъ то разъ . . . . . .
Меня купцы въ полночный часъ
Порядкомъ притузить хотѣли,
Но одному я вышибъ глазъ;
Другой, бутылкой оглушенный,
Качался долго, какъ шальной;
А я отправился домой,
Разбитый, но не побѣжденный.
И страхъ былъ чуждъ душѣ моей;
Ему не было мѣста въ ней.
Но тутъ, друзья мои, о чудо!!
Не знаю какъ и почему
Я струсилъ, и пришлося худо
И круто бѣдному уму.
Пришлося тяжкій дать отвѣтъ
За всѣ прошедшія пять лѣтъ!
Они, увы! прошли безплодно—
И въ медицинѣ я дуракъ.
Разсудокъ шепчетъ мнѣ холодный:
Ну, что жъ? пускай себѣ и такъ!
Какъ много дураковъ отмѣнныхъ
Мы видимъ на мѣстахъ почтенныхъ!
Такъ почему же какъ нибудь
Судьбѣ, къ поэту благосклонной,
Ему неприготовить путь
Хотя невинный, но спокойный,
Я негоняюся за славой,
Не лѣзу я въ профессора:
Учить другихъ мнѣ не по нраву
Да. признаюсь, и не пора.
Не таковы мои желанья,
Не то рисуютъ мнѣ мечтанья!
Люблю я тихій городокъ,
Однообразный и старинный,
Гдѣ заведенъ порядокъ чинный,
Гдѣ нѣтъ коварства и порокъ
Не запускалъ еще когтей
Въ сердца безхитростныхъ людей.
Гдѣ мода не имѣетъ власти,
Гдѣ дремлютъ пагубныя страсти,
И гдѣ до сихъ не знаютъ дней
Дипломатическихъ затѣй,
Гдѣ добродушный городничій,
Блюститель нравовъ и приличій,
Какъ древній патріархъ живетъ
И мірный судъ для всѣхъ даетъ
По долгу совѣсти и чести;
Гдѣ жители не знаютъ лести
И не знакомы душамъ ихъ
Пороки городовъ большихъ.
Гдѣ всѣ въ объятіяхъ сладкой лѣни
Живутъ спокойно день за днемъ,
Не зная свѣтскихъ треволненій
И не заботясь ни о чемъ.
Тудабъ хотѣлъ я поселиться,

Въ тиши природу наблюдать,
Въ странахъ фантазіи носиться
И плотно ѣсть, и крѣпко спать.
Въ бесѣдѣ съ музой и ланцетомъ
Я былъ бы медико-поэтомъ
И жизнь чудесную-бъ повелъ;
Но возвратимся къ комитетамъ,
Куда мой сонъ меня завелъ.
Всѣ ждутъ; вотъ входитъ тихо, гордо
Деканъ своей походкой твердой,
И задрожали ву насъ сердца
Узрѣвъ врачителей творца,
Онъ сѣлъ, нахмурился и важно
Сказалъ: извольте начинать...
Студенты двинулись отважно
Патентъ желанный грудью брать.
И я подвинуся поближе
И отряхнулся молодцемъ;
Самъ думаю, ну, ну—смотри-же,
Поэтъ, не тресни въ глязь лицемъ!
Съ кого-бы начать тутъ бой открытый?
Гляжу, Курдюмовъ знаменитый
Всѣхъ ближе у стола сидитъ,
Покорный грозному велѣнью
На всѣхъ убійственно глядитъ,
Но по привычкѣ къ снисхожденью
Самъ полъ—вопроса говоритъ.
Иду, забилось ретивое;
Себя на стулъ я помѣстилъ,
Беру вопросъ, ба! что такое?
Гангрена съ истощеньемъ силъ.
„Нусъ“ громогласно возглашаетъ
Почтеннѣйшій Василь Кузьмичъ.
Меня въ ознобъ и жаръ бросаетъ:
Сковалъ языкъ мнѣ параличъ
По волѣ мощнаго Зевеса.
Друзья, видали ли вы бѣса,
Когда предъ знаменьемъ креста
Онъ весь отъ морды до хвоста
Проворно въ три дуги совьется
И лапки подогнувъ, трясется,
Смиренно преклонивъ рога?
Такъ вашъ покорнѣйшій слуга,
Мрачнѣе самой темной ночи,
На долъ спустивъ сокольи очи,
Молчитъ, потѣетъ, и сопитъ,
И въ полъ безсмысленно глядитъ.
„Ну чтожъ, дождусь ли я отвѣта?“
Курдюмовъ строго возгласилъ.
Приходитъ круто для поэта!
Экспромтомъ отвѣчать нѣтъ силъ,
А спеціальныхъ знаній мало;
Но я встряхнулся, какъ бывало,
Да какъ пошелъ, да какъ завралъ!
Увы друзья! мой часъ насталъ
Ялился!.варон

Библіографія.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. М. 1892.

Среди изслѣдователей, обратившихъ свое вниманіе на собраніе матеріаловъ для біографіи Гоголя и на историческое изученіе его литературной дѣятельности, г. Шенрокъ въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, безспорно, занялъ очень видное мѣсто. Разнообразныя статьи его біографическаго и историко-литературнаго характера, касающіяся Гоголя, были опубликованы имъ какъ отдѣльно («Указатель къ письмамъ Гоголя», два изданія; «Ученическіе годы Гоголя»), такъ и въ журналахъ («Историческомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Старинѣ» и др.). Настоящее его сочиненіе, заглавіе котораго выписано выше, представляетъ собою обработку въ одно цѣлое этихъ предварительныхъ опытовъ; оно расчитано на три тома, изъ которыхъ первый только что выпущенъ авторомъ въ свѣтъ, а продолженіе обѣщается въ близкомъ будущемъ. Новый трудъ г. Шенрока обладаетъ выдающимися достоинствами и, какъ по обширности и важности своей задачи, такъ и по началу ея выполненія, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всякаго, интересующагося судьбами новѣйшаго періода русской литературы.

Сочиненіе г. Шенрока даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ скромное его заглавіе. Конечно, его нельзя назвать біографіей Гоголя въ полномъ смыслѣ слова: въ изданной его части есть не мало пробѣловъ, не мало догадокъ и предположеній, которыя въ будущей біографіи великаго писателя должны быть восполнены и замѣнены фактами совершенно опредѣленными и ясными, поскольку позволятъ это матеріалы; но едва-ли теперь можно поставить это въ вину автору разсматриваемаго сочиненія, который находился въ зависимости отъ доступныхъ ему данныхъ, и нужно сказать, что данныя эти, кото-

рыхъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ, исчерпаны имъ съ замѣчательной полнотой; сочиненіе находится вполнѣ на высотѣ трактуемаго имъ вопроса, въ изслѣдовательномъ отношеніи. Съ другой стороны, въ книгѣ г. Шенрока, вышедшій первый томъ которой обнимаетъ время жизни Гоголя съ начала и по 1831 годъ, читатель найдетъ на одну біографію, но и историко-литературное разсмотрѣніе произведеній изслѣдуемаго писателя, причемъ эта послѣдняя задача ставится авторомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ: онъ старается «подсмотрѣть зарожденіе въ поэтической душѣ Гоголя какъ художественныхъ образовъ, такъ и отвлеченныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь» (168). Біографическія данныя у г. Шенрока переплетаются съ историко-литературными, образуя послѣдовательный и связный разсказъ; такой, совершенно вѣрный, пріемъ позволяетъ догадываться, что, по мысли автора, «біографію» писателя надобно понимать въ обширномъ смыслѣ, по скольку произведенія писателя составляютъ неотъемлемую часть его жизни, и историко-литературный анализъ ихъ долженъ найти свое мѣсто въ его жизнеописаніи. Задачу свою по отношенію къ Гоголю г. Шенрокъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «наша цѣль по возможности свести и собрать въ одно все, что мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и такъ ск. погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ, высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ и вообще людей, интересующихся біографіей Гоголя; наконецъ, по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ, стараясь при этомъ одинаково избѣгать какъ избитаго безусловно-панегирическаго тона, совершенно излишняго для незыблемой славы Гоголя, такъ особенно того дешеваго и неосновательнаго глумленія, которое было въ такой модѣ въ недавніе годы и которое своею цѣлію ставило не только ниспроверженіе незаслуженныхъ авторитетовъ, но и самодовольное посягательство на тѣ имена, которыя должны быть святыней для каждаго образованнаго человѣка» (23). Авторъ понимаетъ трудность своей задачи, припоминая слѣдующія слова С. Т. Аксакова, сказанныя имъ вскорѣ послѣ смерти Гоголя: «біографія Гоголя заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственую въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно

воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной борбѣ съ человѣческимъ несовершенствомъ,—ускользаетъ не только отъ наблюденія, но даже отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю» (10).

Что же даетъ г. Шенрокъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя»? Книга его раздѣляется на четыре отдѣла, предшествуемыхъ двумя вступительными статьями: «вмѣсто предисловія» и «краткій обзоръ литературы о Гоголѣ». Въ первой статьѣ (1—7) авторъ высказываетъ свой общій взглядъ на Гоголя, становясь на сторону стараго и совершенно вѣрнаго мнѣнія о Гоголѣ, какъ родоначальникѣ новой школы въ нашей литературѣ: «будущимъ историкамъ литературы—говоритъ г. Шенрокъ—предстоитъ еще опредѣлить степень глубины и продолжительности вліянія его на развитіе отечественной словесности, которое выяснится вполнѣ, можетъ быть, только по завершеніи дѣятельности всей созданной имъ школы» (3); такое мнѣніе, высказанное лицомъ компетентныхъ (ср. еще стр. 339), является очень къ стати въ виду недавней попытки въ нашей литературѣ поколебать значеніе Гоголя, какъ основателя новой литературной школы,—попытки, встрѣтившей, впрочемъ, довольно единодушный отпоръ. Во второй статьѣ (9—24) представлена довольно полная библіографія по вопросу о жизни Гоголя, съ краткой оцѣнкой нѣкоторыхъ изъ указанныхъ тутъ трудовъ, между которыми особенно видное мѣсто авторъ отдаетъ капитальнымъ изслѣдованіямъ П. А. Кулиша и академика Н. С. Тихонравова. Статьи, содержащія историческую или эстетическую оцѣнку произведеній Гоголя, не вошли въ это обозрѣніе.

Далѣе въ книгѣ г. Шенрока—первый отдѣлъ «Предки и родители Гоголя» (27—58). Глава эта въ настоящемъ изданіи значительно расширена сравнительно съ соотвѣтствующей главой «Ученическихъ годовъ Гоголя» (М. 1887), хотя и теперь нельзя не пожалѣть, что авторъ даетъ слишкомъ мало фактическихъ указаній о литературной дѣятельности Гоголя отца, особенно о двухъ его комедіяхъ, о которыхъ г. Шенрокъ упоминаетъ лишь вскользь (стр. 46); при такомъ широкомъ пониманіи обязанности біографа, какъ это мы можемъ предполагать у нашего автора, небольшое ознакомленіе читателя съ скромной литературной дѣятельностью В. А. Гоголя было бы совершенно умѣстно. Въ этомъ же отдѣлѣ г. Шенрокъ обстоятельно говоритъ и о матери Гоголя; впрочемъ, гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой личности читатель находитъ въ послѣдующихъ

отдѣлахъ труда г. Шенрока, которому, въ числѣ другихъ біографовъ Гоголя, должно быть поставлено въ особую заслугу то, что онъ первый представилъ обильный матеріалъ для сужденія о Марьѣ Ивановнѣ Гоголь и удачно освѣтилъ вопросъ о ея нравственномъ вліяніи на сына.

Второй отдѣлъ составляютъ «Ученическіе годы Гоголя» (59—148). Не касаясь достоинствъ этой части изслѣдованія г. Шенрока, очень обстоятельно рисующей предъ читателемъ этотъ любопытнѣйшій періодъ въ жизни Гоголя, позволяемъ себѣ указать на то, что авторъ не вполнѣ исчерпалъ по данному вопросу интересный матеріалъ, представляемый не однажды цитуемымъ имъ документальнымъ трудомъ профессора Н. А. Лавровскаго («Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» въ Извѣстіяхъ историко-фил. институ. кн. Безбородко, т. III, неофф. отд., стр. 152—158 и прилож. № 3); обработкой этого, а также и другого матеріала, которымъ въ изобиліи располагалъ нашъ авторъ, г. Шенрокъ съ большей выгодой для самостоятельной цѣльности своего труда могъ бы замѣнить перепечатку разсказа г. Кулиша о школьныхъ годахъ Гоголя (стр. 81—89), хотя занимательность послѣдняго и никѣмъ не можетъ быть оспариваема. Особенно обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ отдѣлѣ главы IV-я («Воспоминанія А. С. Данилевскаго о школьной жизни Гоголя») и V-я («Переписка съ матерью. Отношенія къ родственникамъ во время пребыванія въ школѣ. Слогъ писемъ»). Исторія русской литературы обязана г. Шенроку важными въ біографическомъ отношеніи воспоминаніями о Гоголѣ его близкаго друга и школьнаго товарища А. С. Данилевскаго; эти воспоминанія добыты были нашимъ авторомъ путемъ личнаго знакомства и устной передачи отъ Данилевскаго не задолго до его смерти, и такимъ образомъ спасены отъ погибели драгоцѣнные матеріалы касательно жизни Гоголя. Но, отдавая всю справедливость цѣнности этой находки, не можемъ не высказать предположенія, что м. б. нѣкоторое пристрастіе къ ней было причиною того, что г. Шенрокомъ оставлены какъ бы въ тѣни отношенія Гоголя къ другому своему школьному товарищу и другу Н. Я. Прокоповичу. Въ другомъ мѣстѣ книги и совершенно по другому поводу г. Шенровъ, сопоставляя эти два вліянія на Гоголя, удѣляетъ Прокоповичу скромную роль исполнителя порученій Гоголя и допускаетъ, что онъ пользовался только «въ извѣстной степени его (Гоголя) расположеніемъ» (302). Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ вдаваться въ подробности по этому вопросу; укажемъ

лишь изъ матеріала, прекрасно извѣстнаго и г. Шенроку, два—три мѣста, свидѣтельствующихъ о гораздо болѣе сильномъ расположеніи Гоголя къ Прокоповичу, чѣмъ это допускаетъ нашъ авторъ. Гоголь писалъ Прокоповичу: «мы любимъ другъ въ другѣ то, что не обнимается чувствами внѣшними... Ты старый, вѣрный спутникъ отъ незапамятной юности... Ты знаешь самъ очень хорошо, что̀ я тебѣ и что̀ ты мнѣ, и послѣ всего этого молчишь... Я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ (письмо изъ Рима), гдѣ я живу теперь, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ подъ аллеями липъ нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра и крѣпился, стянутый стужею петербугскаго климата, чрезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ» (Русское Слово 1859, I, стр. 100, 103, 106, 109—110. Ср. тамъ-же стр. 119, откуда видно, что Гоголь довѣрялъ Прокоповичу самую редакцію своихъ сочиненій). Впрочемъ воздерживаемся отъ особаго упрека въ этомъ г. Шенроку, такъ какъ автору будетъ случай въ послѣдующихъ частяхъ своего труда говорить объ отношеніяхъ этихъ двухъ друзей. Въ V-й главѣ второго отдѣла нельзя не отмѣтить любопытныхъ замѣчаній г. Шенрока о слогѣ писемъ Гоголя въ школьную пору его жизни (119—123). Въ этомъ же отдѣлѣ своего труда (стр. 121, прим.) г. Шенрокъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній о дѣтскихъ литературныхъ опытахъ Гоголя, во время пребыванія его въ школѣ; въ приложеніи въ книгѣ (стр. 383) онъ указываетъ на статью г. Пономарева въ «Кіевской Старинѣ» (1883, № 5), гдѣ сообщаются свѣдѣнія о гимназическомъ журналѣ «Метеоръ Литературы», въ которомъ участвовалъ и Гоголь; объ этомъ рукописномъ журналѣ (только уже съ именемъ «Звѣзда») говорится и въ другомъ мѣстѣ труда г. Шенрока (251), съ которымъ мы совершенно раздѣляемъ желаніе имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ участіи въ этомъ журналѣ Гоголя, причемъ пользуемся случаемъ заявить, въ отвѣтъ на недавнюю замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» (1890, № 11, стр. 332), будто лицейскій журналъ Гоголя «Метеоръ» находится въ библіотекѣ нѣжинскаго историко-филологическаго института, — что такое сообщеніе по справкѣ оказалось не вѣрнымъ. Чтобы уже не возвращаться болѣе къ вопросу о слѣдахъ школьныхъ литературныхъ опытовъ Гоголя, мы, забѣгая нѣсколько впередъ въ обозрѣніи труда г. Шенрока, укажемъ на сообщеніе одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя (стр. 241), что на одномъ изъ гимназическихъ представленій

играли «какую-то малороссійскую піесу, сочиненную тогда же Гоголемъ». Г. Шенрокъ полагаетъ, что тутъ неточность, и что надобно разумѣть подъ этимъ комедію отца Гоголя. Можетъ быть такъ, но можетъ быть и нѣтъ: прямой смыслъ приведенныхъ словъ указываетъ на точное представленіе неизвѣстнаго автора воспоминаній—о Гоголѣ, какъ авторѣ упомянутой малороссійской пьесы; едвали бы отъ товарищей ускользнуло свѣдѣніе о томъ, принадлежитъ ли пьеса Гоголю-школьнику, ихъ соучастнику въ театральномъ представленіи, или кому другому, напр. его отцу, тѣмъ болѣе, что въ сочиненіи малороссійской пьесы Гоголемъ-юношей нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но, разумѣется, это опять-таки одно предположеніе.

Въ третьемъ отдѣлѣ разсказывается «Первое время жизни Гоголя въ Петербургѣ, 1829—1830 гг.» (стр. 151—235). Тутъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о пріѣздѣ Гоголя вмѣстѣ съ А. С. Данилевскимъ въ Петербургъ, о первыхъ впечатлѣніяхъ его въ столицѣ, объ изданіи идилліи «Ганцъ Кюхельгартенъ», о тоскѣ Гоголя по родинѣ, первой поѣздкѣ его за-границу, такъ быстро кончившейся неожиданно для самого путешественника, наконецъ, о его попыткахъ найти опредѣленное поприще дѣятельности въ Петербургѣ. Печатный первенецъ Гоголя, «Ганцъ Кюхельгартенъ» изученъ г. Шенрокомъ очень внимательно, но намъ кажется, что въ многочисленныхъ параллеляхъ автора, сдѣланныхъ съ цѣлію привести въ связь мысли и способы выраженія въ идилліи съ близкими по времени письмами Гоголя и его повѣстями, не вполнѣ соблюдено чувство мѣры; впрочемъ, нельзя отрицать, что спеціально интересующійся вопросомъ о гоголевскомъ стилѣ, о постепенномъ развитіи въ его сознаніи художественныхъ образовъ и способовъ ихъ выраженія найдетъ для себя въ этихъ сопоставленіяхъ много любопытнаго. Нельзя не назвать мѣткими и справедливыми слѣдующихъ замѣчаній г. Шенрока о Гоголѣ этого періода: «самою выдающеюся чертой въ юношескомъ міросозерцаніи Гоголя является именно это стремленіе отгадать въ событіяхъ своей жизни проявленіе Промысла и истинное значеніе его указаній. Гоголь не только глубоко вѣровалъ въ непогрѣшимость своихъ основныхъ идеаловъ и сложившихся взглядовъ на свое назначеніе, но и каждую неудачу объяснялъ непремѣнно карой за неповиновеніе волѣ Божіей. На этомъ убѣжденіи основывался его оптимизмъ, служившій для него постояннымъ утѣшеніемъ и находившій себѣ исходъ въ склонности къ толкованіямъ самыхъ простыхъ случайностей въ лестномъ для него смыслѣ. Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ

человѣкъ глубокой вѣры, и въ его напыщенныхъ иногда тирадахъ нѣтъ ни безсодержательнаго фразерства, ни лицемѣрія» 230—231).

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ книги г. Шенрока является—«Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры», 1830—1831 гг.» (239—372). Тутъ проходятъ предъ читателемъ задатки яркаго художественнаго дарованія у Гоголя въ школѣ (весьма любопытна выдержка изъ воспоминаній А. М. Стороженка) и выраженіе его въ «Вечерахъ на хуторѣ», по переѣздѣ въ Петербургъ, литературныя и свѣтскія отношенія Гоголя въ началѣ 30-хъ годовъ (къ А. О. Смирновой, Пушкину, Данилевскому), наконецъ постепенное расширеніе литературныхъ связей Гоголя. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе автора на два мѣста этого отдѣла. На стр. 364, забѣгая впередъ въ характеристикѣ отношеній Гоголя къ Данилевскому, г. Шенрокъ разсказываетъ о томъ, какъ Гоголь съ Данилевскимъ и другимъ товарищемъ по Нѣжину И. Г. Пащенкомъ возвращался въ 1835 году изъ Малороссіи въ Петербургъ; по дорогѣ ему вздумалось разыграть, при помощи своихъ спутниковъ, сюжетъ будущей своей комедіи «Ревизоръ»: для этой цѣли Пащенко выѣзжалъ впередъ и разсказывалъ на станціяхъ, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ ревизоръ incognito; со своей стороны Гоголь совершенно входилъ въ роль ревизора, ихъ съ Данилевскимъ принимали на станціяхъ съ необычайной предупредительностью и вездѣ безъ задержки давали лошадей. Припомнимъ, что «Ревизоръ» вышелъ въ свѣтъ въ мартѣ 1836 года. Въ виду извѣстнаго признанія самого Гоголя въ «Авторской исповѣди» (сочиненія, изд. 10-е, IV, 249), что сюжетъ Ревизора данъ ему Пушкинымъ, читатель невольно ищетъ разъясненія этого пункта и не находитъ: такъ какъ о Ревизорѣ въ трудѣ г. Шенрока будетъ рѣчь позднѣе, гдѣ онъ, разумѣется, коснется этого любопытнаго біографическаго вопроса, то, можетъ быть, удобнѣе было бы отнести туда и приведенный разсказъ о Гоголевой поѣздкѣ. Но это, конечно, мелочь. Затѣмъ, на стр. 372, въ заключительныхъ словахъ своей книги, г. Шенрокъ говоритъ: «вообще петербургскіе друзья Гоголя, разумѣется, кромѣ Пушкина, какъ это ни странно, не могли такъ скоро оцѣнить необычайные размѣры его таланта, какъ это удалось гораздо менѣе блестящимъ и даровитымъ москвичамъ, вдавшимся, впрочемъ, въ противоположную крайность». Такой упрекъ петербургскимъ друзьямъ Гоголя кажется намъ несправедливымъ. Гоголь явился въ Петербургъ безъ всякихъ предшествовавшихъ литературныхъ заслугъ и въ скром-

номъ департаментскомъ чиновникѣ открыть поэта, какъ это досталось на долю петербургскихъ друзей Гоголя, было несравненно труднѣе, чѣмъ признать литературныя заслуги, уже заявленныя и критикой и авторитетнымъ голосомъ выдающихся писателей, какъ это пришлось сдѣлать москвичамъ. Кромѣ того, самъ г. Шенрокъ нѣсколькими страницами ранѣе разсказываетъ о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ Плетневъ случая «подвести Гоголя (едва заявившаго себя нѣсколькими отрывками и неудачнымъ «Ганцомъ Кюхельгартеномъ») подъ благословеніе Пушкина, съ какимъ радушіемъ принялъ его увѣнчанный уже лаврами Жуковскій, о чемъ позднѣе писалъ ему Гоголь: «ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ!...» О Пушкинѣ нечего и говорить. Наконецъ, вотъ слова самого г. Шенрока о петербургскихъ друзьяхъ Гоголя: «Велика заслуга людей, умѣвшихъ понять и оцѣнить въ Гоголѣ выдающуюся натуру, безъ колебаній, по истинѣ братски возвысившихъ его до себя и принявшихъ, какъ равнаго, въ свой кругъ. Этотъ прекрасный поступокъ, безъ сомнѣнія, впишется въ реестръ благородныхъ ихъ дѣлъ и составитъ блестящее его украшеніе» (299).

Въ «приложеніяхъ» къ книгѣ, кромѣ дополнительныхъ замѣчаній къ разнымъ мѣстамъ изслѣдованія, можно найти: оффиціальныя свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя, копію съ прошенія В. А. Гоголя къ Д. П. Трощинскому о назначеніи его на должность, два доклада В. А. Гоголя Трощинскому и ненапечатанное доселѣ письмо Н. В. Гоголя къ матери отъ 22 марта 1842 года.

Изложеніе г. Шенрока вообще очень хорошо, но придирчивая критика можетъ высказать относительно нѣкоторыхъ мѣстъ требованіе бо̀льшей точности въ ссылкахъ. Напр. на стр. 87, приводя изъ книги г. Кулиша шутливые стихи ученика-Гоголя на своего товарища Бороздина, авторъ одну строку передаетъ иначе, чѣмъ въ цитуемой имъ книгѣ, но не указываетъ, что послужило ему матеріаломъ для внесеннаго исправленія. На стр. 46—47 авторъ, приводя мимоходомъ мнѣнія двухъ критиковъ о драматическихъ піесахъ Гоголя-отца, одного изъ этихъ критиковъ называетъ «суровымъ», отзывъ другого—«гораздо болѣе авторитетнымъ»; въ виду чрезвычайной краткости замѣчаній г. Шенрока по этому вопросу (на что уже мы указали выше), болѣе точное указаніе на упомянутые отзывы было бы не лишнимъ. Цитуя въ нѣсколькихъ мѣстахъ статью «Дѣтство и юность Гоголя», помѣщенную въ «Московскомъ Сборникѣ», изд. въ 1887 году г. Шарапо-

вымъ, г. Шенрокъ называетъ автора ея г. Александра Кояловича то «профессоромъ» (15), то «покойнымъ» (89), то «покойнымъ профессоромъ» (123, 127), прибавляя при этомъ одну лишь фамилію, безъ имени, что не близко знакомаго съ дѣломъ можетъ привести къ мысли о недавно скончавшемся М. О. Кояловичѣ, профессорѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, какъ авторѣ цитуемой статьи, тогда какъ этого на самомъ дѣлѣ не было. Но, конечно, такія недомолвки предполагаются уже, такъ сказать, въ трудѣ такого объема, какъ сочиненіе г. Шенрока и нисколько не умаляютъ его достоинствъ, не могутъ помѣшать его успѣху.

Заканчиваемъ отчетъ нашъ слѣдующими справедливыми словами автора, въ которыхъ выразилъ онъ свой взглядъ на біографическую работу: «пусть біографическіе вопросы обсуждаются свободно съ разныхъ сторонъ; пусть даже иной разъ они будутъ разбираться строго и ошибочно. Чѣмъ больше безпристрастныхъ обсужденій, тѣмъ полнѣе и легче раскроется истина. Не въ этомъ слѣдуетъ видѣть оскорбленіе памяти писателя. Маскировать имена, откладывать разъясненія, бояться критики не слѣдуетъ. Но нельзя судить дѣятелей прошлаго съ суровостію якобы безупречнаго пушкинскаго Анджело. Иначе геніальный писатель или другой историческій дѣятель, не смотря на воздвигаемый ему памятникъ, оказывается по недоразумѣнію въ положеніи привязаннаго къ позорному столбу преступника, надъ которымъ торжественно совершается публичная казнь. Такое отношеніе имѣло въ свое время raison d' être; но теперь, кажется, пора отрѣшиться отъ крайностей и не отказывать людямъ, составляющимъ гордость страны, въ той справедливости, въ которой никто не рѣшится отказать на судѣ въ качествѣ присяжнаго самому злому преступнику». (207).

Е. Пѣтуховъ.

Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ подъ редакціею А. Н. Харузина. 1890, выпуски 3, 4 и 6.

Московское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи одно изъ самыхъ дѣятельныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи. Огромное количество ученыхъ силъ, которые сосредоточились

въ этомъ обществѣ, громадное количество изданій, посвященныхъ изслѣдованіямъ и собранію матеріала по всѣмъ отраслямъ наукъ составляющихъ предметъ занятій общества, организація политехническаго музея, организація и описаніе прекрасной антропологичиской выставки въ 1879 г., многочисленныя экскурсіи, предпринимаемыя на средства общества и доставляющія ему обильный научный матеріалъ—все это представляетъ рядъ такихъ заслугъ для отечественной науки, которыя высоко поставили значеніе этого общества. Не мало трудовъ и усилій положено было обществомъ на полѣ изученія антропологіи Россіи; цѣлый отдѣлъ изданій общества и цѣлый рядъ снаряженныхъ имъ экскурсій посвящены были: собранію антропологическаго матеріала и его изученію, констатировкѣ племенныхъ разнообразныхъ типовъ народностей, населяющихъ Россію и изслѣдованію взаимныхъ отношеній этихъ типовъ между собою и ихъ связи съ расами, въ доисторическое и историческое время обитавшими на обширномъ восточно-европейскомъ и сѣверно-азіятскомъ континентѣ. Конечно, это задача не легкая и, принявъ во вниманіе съ одной стороны недавнее выдѣленіе антропологіи какъ самостоятельной науки, съ другой—обширность территоріи изслѣдованія и крайнее разнообразіе ея населенія, исполненіе задачи потребуетъ значительнаго времени и большихъ усилій, но отъ изслѣдованій антропологическихъ мы въ правѣ ожидать рѣшенія на основаніи точныхъ данныхъ многихъ вопросовъ, относящихся къ исторіи колонизаціи и формировки расъ и національныхъ типовъ, которые или вовсе не могутъ быть разъяснены инымъ путемъ или разъясняются лишь приблизительно и гадательно.

Пересматривая многочисленныя изданія московскаго общества, посвященныя антропологіи, насъ всегда поражала въ нихъ одна особенность, можетъ быть, вытекающая изъ метода изслѣдованія, принятаго обществомъ, можетъ быть также составляющая результатъ случайности: изслѣдованія антропологическія и наборъ матеріаловъ преимущественно и почти исключительно посвящены были различнымъ группамъ инородцевъ и почти вовсе не обращались къ изученію славянскаго или болѣе близкаго къ славянамъ народонаселенія имперіи. Между тѣмъ какъ мы встрѣчаемъ многочисленныя работы, описывающія южно-сибирскихъ и алтайскихъ инородцевъ, сахалинскихъ гиляковъ, башкировъ, вогуловъ, самоѣдовъ, зырянъ, лопарей, абхазцевъ, осетинъ и т. д. (Зографъ, Ядринцевъ, Нефедовъ, Тихомировъ, Кельсіевъ и др.), мы только изрѣдка находимъ небольшія, частичныя

замѣтки о русскомъ населеніи, не дающія возможности, даже въ самыхъ общихъ чертахъ, представить антропологическій русскій типъ и указать на его подраздѣленія и разновидности.

Впрочемъ эта, вѣроятно случайная, односторонность стала изглаживаться въ новой серіи работъ по антропологіи, которая была выдѣлена обществомъ съ 1890 года и стала выходить отдѣльными выпусками подъ вышеприведеннымъ общимъ заглавіемъ. Въ десяти выпускахъ «Дневника антропологическаго отдѣла», вышедшихъ въ теченіи 1890 года, мы нашли три статьи, посвященныя изслѣдованію русскаго и литовскаго антропологическихъ типовъ. Въ 3-мъ выпускѣ помѣщена статья Н. А. Янчука — «Нѣкоторыя данныя къ вопросу объ антропологическомъ типѣ бѣлорусcовъ». Основаніемъ для работы г. Янчука послужили имъ-же самимъ собранныя наблюденія въ минской губерніи въ 1886 году; онъ измѣрилъ 134 лица, выбравъ исключительно такіе индивидуумы, на счетъ которыхъ не представлялось сомнѣнія въ отсутствіи помѣси племенной въ восходящихъ поколѣніяхъ. Не вдаваясь въ подробности измѣреній головы и лица, произведенныхъ г. Янчукомъ, укажемъ только главные выводы его, относящіеся къ характеристикѣ бѣлорусскаго типа. По черепному указателю лица, измѣренныя г. Янчукомъ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: длинноголовыхъ 19% (въ томъ числѣ суббрахицефаловъ 13%), среднеголовыхъ 24% и короткоголовыхъ 57%; по цвѣту глазъ бѣлоруссы представляютъ рѣшительное преобладаніе свѣтлой окраски; совершенно свѣтлыхъ глазъ: сѣрыхъ, зеленыхъ, голубыхъ встрѣтилось 48%, свѣтлыхъ, испещренныхъ желтыми или карыми штрихами 42% и карыхъ только 10%, черные глаза не встрѣтились ни разу. Тѣже результаты вытекаютъ также изъ наблюденій надъ цвѣтомъ волосъ: бѣлокурыхъ и свѣтлорусыхъ отмѣчено 46%, темнорусыхъ 48%, рыжихъ 2% и черныхъ волосъ только 4%. Въ окладѣ лица бѣлоруссовъ г. Янчукъ отмѣчаетъ двѣ особенности: значительное развитіе скуловыхъ костей въ стороны, отъ котораго зависитъ значительная ширина верхней части лица, и узкіе глаза, наружные углы которыхъ нерѣдко приподняты. Вообще, судя по измѣреніямъ г. Янчука, бѣлоруссы принадлежатъ къ типу коротколицему: средній лицевой указатель ихъ=117¼ между тѣмъ какъ средній указатель лица славянъ вообще по Топинару[1])=108,3. Но за точность этого сравненія мы не можемъ ручаться, такъ какъ верхняя точка отправ-

[1]) Topinard. Elements d'anthropologie générale p. 919.

ленія продольнаго діаметра лица, какъ кажется, не тождественна у обоихъ писателей.

Въ шестомъ выпускѣ Дневника антропологическаго отдѣла помѣщена другая статья г. Янчука: «Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ литовцевъ». Матеріалъ собранъ также лично г. Янчукомъ въ 1887 году въ сѣверномъ уголкѣ гродненскаго уѣзда, гдѣ имъ было промѣрено 34 литовца. Измѣренныя лица распредѣляются по черепному указателю слѣдующимъ образомъ: длинноголовыхъ 7½% (въ томъ числѣ субдолихоцефаловъ 5½%), среднеголовыхъ 24½% и коротконоловыхъ 68%. По цвѣту глазъ литовцы представляютъ типъ довольно близкій къ бѣлоруссамъ: совершенно свѣтлые глаза составляютъ 49%, свѣтлые сложные 40% и карые 11%, по цвѣту-же волосъ нѣсколько болѣе удаляются отъ бѣлоруссовъ, бѣлокурыхъ и свѣтлоруссыхъ мы встрѣчаемъ 47%, темнорусыхъ около 40%, рыжихъ 5½% и черныхъ 7½%. Въ складѣ лица литовцевъ г. Янчукъ замѣтилъ, что оно менѣе широко чѣмъ у бѣлоруссовъ, длина носа нѣсколько больше, глаза преобладаютъ широкіе и прорѣзы ихъ горизонтальны.

Значительный интересъ представляетъ статья г. Икова, помѣщенная въ четвертомъ выпускѣ дневника: «Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико и малороссами». Авторъ обладалъ довольно значительнымъ, сравнительно, матеріаломъ—онъ собралъ измѣренія 1,100 особей, частью лично (великоруссовъ и бѣлоруссовъ), частью же воспользовался матеріяломъ, собраннымъ другими компетентными лицами: д-ромъ Эмме (полтавской губ. кобыляцкій у.) и д-ромъ Дибольдомъ (кіевской губ. уманскій у.). Г. Иковъ сосредоточился исключительно на данныхъ кефалометріи и разработалъ свой сюжетъ весьма тщательно; впрочемъ въ разсматриваемой статьѣ, названной авторомъ предварительнымъ сообщеніемъ, онъ даетъ только главные выводы своей работы, обѣщая въ послѣдствіи представить полный очеркъ разработаннаго имъ матеріала.

Разсматривая всѣ три группы череповъ, г. Иковъ прежде всего изслѣдуетъ зависимость черепнаго указателя отъ возраста, причемъ онъ находитъ ту общую для всѣхъ трехъ типовъ черту, что у дѣтей брахицефализмъ развитъ сильнѣе всего, затѣмъ онъ нѣсколько уменьшается въ силу того, что до 12—13 лѣтъ длина черепа наростаетъ болѣе, чѣмъ его ширина; затѣмъ до 15—16 лѣтъ ростъ черепа вовсе пріостанавливается; послѣ достиженія половой зрѣлости наростаніе черепа вновь продолжается, но длина наростаетъ постоянно больше чѣмъ ширина; наконецъ въ старческомъ возрастѣ, послѣ 55 лѣтъ,

ширина черепа уменьшается, длина-же его остается неизмѣнною, вслѣдствіе чего у стариковъ болѣе всего замѣтенъ процентъ длинноголовости.

Сравнивая затѣмъ три типа между собою въ отношеніи черепныхъ указателей, г. Иковъ приводитъ слѣдующіе результаты черепныхъ измѣреній:

	длинноголовыхъ	среднеголовыхъ	короткоголовыхъ
У бѣлоруссовъ онъ встрѣтилъ:	23%	20½%	56½%
У великороссовъ	19%	17½	63½%
У малороссовъ полтавскихъ . .	18%	24%	57½%
У малороссовъ кіевскихъ . . .	8½%	16%	75½%

Такимъ образомъ изъ сличенія этихъ цифръ видимъ, что первыя три группы довольно близки между собою по черепнымъ указателямъ, между тѣмъ какъ группа кіевская довольно рѣзко выдѣляется слабыми остатками долихоцефализма и весьма сильнымъ развитіемъ процента брахицефаловъ. Обращая вниманіе на размѣры лица, г. Иковъ находитъ что размѣры эти гармонично совпадаютъ съ размѣрами черепа не только по отношенію къ тремъ главнымъ типамъ черепныхъ указателей, но и въ подраздѣленіяхъ этихъ типовъ на болѣе тѣсныя категоріи. Разсматривая эти категоріи подробно по подгруппамъ, установленнымъ Брока, г. Иковъ находитъ возможнымъ высказать весьма важныя и интересныя заключенія о составныхъ элементахъ образованія русскаго антропологическаго типа. Типъ этотъ сложился изъ смѣшенія нѣсколькихъ типовъ: двухъ длинноголовыхъ и трехъ короткоголовыхъ. Длинноголовые типы принадлежатъ автохтонамъ каменнаго вѣка, и типическіе черепа ихъ находимъ въ курганахъ того времени; атавизмъ того времени болѣе всего сохранился у бѣлоруссовъ, что выражается наибольшимъ у нихъ процентомъ длинноголовыхъ. Изъ трехъ типовъ короткоголовыхъ, вошедшихъ въ составъ русскаго типа, одинъ—брахицефалы (по Брока), представляетъ такія характеристическія черты, которыя наблюдаются по преимуществу у поволжскихъ финновъ, мордвы, вотяковъ, кареловъ и т. п., типъ этотъ отразился болѣе всего на типѣ великороссовъ, въ меньшей степени на бѣлоруссахъ и менѣе всего на кіевскихъ малороссахъ, за то послѣдніе болѣе всего подверглись вліянію другого короткоголоваго типа: высокихъ брахицефаловъ (type celto-slave Топинара), который встрѣчается нынѣ у западныхъ славянъ, особенно у карпатскихъ горцевъ (по изслѣдованію Коперницкаго), вліянію этого типа подверглись въ болѣе слабой мѣрѣ бѣлоруссы. Наконецъ третій ко-

роткоголовый типъ (эйроцефалы по Брока) играетъ менѣе важную роль въ образованіи русскаго антропологическаго типа и происхожденіе этого типа г. Иковъ пока затрудняется указать.—Почтенный авторъ заканчиваетъ свою работу положеніемъ весьма существеннымъ, по нашему мнѣнію, для дальнѣйшаго хода развитія русской антропологіи: «для этнологіи Россіи, говоритъ онъ, важное значеніе должно имѣть тщательное изученіе подтиповъ, такъ какъ съ мнѣніемъ, что для объясненія состава славяно русскихъ группъ достаточно допустить два основные типа—согласиться нельзя».—Намъ кажется, что это мнѣніе почтеннаго автора совершенно ясно и правильно обозначаетъ тотъ путь дальнѣйшихъ изслѣдованій русской антропологіи, на которомъ мы въ правѣ ожидать весьма богатыхъ научныхъ пріобрѣтеній.

Всѣ три упомянутыя работы, конечно, мы можемъ разсматривать только какъ начало научной разработки славяно-русской антропологіи; и количество наблюденій, и ограниченность территорій, на которыхъ они были собраны, конечно, не даетъ авторамъ возможности ставить въ широкой схемѣ общую характеристику антропологическихъ русскихъ типовъ, но во всякомъ случаѣ наука должна имъ быть благодарна за первые вполнѣ научные и раціональные шаги въ давно желанномъ направленіи.

В. А.

Н. П. Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи Казань 1892 г. Стр. 102 цѣна 50 коп.

Брошюра проф. Загоскина—это рѣчь прочитанная имъ на годичномъ актѣ Казанскаго университета. Отъ нея, по этому, нельзя требовать чего-нибудь новаго, самостоятельнаго, и она, м. б., по необходимости, является очеркомъ компилятивнымъ.

Въ исторіи смертной казни проф. Загоскинъ различаетъ три періода. Первый, приблизительно до изданія перваго судебника, характеризуется, какъ эпоха господства частнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе; второй—эпоха господства строго—государственныхъ воззрѣній въ области уголовнаго права и системы устрашительныхъ наказаній и наконецъ третій періодъ—Эпоха реакціи противъ смертной казни и эпоха ея постепеннаго ограниченія.

Въ первый періодъ смертной казни, какъ наказанія въ нашемъ уголовномъ кодексѣ не существуетъ; отдѣльные случаи ея примѣненія вызываются только экстраординарными обстоятельствами (стр. 27)

и могутъ считаться исключеніемъ. Полное право гражданства смертной казни далъ только Иванъ III въ Судебникѣ 1497 года, хотя уже и столѣтіемъ раньше въ Двинской уставной грамотѣ 1398 года смертная казнь впервые санкціонируется свѣтскимъ законодательствомъ, какъ наказаніе за кражу, совершенную въ третій разъ.

Несомнѣнно, что въ дѣлѣ введенія у насъ смертной казни сказалось главнымъ образомъ византійское вліяніе, проводникомъ котораго явилось духовенство (стр. 19 и слѣд.). Подъ его вліяніемъ Владиміръ Св. началъ было примѣнять смертную казнь, но скоро оставилъ: такъ это шло въ разрѣзъ съ духомъ и воззрѣніемъ его народа! [1]) Но время сдѣлало свое, и тѣ изъ постановленій Кормчей, которые содержали смертную казнь и членовредительныя наказанія, и поэтому, въ первое время не примѣнялись, какъ несогласные съ воззрѣніемъ народа, скоро получили мало по малу право гражданства, оказали вліяніе на свѣтское законодательство и сдѣлались фундаментомъ, на которомъ развилась въ послѣдствіи сложная система русскихъ членовредительныхъ наказаній.

Въ западной Руси отчасти опять таки, благодаря этому же вліянію православнаго духовенства, но главнымъ образомъ, благодаря вліянію Польши и Нѣмецкаго права развилась своя система смертной казни и членовредительныхъ наказаній, которая санкціонирована, между прочимъ, въ Литовскомъ статутѣ.

Въ «Уложеніи», при составленіи котораго принималась во вниманіе Кормчая, Литовскій Статутъ и древнерусское право, кругъ примѣненія смертной казни и членовредительныхъ наказаній расширенъ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, такъ что потомъ законодательствомъ дѣлались даже попытки къ смягченію отдѣльныхъ, установленныхъ уложеніемъ наказаній (стр. 51 и слѣд.). При Петрѣ, подъ вліяніемъ нѣмецкаго и шведскаго права, наказанія эти еще усилились, хотя въ тоже время при Петрѣ замѣчаются и нѣкоторыя попытки къ ограниченію ужасовъ уголовной практики той эпохи, и фактическое примѣненіе смертной казни было поставлено на практикѣ въ гораздо болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ то допускалось Вѣнскимъ, напр., уставомъ (стр. 69). Но вообще, нужно сказать, что формы смертной казни и членовредительныхъ наказаній никогда у

[1]) *Проф. Сергѣевичъ* думаетъ, что вторая попытка ввести смертную казнь, и также неудачно, было сдѣлано при Ярославѣ I см. *лекціи и изслѣдов.* стр. 447, а также и *юрид. древ.* т. I стр. 107.

насъ въ Россіи не доходили до такого разнообразія и утонченности, какъ въ западной Европѣ. Смертные приговоры часто не приводились въ исполненіе отчасти въ силу права *печалованія* православнаго духовенства, а отчасти и въ силу *помилованія* въ виду какихъ нибудь торжественныхъ событій (стр. 73).

Послѣ смерти Петра начинается замѣтная реакція противъ смертной казни, окончившаяся пріостановленіемъ въ 1744 году. Хотя законодательнымъ путемъ смертная казнь никогда отмѣнена не была, но ее примѣняли послѣ этого только въ отдѣльныхъ случаяхъ (Мировичъ, Пугачевъ). Проф. Загоскинъ довольно подробно излагаетъ судьбу смертной казни съ 1744 года до изданія свода законовъ въ 1832 году и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ въ 1845 г. (стр. 75—97), гдѣ смертная казнь назначена только за важнѣйшія государственныя и карантинныя преступленія. Тогда же былъ уничтоженъ и кнутъ, какъ орудіе наказанія, и замѣненъ плетью. Послѣдняя же вмѣстѣ съ шпицрутенами, страшнымъ орудіемъ наказанія, введеннымъ Петромъ, были уничтожены уже при Александрѣ II въ 1863 году.

Законная сфера примѣненія смертной казни у насъ, въ Россіи, судами гражданскаго вѣдомства ограничивается двумя вышеупомянутыми видами преступленій и гораздо уже сферы примѣненій ея во Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи (стр. 101); хотя военные суды и у насъ могутъ практиковать смертную казнь въ самой широкой степени, и, намъ кажется, нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что они иногда судятъ и въ мирное время лицъ гражданскаго вѣдомства за обыкновенныя уголовныя преступленія.

Отношеніе проф. Н. Н. Загоскина къ смертной казни строго отрицательное. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ.. наше отечество, еще въ концѣ первой половины прошедшаго столѣтія, вызвавшее удивленіе всей Европы (sic) пріостановленіемъ дѣйствія нормальной смертной казни, и въ теченіе полутораста лѣтъ протестовавшее въ лицѣ лучшихъ людей своихъ, противъ этого вида уголовной кары— и въ настоящее время идетъ въ области вопроса о смертной казни во главѣ великихъ культурныхъ державъ Европы» (стр. 101).... «Будемъ же твердо вѣрить, что грядущее XX-ое столѣтіе, отъ котораго мы ждемъ чудесъ человѣческаго ума и человѣческой культуры, увѣнчаетъ историческое развитіе русскаго уголовнаго права знаменемъ, на которомъ явится начертаннымъ высоко-христіанскій завѣтъ, еще 800 лѣтъ тому назадъ преподанный потомству Владиміромъ Мономахомъ,

этимъ лучшимъ земскимъ княземъ старинной Руси: «не казните ни праваго, ни виноватаго—не губите души христіанской»! (стр. 102) — Эта вычурная тирада, думается намъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической правдѣ, а еще болѣе существовавшему въ то время положенію вещей... **Н. В.**

Обозрѣніе журналовъ.

Рѣшивъ въ текущемъ году дѣлать обзоръ большого количества журналовъ, а также представлять болѣе подробный отчетъ о содержаніи статей журнальныхъ, касающихся южной и западной Россіи, редакція будетъ печатать этотъ обзоръ 4 раза въ годъ, причемъ иногда, въ виду недостатка мѣста, онъ будетъ раздѣленъ на двѣ книжки, и въ концѣ будетъ указано, какіе именно номера и какихъ журналовъ были разсмотрѣны для каждаго обзора. Въ данномъ номерѣ мы помѣщаемъ первую часть обзора, окончаніе котораго дано будетъ въ № 5.

Русская мысль 1892 года январь—февраль —На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить странную повѣсть *г. Мачтета «заклятый козакъ»* (II, 147—193) Въ этомъ разсказѣ замѣчается подражаніе Гоголю: тоже дѣдъ разсказываетъ сказку, сюжетъ, который очень несложенъ Напился прадѣдъ разсказчика, жившій еще при Дорошенкѣ, горилки и поклялся нечистою силою. Затѣмъ вышелъ изъ шинка, поднялась сильная буря и его понесло въ стогъ сѣна. Здѣсь явился ему смертельно блѣдный и удивительно похожій на прадѣда козакъ, котораго онъ видѣлъ въ шинку и просилъ разлучить его съ жинкою, обѣщаясь устроить прадѣду счастье и извѣстность. Прадѣдъ обѣщалъ, заснулъ и только тогда проснулся, когда его разбудили посланные отъ Дорошенка. Оказалось, что прадѣдъ спалъ не на стогу сѣна, а на навозной кучѣ. Дорошенко даетъ ему порученіе свезти грамоту къ султану. Прадѣдъ ѣдетъ, на дорогѣ освобождаетъ блѣднаго козака отъ жинки—вѣдьмы, которая оказалась чудной красавицей. Здѣсь все обходится благополучно, прадѣдъ остается цѣлъ, но зато, когда пріѣхалъ къ султану и подалъ грамоту, то оказалось, что это не грамота, а бабскій очипокъ. Прадѣда хотятъ казнить, но онъ призываетъ на помощь блѣднаго козака, который и спасаетъ его: грамота нашлась. Султанъ посылаетъ Дорошенкѣ помощь, съ ней прадѣдъ приходитъ во время, и полки Самойловича разбиты. Конечно, слѣдуютъ награды и т. п....

Повѣсть эта не можетъ быть названа вполнѣ исторической, такъ какъ исторію въ ней напоминаютъ только имена, да примѣчанія автора. Не видно здѣсь также ничего типично-малорусскаго, потому что всю характеристику лицъ малорусской національности авторъ сводитъ къ тому, что они пьютъ много горилки, варенуху, говорятъ: «цуръ тобі, пекъ тобі» и ругаются какими-нибудь вычурными ругательствами.

Въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» отмѣтимъ рецензію на книги: *Ф. Щербины «Воронежское земство»* (1865—1889 г.) (II, 74); *А. Н. Барановскаго «Главныя черты климата черноземныхъ областей Россіи»* (II, 80—81); сборникъ *«Колоски Збирныкъ казокъ и повидань»*. Одесса 1891 г.»; *В. Чайченка «Середъ Крыжаного моря»* (II, 84—85); *«Народное образованіе въ Одессѣ»* (I, 22—23); *«Обзоръ состоянія земской медицинской помощи и болѣзненность населенія въ Елизаветградскомъ уѣздѣ, херсонской губ. въ 1890 году»* (I, 34—35); *Проф. Загоскина Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи* (I, 23—25).

Сѣверный Вѣстникъ 1892 г. январь—мартъ.—Статья г. *Л. Весина «Неурожаи въ Россіи и ихъ главныя причины»* (I, 85—123; II 41—75), какъ показываетъ ужъ само заглавіе, посвящена одному изъ интереснѣйшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ нашей общественно-экономической жизни.

Давши историческій очеркъ неурожаевъ въ Россіи указавъ на тотъ фактъ, что нечерноземная полоса оказывается устойчивѣе въ смыслѣ постоянства урожаевъ, авторъ разсматриваетъ причины неурожаевъ—климатическія, зависящія отъ вредныхъ животныхъ и проистекающія отъ дѣятельности самого человѣка. Конечно, послѣднія причины наиболѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе автора, причемъ онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что поднятіе сельско-хозяйственной культуры одно не поможетъ дѣлу; «необходимъ рядъ мѣропріятій экономическаго свойства». Первое и самое главное изъ такихъ мѣропріятій должно, конечно, клониться къ тому, чтобы народъ не нуждался въ землѣ; о другихъ же мѣропріятіяхъ авторъ не упоминаетъ: это не входитъ въ задачу его статьи.

Въ 3 й книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» началась печатаніемъ очень обстоятельная статья *проф. Ѳ. И. Леонтовича «Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка»* (III, 46—76). Напечатано только начало, но изъ него уже видно, что статья г. Леонтовича, по своей полнотѣ и обстоятельности фактическихъ данныхъ, займетъ первое мѣсто между всѣми исторіями голодовокъ въ Россіи, литература которыхъ въ послѣднее время разрослась до почтенныхъ размѣровъ. Авторъ останавливается пока только на указаніи причинъ, вызывавшихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ недороды и усиливавшихъ ихъ, а также и на указаніи тѣхъ мѣръ, которыя принимались обществомъ и правительствомъ съ одной стороны для устраненія голодовокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,

а съ другой и для предотвращенія ихъ въ будущемъ. На сколько подробно проф. Леонтовичъ указываетъ основныя причины русскихъ голодовокъ, объ этомъ поговоримъ по окончаніи его статьи.

Г. В. Стасовъ въ своей статьѣ «*Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи*»! (I, 84—105) возражаетъ критикамъ картинъ г. Рѣпина, въ особенности же по поводу послѣдней его картины «Запорожцы».

Замѣтка члена новгородскаго окружнаго суда *О. М. Лихтенштадта* «*Давность и иски администраціи*» (III, 39—48) касается вопроса: «можетъ ли отвѣтчикъ—еврей защищаться давностью противъ иска администраціи объ уничтоженіи крѣпостнаго акта?»—вопроса, который кіевская судебная палата рѣшила въ отрицательномъ смыслѣ. Указывая на отмѣну такого явно несправедливаго рѣшенія палаты гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ, г. Лихтенштадтъ отмѣчаетъ этотъ отрадный фактъ.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» отзывы о книгахъ *А. Брикнера*», *Потемкинъ* (II, 52) и *Н. П. Загоскина* «*Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи*» (II, 59).

Русская Старина 1892 г. т. 73 январь—мартъ. *Дневникъ акад. Никитенка* продолжаетъ быть интереснымъ, хотя въ напечатанныхъ теперь частяхъ, обнимающихъ 1869 (I, 151—174), 1870 (II, 393—422) и 1871 года (III, 605—633), и сообщается сравнительно меньше фактовъ. Особенно интересенъ 1871 годъ, когда общество было заинтересовано съ одной стороны судьбою средняго образованія въ Россіи, а съ другой исходомъ процесса Нечаева. Въ этомъ же году имѣлъ мѣсто и извѣстный «инцидентъ» съ избраніемъ А. Н. Пыпина въ академію, разсказанный въ дневникѣ довольно подробно.

Г. А. Колянковскій характеризуетъ извѣстнаго оригинала слависта В. И. Григоровича, бывшаго въ послѣднее время профессоромъ новороссійскаго университета (I, 131—176).

Въ воспоминаніяхъ акцизнаго чиновника *Б. Кукеля* «*Изъ эпохи уничтоженія откуповъ*» (I, 177—189) описывается введеніе акцизной системы въ курской губерніи и тѣ трудности, связанныя съ доносами и подвохами откупщиковъ, которыя пришлось перетерпѣть акцизнымъ чиновникамъ вообще и г. Кукелю, какъ управляющему акцизными сборами, въ особенности. Авторъ сообщаетъ намъ также нѣсколько чертъ для характеристики извѣстнаго самодура курскаго губернатора Дена (I, 179—181 стр.).

Въ февральской книжкѣ «Русской С.» интересна статья *проф. А. С. Лебедева* «*Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства и мірянъ въ XVIII в.*» II, 313—339), написанная на основаніи архивныхъ документовъ курской и харьковской духовныхъ консисторій и монастырей курскаго и бѣлогородскаго. Изъ цѣлаго ряда дѣлъ, приводимыхъ авторомъ, видно, что тѣлесныя

наказанія въ XVIII в. примѣнялись широко въ мужскихъ и женскихъ монастырѣхъ, а также и по отношенію къ приходскому духовенству; подвергались имъ также по духовному суду и міряне, по крайней мѣрѣ изъ простолюдиновъ, причемъ судъ этотъ считалъ тѣлесныя наказанія вообще хорошимъ средствомъ при открытіи преступленій и «практиковалъ ихъ едва-ли съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ судъ свѣтскій». Кромѣ тѣлеснаго наказанія въ широкихъ размѣрахъ практиковалось также сажаніе на цѣпь.

Въ своей замѣткѣ «Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій» (1758—1768 г.), проф. В. С. Иконниковъ дѣлаетъ нѣсколько дополненій и возраженій на статью А. И. Львова «Архивныя данныя по дѣлу преосвященнаго Павла Конюшкевича, м. т.», приводя по своему обыкновенію, обширную литературу по затронутому имъ вопросу. Конюшкевичъ былъ, какъ извѣстно, уроженцемъ Галиціи и воспитывался въ кіевск. дух. академіи.

Для біографіи Гоголя интересна кратковременная переписка его съ И. И. Срезневскимъ (III, 751—763). Переписка эта началась и кончилась своеобразно. Желая написать неосуществившуюся потомъ «Исторію малороссійскихъ козаковъ», Гоголь помѣстилъ въ журналахъ объявленіе съ просьбой присылать ему матеріалы, если у кого окажутся. Въ числѣ откликнувшихся на призывъ былъ и знаменитый славистъ, только что издавшій тогда «Запорожскую Старину». По этому поводу они обмѣнялись нѣсколькими письмами; переписка эта скоро прекратилась, Гоголь охладѣлъ къ своимъ занятіямъ, а Срезневскій усвоилъ себѣ тотъ неблагопріятный взглядъ на Гоголя и его литературную дѣятельность, котораго онъ послѣ ужъ держался до самой своей смерти.

Для характеристики малорусскаго общества начала нынѣшняго столѣтія важны «Записки доктора де-ля Флиза о походѣ въ Россію въ 1812 г.» (Р. Ст. I, 51—69, II, 339—365, III, 575—605). Взятый въ плѣнъ русскими, де-ла-Флизъ долженъ былъ прожить больше двухъ лѣтъ въ мглинскомъ уѣздѣ черниговской губ.; здѣсь онъ познакомился съ очень многими мглинскими помѣщиками и описываетъ намъ образъ ихъ жизни.

Де-ла-Флизъ описываетъ, напр., помѣщичью охоту (II, 351), роскошное имѣніе гр. Завадовскаго Ляличи и образъ жизни графа (ibid. 354—357); говоритъ объ убійствѣ крестьянами Лашкевича, жестоко обращавшагося съ ними (III, 599—600), знакомитъ насъ съ темною личностью графа Петра Гудовича (III, 578) и со скромной жизнью графа В. В. Гудовича, въ домѣ котораго авторъ въ качествѣ врача прожилъ больше года, посѣщая и знакомясь съ окрестными помѣщиками, Рославцемъ, Туманскимъ, Покорскими и др., портреты которыхъ онъ нарисовалъ намъ въ своихъ запискахъ. Одинъ изъ Покорскихъ спеціально, напр., занимался собираніемъ карикатуръ на французовъ и съ удовольствіемъ показывалъ ихъ де-ла-Флизу, видя, какъ это ему не нравится

(III, 595—596). Въ домѣ другаго брата Покорскаго де-ла-Флизъ видѣлъ придворнаго шута.. «Входитъ въ комнату, говоритъ онъ, старикъ лѣтъ 60, въ придворномъ вышитомъ серебромъ, кафтанѣ; я вообразилъ, что это важная особа, и поклонился ему, привставъ съ мѣста; однако кромѣ меня, никто не оказалъ ему этой чести. Важною походкою старикъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня за руку, отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ; я отвѣтилъ ему тѣмъ же; онъ попросилъ меня не безпокоиться, и, сѣвъ подлѣ меня, заговорилъ на непонятномъ языкѣ, примѣшивая къ нему нелѣпыя французскія слова. Я не зналъ, что ему сказать, какъ замѣтилъ, что собесѣдники мои улыбаются моему смущенію. Вдругъ старикъ вскакиваетъ со стула, дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и громкимъ голосомъ запѣваетъ пѣтухомъ, потомъ мычитъ какъ корова и ржетъ какъ лошадь. Я принялъ его за помѣшеннаго, но г. Покорскій поспѣшилъ мнѣ объяснить, что старикъ этотъ—домашній шутъ, принадлежавшій еще отцу его, такъ какъ по старому еще обычаю во многихъ домахъ держатъ шутовъ, одѣвая ихъ въ вычурное платье и позволяя имъ дѣлать разныя дурачества. За чаемъ шутъ обращался къ каждому отдѣльно съ какими-нибудь забавными выходками, возбуждая смѣхъ общества, но я не могъ понять того, что онъ говорилъ. За ужиномъ шутъ снова явился, но уже въ другомъ костюмѣ, въ старинномъ генеральскомъ, въ которомъ онъ очень былъ смѣшенъ; онъ ходилъ вокругъ стола, отпуская дамамъ любезности и подражая минамъ и манерѣ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ дому, между прочимъ, и брату хозяина дома, чѣмъ онъ очень смѣшилъ общество» (III, 597—598).—Вообще въ запискахъ де-ла Фліза находится много матеріала для характеристики быта малорусскихъ помѣщиковъ начала нынѣшняго столѣтія. Въ 1814 г. де-ла-Флизъ покинулъ Россію.

Въ «библіографическомъ листкѣ» «Русской Старины» библіографическія замѣтки И. К. Х—скаго объ «*Отчетѣ Императорской публичной библіотеки за 1888 г.* (I, на оберткѣ); проф. В. И. объ *изданіяхъ Воронежскаго статистическаго комитета* (I, въ каталогѣ, стр. 7—8) А. П. *о путешествіи Бернардта Таннера* (ibid. 13); Г. А. Воробьева о книгѣ *П. Н. Батюшкова «Подолія»* (II, на оберткѣ); *В. И. С.* о кн. *Турцевича «Христоматія по исторіи западной Россіи»* (II, 535) *Н. В. В.* о кн. пр. *Загоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи»* (II, 536—537); о кн. *С. М. Дубнова «объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества»* (III, 840).

Историческій Вѣстникъ 1892 г. т. 47 (**январь—мартъ**). Съ январской книжки (64—100 стр.) начались печатаніемъ бурсацкія воспоминанія И. Н. Потапенко «*До и послѣ*», характеризующія жизнь бурсы въ послѣдній годъ ея существованія и имѣющія цѣлью представить хоть «смутную» картину

водворенія новыхъ формъ на развалинахъ старой бурсы послѣ ея преобразованія (стр. 64—65).

Автору, впрочемъ, недолго пришлось пробыть въ бурсѣ: за хорошій голосъ его скоро перевели въ архіерейскій хоръ, и г. Потапенко описываетъ этотъ своеобразный міръ съ его особенными традиціями, выработавшимися вѣками съ его грубостью, грубыми шутками и низкимъ нравственнымъ уровнемъ его членовъ. Здѣсь мы узнаемъ много новаго, до сихъ поръ намъ мало извѣстнаго или совсѣмъ неизвѣстнаго.

Воспоминанія И. Н. Потапенка еще далеко не кончены и обѣщаютъ быть интересными. Нѣсколько вредитъ имъ то обстоятельство, что авторъ какъ то принципіально воздерживается отъ передачи своихъ тогдашнихъ впечатлѣній, заключеній, а только передаетъ факты. Отъ этого мы съ достаточной подробностью узнаемъ внѣшнюю бурсу того времени; типъ же бурсака, его внутренній міръ остается для насъ совсѣмъ неяснымъ. Послѣднее можно даже въ упрекъ поставить человѣку, пишущему свои воспоминанія въ концѣ XIX в. да еще и литератору.

Изъ другихъ статей «Историческаго Вѣстника» отмѣтимъ ст. *проф. Д. И. Багалѣя «Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ Россіи въ старину»* (январь стр. 177—196).—Это—лекція, прочитанная авторомъ въ Харьковѣ въ пользу голодающихъ и заключающая въ себѣ краткій очеркъ бѣдствій (пожаровъ, мора, голодовъ, саранчи), постигавшихъ Россію отъ начала государства до XVIII вѣка. Въ Малороссіи особенно были тяжки годы 1680 и 1690 г., когда была страшная засуха; саранча и червь истребили посѣвы и затѣмъ въ 1711 году, когда господствовали вмѣстѣ голодъ и моръ, и въ одномъ черниговскомъ полку погибло 11,830 чел. Въ Слободской Украйнѣ былъ сильный голодъ въ 1699 году и затѣмъ чума съ 1738—1739 года, когда въ Изюмѣ (харьк. губ.) умерло 6,610 чел. Подводя итогъ тому, какими средствами русское государство боролось съ бѣдствіями, проф. Д. И. Багалѣй говоритъ: «Сначала борьбу вело не государство и даже не общество, а отдѣльныя лица, всякій на свой страхъ и рискъ. Потомъ въ XVI—XVII вѣкахъ эту борьбу приняло на себя государство. Въ XVIII в. оно вооружилось опытомъ своихъ сосѣдей и пыталось дѣйствовать исключительно полицейскими принудительными средствами. Но въ XIX вѣкѣ правительство уже призвало къ содѣйствію и русское общество». (Стр. 194). Много теперь помогаетъ и наука.

Въ своей замѣткѣ *«Древній Богоявленскій храмъ въ г. Острогѣ»* (I, 226—232) М. И. Городецкій, по случаю возобновленія этого храма въ 1891 году, дѣлаетъ о немъ историческую справку[1]). Статья *М. В. С.*

[1]) Къ статьѣ приложены: видъ возобновленнаго въ 1891 г. храма и развалины прежняго, сооруженнаго въ XV в.

«*Русская область въ юго-западной окраинѣ*» (II, 536—554) вызвана предстоящимъ въ будущемъ году столѣтіемъ со времени присоединенія Подоліи къ Россіи. Авторъ разсказываетъ судьбу этой области, пользуясь почти исключительно недавно вышедшимъ подъ ред. П. Н. Батюшкова оффиціальнымъ сборникомъ «Подолія»[1]). *Р. И. Сементковскій* въ статьѣ «*Силуэты русскихъ администраторовъ*» (II, 499—524) характеризуетъ трехъ русскихъ администраторовъ трехъ различныхъ эпохъ — варшавскаго коменданта И. И. Тутчека николаевскаго служаку, губернатора начала 70-хъ годовъ, съ которымъ авторъ познакомился въ Лозаннѣ на водахъ и затѣмъ извѣстнаго саратовскаго губернатора А. И. Косича. Многосторонняя дѣятельность послѣдняго въ качествѣ губернатора на пользу общественную характеризуется на основаніи «циркуляровъ, указаній и рѣчей г. начальника саратовской губерніи ген.-лейт. А. И. Косича» — сборника, изданнаго въ пользу голодающихъ.

Въ отдѣлѣ «замѣтокъ и поправокъ» *Г. Н. Ширяевъ* (*Могила Мазепы* (I, 295—296) опровергаетъ всю неосновательность напечатанной въ «Южанинѣ» замѣтки, будто Петръ въ бытность свою въ Галацѣ разрушилъ могилу Мазепы, похороненнаго въ тамошнемъ монастырѣ. Указывая на то, что Петръ никогда въ Галацѣ не былъ, г. Ширяевъ разсказываетъ «*истинную* исторію могилы Мазепы».

Въ отдѣлѣ «критики и библіографіи» отзывъ г. П. П. объ «*Очеркахъ замѣчательнѣйшихъ древностей воронежской губерніи*. Изслѣдованіе члена секретаря воронежск. губерн. стат. комитета *Л. Б. Вейнберга* (Съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова, Воронежъ 1891 г». (I, 268).

Русскій Архивъ 1892 г. январь—мартъ. Старый гвардеецъ («Изъ памятныхъ записокъ стараго гвардейца» I, 138—141) описываетъ то тревожное настроеніе, которое было въ Петербургѣ въ день объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Память, впрочемъ, уже измѣняетъ автору: онъ не знаетъ даже точно, когда былъ объявленъ манифестъ, и днемъ объявленія его называетъ на одной и той же страницѣ то 19, то 26 февраля. Какъ извѣстно, манифестъ былъ объявленъ 5 марта.

Г. гвардеецъ приводитъ характерный случай, какъ екатеринославскій помѣщикъ Г. В. Нечаевъ не позволилъ мировому посреднику составлять уставныхъ грамотъ на томъ основаніи, что онъ унаслѣдовалъ крестьянъ отъ отца и

---

[1]) Къ статьѣ приложено 9 рисунковъ: 1) Церковь—замокъ въ с. Сутковцахъ летич. уѣзда 2) портретъ гет. Сагайдачнаго 3, 4) турецкій Минаретъ и амвонъ въ К.-Подольскѣ 5) икона, изсѣченная турками 6) домъ, въ которомъ останавливался Петръ В. 7 и 8) портреты Бибикова и митр. Леонтія и 9) церковь св. Димитрія въ с. Сѣнной балтскаго уѣзда.

никто не имѣетъ права ихъ у него отнять,—а самъ, яко бы отъ себя, подарилъ крестьянамъ опредѣленный имъ надѣлъ.

Во второй книжкѣ «Архива» помѣщены два интересныхъ письма Н. И. Пирогова къ Э. Ѳ. Раденъ (1860—1862 г.), (II, 185—199), касающихся положенія дѣлъ въ юго-западномъ краѣ предъ польскимъ возстаніемъ, затрудненій, встрѣтившихся при введеніи положенія 19 февраля, и нѣкоторыхъ вопросовъ народнаго образованія [1]). Высказываясь противъ ограниченій доступа молодежи въ университетъ, Пироговъ указываетъ на ненормальность постановки какъ учебной, такъ и административной части въ нашемъ просвѣщеніи—и здѣсь видитъ причину тѣхъ волненій молодежи, которыми ознаменовано начало 60-хъ годовъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы всѣ его взгляды, особенно о положеніи юго-западнаго края были вѣрны и безпристрастны, но они интересны, какъ взгляды передоваго администратора конца 50 и начала 60-хъ годовъ...

«Письма митрополита кіевскаго Арсенія къ архіепископу Костромскому Платону (II, 201—232) важны для характеристики міровоззрѣнія двухъ высшихъ іерарховъ, членовъ святѣйшаго Синода. Въ ихъ перепискѣ затрогиваются и трактуются иногда разные вопросы государственной важности, бывшіе тогда на очереди въ духовномъ вѣдомствѣ, какъ напр. вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ, передаются слухи, дѣлаются характеристики лицъ, сообщаются свѣдѣнія объ юго-зап. краѣ и пр., Извѣстная записка проф. Ростиславова о состояніи духовныхъ училищъ, напечатанная заграницей, вызываетъ у м. Арсенія цѣлую бурю негодованія (I, 209). Относительно университетскаго преподаванія онъ говоритъ: «не худо бы, кажется, прибавить къ сему (къ проэкту арх. Платона) еще и то, чтобы въ университетахъ и гимназіяхъ изъ духовныхъ лицъ былъ не одинъ законоучитель, но и другой наставникъ древней исторіи, а пожалуй и третій по гражданской исторіи. Тогда вліяніе духовенства на воспитаніе и образованіе имѣло бы вѣсъ достаточный». (II, 210). Это писано въ 1863 году. Все же переписка обнимаетъ періодъ съ 1856 по 1873 годы.

Въ этой же книгѣ «Архива» нѣсколько словъ посвящено «памяти Софьи Григорьевны Милорадовичъ», скончав. въ 1890 г. (II, 269—271.).

Юридическій Вѣстникъ 1892 г. январь—мартъ. Къ Малороссіи относятся здѣсь статьи и замѣтки г. П. Дашкевича. Во первыхъ, «Предбрачные убытки по обычаямъ малороссовъ» (II, 216—238)—статья написанная на основаніи 285 рѣшеній волостныхъ судовъ, собранныхъ въ большинствѣ случаевъ, самимъ авторомъ, покойнымъ проф. А. Ѳ. Кистяковскимъ, коммис-

[1]) Письма говорятъ: I. О христіанской любви. О юго-западномъ краѣ II. О воспитаніи и обученіи. О крестьянахъ и помѣщикахъ.

сіюе по преобразованію волостныхъ судовъ и экспедиціею въ западно русскій край. Авторъ имѣетъ въ виду прослѣдить различныя гражданскія отношенія, которыя возникаютъ вслѣдствіе отказа отъ совершенія брака одной изъ сговорившихся сторонъ. — Затѣмъ двѣ замѣтки г. Дашкевича. — Одна — «Грабежъ», какъ уголовно-юридическій терминъ обычнаго права (I, 168—171) написана по поводу книги М. В. Духовскаго «Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ», въ которой авторъ терминъ «грабежъ» употребляемый народомъ въ смыслѣ самоуправства смѣшиваетъ съ современнымъ научно-юридическимъ терминомъ грабежа и отсюда приходитъ къ ложному выводу, будто «открытое похищеніе у крестьянъ считается менѣе серьезнымъ преступленіемъ и карается легче, чѣмъ похищеніе тайное — кража». Свою мысль, правда, давно уже другими высказанную, г Дашкевичъ подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ. — Во второй замѣткѣ «Къ вопросу о способѣ собиранія и порядкѣ изданія матеріаловъ по обычному праву» (I, 171—173) тотъ же авторъ возражаетъ г. Гольметену, требующему при кодификаціи гражданскихъ народныхъ обычаевъ, изученія «всѣхъ безъ исключенія рѣшеній волостныхъ судовъ». Указывая при этомъ на богатые матеріалы по обычному праву, оставшіеся послѣ проф. А. Ѳ. Кистяковскаго и М. Харузина, г. Дашкевичъ думаетъ, что изданіе ихъ, равно какъ и собираніе новыхъ матеріаловъ должно взять на себя Императорское географическое общество, при которомъ уже больше 10 лѣтъ существуетъ особая коммиссія по обычному праву, о дѣятельности которой, впрочемъ, ничего неизвѣстно.

Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1892 г. январь — мартъ. — Кромѣ статей спеціально юридическаго содержанія, въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» отмѣтимъ обстоятельную рецензію *Г. И. Хмѣльницкаго на книгу А. Боровиковскаго «Отчетъ судьи»*. Томъ I, Спб. 1891 г. (I, 110—132), и краткую замѣтку о брошюрѣ проф. Н. П. Загоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи». Добрая часть книги г. Боровиковскаго посвящена, какъ извѣстно, вопросу о чиншевомъ правѣ...

Кіевскія университетскія извѣстія. 1892 г. Январь. Статья проф. А. В. Романовичъ-Славатинскаго «Голода въ Россіи и мѣры правительства противъ нихъ» (27—68) является публичной лекціей, прочитанной авторомъ въ пользу голодающихъ. Она собственно не представляетъ изъ себя *полной* исторіи голодовокъ въ Россіи, а посвящена, главнымъ образомъ, голодамъ XIX столѣтія, на которыхъ авторъ останавливается подробно, указывая какъ на причины, такъ и на мѣры, принимавшіяся правительствомъ для борьбы съ ними [1]). Для этого авторъ пользовался, главнымъ образомъ, «Исторіею М—ва

[1]) Лекціи проф. А. В. Романовича-Славатинскаго вмѣстѣ съ лекціей привдоц. Н. М. Цитовича вышли вмѣстѣ отдѣльнымъ изданіемъ подъ общимъ загла-

Внут. Д.» Н. Вародинова и «Матеріалами по вопросу объ обезпеченіи продовольствія».

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета. 1892 г. Книга I (январь—февраль). О рѣчи проф. Загоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи» (I—102 стр). см. отзывъ въ отдѣлѣ библіографіи. *Н. Н. Өирсовъ. Содержаніе и характеристика Галицко-Волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку* (стр. 119—130; есть и въ отдѣльномъ изданіи)—слишкомъ жидкая, повторяющая общеизвѣстное статейка, являющаяся пробной лекціей автора въ университетѣ, никакого, въ сущности, научнаго значенія не имѣетъ. Содержаніе ея даже мало соотвѣтствуетъ темѣ, потому что читатель не выноситъ почти никакого представленія о галицко-волынской лѣтописи. Всѣ свѣдѣнія авторъ сводитъ къ четыремъ категоріямъ: 1) относительно княжескихъ междоусобій 2) боярства 3) отношенія къ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ и 4) татарское иго; но характеръ этихъ свѣдѣній остается неизвѣстнымъ, потому что авторъ ограничивается только пересказомъ элементарнаго учебника и приводитъ по одному—по два примѣра изъ лѣтописи. Да и то не всегда. Для читателей, конечно, такая тирада, безъ фактовъ совсѣмъ недоказательна.

віемъ „Голода въ Россіи и западной Европѣ“—цѣна 1 руб. Сборъ въ пользу голодающихъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

41 и 42-й выпуски

(законченъ **III-й** томъ)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изданія Т-ва А. Гарбель и К°,

въ Москвѣ, Тверская, Б. Гнѣзников. п., д. Мартыновой.

Объясненіе словъ: (Истомкинъ—Кальдеронъ).

Подписка продолжается только до выхода 50 выпуска.

Подписная цѣна на все изданіе (болѣе 100 выпусковъ) на лучшей бумагѣ 32 рубля, на обыкновенной—25 рублей.

Отдѣльные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинамъ, по 40 и 30 копѣекъ за выпускъ, (смотря по разбору бумаги).

Лицъ, желающихъ выписать словарь наложеннымъ платежемъ, контора покорнѣйше проситъ высылать на почтовые расходы ОДИНЪ РУБЛЬ почтовыми марками, кои зачтутся въ счетъ уплаты.

Дозволено цензъ. Кіевъ, 30-го марта 1892 г.

отъ себе еще мѣетъ на себе дать мнѣ кабалу, переговорилемъ и купить его казалемъ господаревѣ. Отехалемъ въ Сварковъ, где шкляра уговорилемъ оболони дѣлать, а ему за тое дать пару суконъ, кунтушъ тузѣнковій, да кафанъ мусулбесовій и пашнѣ всякой, але потомъ певнѣ уговорить его Василеви казалемъ. Войту Забарѣ указъ о его войтовствѣ далемъ ему и що ему чинить. Пріехалемъ въ футоръ Калюжновскій, гдѣ видѣлемъ 4 кипи тютюну зложеного, а пятую докладаетъ. Коней дрикганта вороностроката, да верхового бѣлого оглядалемъ, але же дрикганта перелиты взяли, того ради до мѣста его попровадили, а я, побувши въ шинку калюжновскимъ, отехалемъ въ Тулиголови, куда годиною передъ полноччю пріехалемъ, бо будетъ миль 3. Реестръ мнѣ достался шкла, Архипомъ привезенного, именно: фляшки до 4 пуздерокъ, баніокъ лазебнихъ 60, бутилокъ плоскихъ 54, бутилокъ круглыхъ 46, штоповъ до столу 20, фляшъ gарцевихъ 15, глековъ 15, шибъ аркушовихъ 55, опрочъ шматковъ. Еще въ Глуховѣ далъ господаръ грошей мнѣ рублей 6, которіе Вежевскимъ дани на расходъ, и того въ первомъ пунктѣ записать запомнѣлось. Въ Глуховѣ, у Кошелева, когда костми метали лоти, синъ брегадирскій Никита кинулъ вмѣсто родителя и пало 47, и же нѣхто столко не кинулъ, того ради лошадей пара припроважена до родителя.

29. Пятокъ. Въ Тулиголовахъ рано далемъ Роману дворникови, на покупку жита до винницѣ тамошней же, зол. 300. Тогда жъ, составивши наказъ, Василю господареви въ 25 пунктахъ далемъ, ему жъ Романови и грошей рублей 20, и листъ, писанній до старости овдоколского о садовнику, жебы дать ему подводу до Стародуба и о присилцѣ въ Глуховъ барилъ у полкуфи 15, алѣи, крупцювъ всякихъ и боклаговъ; сіи три рѣчи, наказъ, денги и листъ отдалемъ Романови, жебы онъ вручилъ Василеви. Въ імбарѣ горѣлки куфъ 7 великихъ, повнихъ, обрѣтается. Устроивши вижей выраженніе рѣчи, отехалемъ въ Камень, где уже не засталемъ родителя, передомъ отехавшого къ Ромну на обѣдъ въ слободку Корсакову. Тамъ малое время забавилемъ, толко наказъ до Романа въ 6 пунктахъ написалемъ: 1) чтобъ перегналъ горѣлки 4 кухви

ковитой на мяту, 2) чтобъ ліодовню въ Обложкахъ оправилъ, 3) о покриттю ступника дранню, 4) о Совѣ и Козѣ винникахъ, 5) о оберненню данныхъ ему грошей на единое жито, 6) о пересланню тютюну въ калюжновскій футоръ къ тамошнему тютюнникови, жебы поперевязовалъ лутше, нѣжъ тулиголовскій тютюнникъ. Посхалемъ зъ Каменя по полуднѣ, а пріехалемъ передъ смеркомъ въ слободку Корсакову, где и заночувалемъ; а зъ Каменя до Хижокъ, отколь милѣ меншъ, отъ Хижокъ до Козацкой миля 1, а одъ Козацкой до Грузской болшъ милѣ, а отъ Грузкой до слободки Корсаковой болшъ версти 1.

30. Субота. Съ полночи другой години поехалемъ зъ слободки Корсаковой до Смѣлого и, на дорозѣ зъ версту поблудивши, а потомъ винайшовши дорогу, пріехалемъ въ Смѣлое свѣтомъ; ехалемъ 6 годинъ, а миль будетъ добрихъ 4. Въ Смѣломъ служби Божой вислухалемъ и, по службѣ Божой, по чарцѣ водки сотнику и господареви, Кгресю старому, поднюсши, поехалемъ къ Ромну. На дорозѣ стрѣтилемся зъ Яковомъ Дубровою, до Смѣлого зъ Ромна ехавшимъ, и, взявши у его допросъ Юрченка, поехалемъ и пріехалемъ передъ обѣдомъ въ Роменъ. Засталемъ Федора Юрченка, вчорайшого дня пріехавшого зъ обозомъ въ Роменъ. Орановскому кунтушъ легкій, зъ . . . . . (?) лиштвами, позичилемъ.

31. Неделя. Человѣкъ отъ нѣжинского Самойловича, значкового товариша, пріехалъ и обявилъ мнѣ інструкцѣю, его панови данную, жебы зо всѣхъ бунчуковихъ, мешканне свое въ полку нѣжинскомъ мѣючихъ, взялъ сказки, хто, когда и въ которихъ походахъ бувалъ и хто небувалъ, за якою сказкою и ко мнѣ пріехалъ. Орановскій шлюбъ зъ Агафѣею дворовою дѣвкою и свойственною самой родителки взялъ отъ отца Савѣцкого протопопи Роменского. Брати мои Марко, Лука и Іоанъ, зъ Кіева пріехавшіе, мнѣ явилися. Коней 10, припроваженнихъ зъ Федоромъ Юрченкомъ, послалемъ до Сухоносовки, а въ Токарѣ давніе тутейшіи послани конѣ и на овесъ дано 3 копи.

Февр. 1. Понедѣлокъ Пересмотрували реестровъ Юрченковихъ, и показалось облѣкговъ отъ позичившихъ денги 20, а тютюнъ 23,

а пшоно 8. Знималъ родитель серпанокъ зъ молодой и даровалъ Орановскому коня, а я по парѣ коней, кобилъ и воловъ, а самой зол. 50. П. Зарудній старий и п. Василь зъ Глинска пріехали. Подпіяхомъ. Родитель Василю Дяченку говорилъ и послушаніе судебное злецилъ. Василеви писареви за жито 15 зол. заплатилемъ, котораго задолжился я. У Демяна отобрали грошей 105 зол., и отдани Якову.

2. Вовторникъ. Родитель подарилъ мнѣ фунтъ шафрану, зъ Баки привезенного, подобно: (?). Человѣка Самойловичевого, за сказкою о службахъ моихъ пріехавшого, отправилемъ зъ сказкою моею. Демянъ въ своей скринцѣ перебиралъ дещо и видалъ реестра и полотно, и баранки, и грошей рублей зъ 20. Указъ зъ колегіи, давно ко мнѣ принесенній, о томъ, чтобъ учинить вѣдомо, сколко денегъ въ скарбцю полковомъ есть, отдалемъ Петрановскому. Указъ зъ канцеляріи енер. о виключенню радовихъ, а вписанню значковихъ на мѣсто ихъ, въ Гилянъ врученъ мнѣ на мое імя. Іванъ Івановичъ Гейтеръ, аптекаръ, пріехалъ зъ Лубенъ, а одетъ въ Москву.

3. Середа. Старшина чорнуская, Дроздъ и Звѣрака, пріехавши сюда, подали мнѣ карту за подписаніемъ рукъ своихъ, въ якой предложили тое, что сухоносовскіе жители за млинокъ въ годъ по 5 рублей до церкви тамошней, да поколѣщину 7 зол. заплатитъ. Такъ же другую купчую на грунта попа сухоносовского въ цѣнѣ 100 зол. Федоръ Юрченко отправленъ въ Глуховъ, черезъ которого до господара писалемъ, и послани наручники до кватирокъ и завѣсъ до дверей 12 паръ. На покупки розніе казалемъ дать Якову Дубровѣ 100 р. и зъ нихъ вилѣчити атаманови на покупку воловъ къ 200 р., первей даннимъ, и еще 20 р. Баранковъ и шовку пересмотрували, дакъ шовку кренцоного 5, а простого 30 фунтовъ, а баранковъ лутшихъ 10, сѣрихъ 2, а подлѣйшихъ 12, а давнихъ 2. По вчорайшой рахубѣ показалось доводячихся отъ п. Семена 87 руб., а панеи 10 рублей, и того 97 р Романъ пріехалъ и донеслъ, что въ обѣ ліодовнѣ лохвицкую и лубенскую набыто ліоду. У п. Несторовича обѣдалиемо и позно въ ночъ отехали. Молебенъ за царевну Анну Петровну отправлялся.

4. Четвергъ. Ездилемъ за Сулу осмотрувать воловъ моихъ, въ походъ наступующій купленнихъ, которихъ всѣхъ куплено 60, равно и 1 прибылній, и оніе, поклейновавши, послали въ Сухоносовку. Кобили персидской и дрикгантовъ грузинскихъ осмотрувалемъ родителскихъ. Ходилемъ по ярмарку и нѣкоторіе рѣчи покупилемъ. Поприѣздили многіе гостѣ и на двохъ столахъ обѣдали, отъ нихъ же и госпожа Михайловая воронѣжская. Купилемъ регламентъ и букваръ Прокоповича.

5. Пятокъ. Родитель ярмаркового 20 р. далъ моей сожителницѣ. Орановскому далемъ грошей 50 зол. Тарасъ посланъ въ Сухоносовку и Лубнѣ за кунми и иншими інтересами, которому данъ наказъ въ 12 пунктахъ, да при немъ же мѣди 16 фунт. послалемъ. Полковникъ Шереметевъ Василій Петровичъ былъ у насъ и кушалъ. Інтеллѣкгаторови далемъ копу грошей за оправку книжокъ и еще 3 книжки оправити далемъ же. П. Василь глинскій и Федоръ Зарудній пріехали. Отецъ Фома у вечеру былъ и просидѣлъ зо мною. П. Несторовичу на хоробу коробки далемъ въ папѣрку pulv. cord. rubr. ʒii. Вечералисмо сами, а родитель ускаржался на слабость свою.

6. Субота. Указъ, зъ войсковой енер. канцелляріи данній писару Сави Рагозѣнского, объ изслѣдованіи на ратушѣ здешней заводу его зъ купцами протчіими, показованъ мнѣ. Указъ зъ колегіи на імя мое о поправкѣ магазейну въ Веремѣевцу принесенъ и врученъ мнѣ черезъ сотника тутейшого наказного. Панъ Петрувскій, бувшій асаулъ, бувъ у мене и сторговалемъ у его дворъ попа сухоносовского и леваду, прозиваемую Козубовщину за 120 зол., якіе кгрунта ему отъ отца протопопи Пѣратинского и прежде судомъ консисторскимъ за долгъ его, на попу зависаючій, отданой ему вовся. П. Федоръ зъ Прилуки писалъ до родителя, что будто п. суддѣна послала въ Перервинцѣ вилучить себѣ кобили зъ лошатами зъ того стада, чего ради писалемъ до тамошнего атамана и войта, жебы нѣкому нѣчого оттуду невидавано и листъ нарочнимъ послать Орановскому далемъ. Параскеве (?) капитанъ и індуктаръ обѣдалъ у насъ. Адамъ грошей далъ 100 зол. за горѣлку мою, въ Криму

проданную. У лазнѣ былемъ. П. Василь глинскій отехалъ въ домъ. Ходилемъ по ярмарку и купилемь нѣкоторіе рѣчи.

7 Неделя. Запусти сирніе. Плетюнка пріехалъ въ Роменъ на 4 подводахъ по два конъ. Да онъ же писмо привезлъ отъ Василя господара, въ которомъ обявляетъ, что зъ шкляремъ уговорился за каждую оболону платить по 4 зол. Онъ же, Плетюнка, показовалъ квѣтацѣю, данную себѣ отъ Василя, что онъ, Василь, отобралъ отъ его доводячихся денегъ 40 зол., и уже онъ не виноватъ. Онъ же, Плетюнка, далъ писмо крепостное, отъ зятя его Федора Іванова написанное, на которомъ и онъ во свѣдителство вмѣсто себе упросилъ Орановского о подпись руки. Онъ же, Плетюнка, радилъ взять намъ зъ собою зъ людей сварковскихъ Федка Сохаченка, да Івана Шевця. Орановскому чеховъ зъ шагами болшъ 10 р. далемъ мѣнять на копѣйки. По вечерѣ спѣвалисмо канонъ воскресенскій, когда и прапорщикъ Волжинъ зъ Несторовичомъ приходили и, випивши мало, отойшли, а по окончаніи, и ми, розійшовшись зійшлись ко мнѣ, братъ п. Андрѣй зъ п. братовою и п. Семенъ, и тутъ повторне перекусили.

8. Понеделокъ. Постъ вел. Плетюнка отправленъ въ Сухоносовку зъ наказомъ, въ 9 пунктахъ содержимимъ, которому и 60 зол. денегъ далемъ на заплаченне дворика и левади поповской п. Петровскому. У жида, отъ Дубровского пріехавшого, взялисмо двѣ штуки полуштамету, локот. 77, а ему вовну дали; вовни пудъ по 7 гривенъ, а сукна локот. по 8 шаг. До п. Федора въ Прилуку отправленъ Іванъ Войтенко—для переписѣ рѣчій покойного п. судіи и до п. судіиной о присланню грамоти писано. Чаю фунтъ за 40 алт. купилемъ у Івана Перехриста. Полянка Котляренко и протчіе отехали домой. Докупали еще до прежнихъ покупокъ декоторіе, на якіе Гаврилу далемъ 5 р.

9. Вовторокъ. Івану Перехристу, едучому до Сумъ на ярмарокъ далемъ для покупокъ 40 зол. Максиму Коржовскому на приборъ далемъ зол. 5. Шкляра, дѣлаючого окна въ Сварковѣ, женѣ далемъ грошей таляръ. Орановскій поехалъ въ Сухоносовку для отправленняся себе отъ дѣлъ. Между баранками показались лутшихъ 8, подлѣйшихъ 16, сивихъ два. Прапорщикъ Волжинъ булъ у насъ

и простился, понеже ему ехать въ Глуховъ въ колегію принесенъ указъ, которій у вечеру и компутовъ 3 прислалъ ко мнѣ черезъ своего писара при писмѣ своемъ, на якое и я отписалъ къ нему. Пива зъ Глухова бочку привезлъ ямщикъ, посиланній туда зъ Юрченкомъ.

10. Середа. Івану Перехристу еще далемъ грошей рублей 4 на покупку футра сѣбиркового; ему жъ далемъ 14 зол. чеховъ, да шаговъ розмѣнять на копѣйки. Романъ у шинкара тутейшого взялъ 40 зол. грошей, 20 Перехристу тихъ далъ, и 20 есть. Гаврило молодикъ далъ на себе облѣкгъ, что онъ за тютюнъ виноватъ мнѣ 26 руб. Сотникъ пѣратинскій, бувши тутъ, отехалъ въ домъ, а атамана зоставилъ. Вовни бранки родителской показалось 230 пудъ, а въ пудъ входитъ 21 руно. Сотникъ наказній роменскій приходилъ зъ обявленіемъ, что надзиратель едетъ въ Глуховъ, и сказку отъ себе о чиншовикахъ, якую написалъ, показовалъ, зъ кружками. Яковъ Дуброва переважовалъ астраханскіе покупки, рижу полъ 7 каменя, микгдалю безъ лушпинъ самихъ каменей 3 безъ 3 фунт., микгдалю зъ лушпинами каменей 3 и 30 фунтовъ, родзѣнокъ дробнихъ каменей 3 безъ 3 фунт. родзѣнокъ болшихъ каменей 2 и фунт. 2.

11. Четвергъ. Отъ старости перервинского Максима Захарченка, черезъ перервинскихъ козаковъ дворцевихъ, принесено писмо, въ которомъ обявляетъ, что минувшого сего февр. 6 пріехалъ зъ Глухова нѣмецъ отъ ясневелможной зъ листомъ п. Федора туда, и вибралъ самихъ лутшихъ дрикгантовъ вороностроkатого и гнѣдого, и попровадилъ зъ собою. Также отъ судіиной прилуцкой пріехавши, ея человѣкъ зъ козаками вилучили самихъ лутшихъ кобилъ 50 зъ лошатами 29, дрикгантами двома, сивимъ и рижимъ, и особливе конемъ ижджалимъ рижимъ и погнали къ ней. О чомъ къ старостѣ отписано, жебы онъ сюда ехалъ, а до Орановского писалемъ, чтобъ тамъ атаману и войту зъ росписком все тамошнее господарство вручилъ, что мѣютъ въ цѣлости до указу содержати. Повторые, у вечеру, до его жъ Орановского писалемъ, чтобъ онъ въ Сухоносовку жито зъ Перервинецъ забралъ, зъ запискою, оставивши тамъ на харчъ и удѣливши до футора криворудского всякого борошна, о чомъ

и до старости сухоносовского Плетюнки писалемъ. Зъ войсковой енер. канцеллярiи указъ на iмя мое принесенъ, въ которомъ предложено о присилцѣ вѣдомостей зъ полку въ оную жъ канцеллярiю, именно: 1) отъ полковника начавши, невичисляючи и бунчуковихъ, ажъ до самихъ радовихъ козаковъ, хто где и когда въ походахъ бывалъ и хто небивалъ; 2) о артиллерiи, по городкахъ сотенныхъ найдуючойся, сотенная ли она, или мѣская; 3) имѣются ли въ полку лубенскомъ сторожѣ полевiе и сколко оныхъ; 4) почему въ городахъ продавалась рожъ и иншая пашня, также и сѣна возъ. Савѣцкiй писаръ черезъ отца Василiя капеляна отзивался зъ тимъ до родителя, что мѣетъ прiйти прощенiя просити. Вѣжевскiй хлопецъ отобралъ у Гаврила за тютюнъ мой, проданнiй въ Сулаку, 200 папушъ 4 рублѣ, а отъ Антона оставшiеся гроши 12 зол отъ покупокъ въ Кiевѣ, имъ же справленныхъ. Вовни моей бранки взяли въ Москву 6 каменей и 10 фунтовъ, а було всей 130 рунъ, старой 60, а ярочой 70. Гаврило молодикъ далъ реестръ девяти рублямъ, взятимъ отсюду на проходъ, и доводится на немъ 3 рублѣ, а особливе на горѣлцѣ доводится на немъ полъ 5 ведерка, въ чомъ и самъ признался. Въ лазнѣ милемся, а передомъ оглядалемъ унѣверсаловъ п. Нѣсторовича, даннихъ на селце его Будки, зъ которихъ еденъ покойного гетмана Скоропадского Iвана Iллича есть.

12. Пятокъ. Рано сукно бенкель штуку далемъ ступовать, въ которой показалось локоть. Родитель сюда ко мнѣ приходилъ, куда и Iванъ Вуйтенченко прiйшолъ, повернувшись зъ Прилуки и привюзъ писма отъ п. Федора, поехавшого на смотръ въ Глуховъ, и судiиной, между которими п. судiиная въ едномъ своемъ писмѣ обявляетъ о унѣверсалу на Перервинцѣ, рейментарскомъ, что хочай оного и шукала у себе, однакъ незнать, где дѣвся, и развѣ впредъ чи не обшукается и проч. Да онъ же, Iванъ Войтеченко, привезъ зъ собою коней верховихъ судейскихъ 2, одного чалого, а другого сивого. Савѣцкiй писаръ, бувши у пана, получилъ прощенiе и у мене и зъ тимъ отозвался, что село и урядъ въ волю родителскую пустилъ. До Iсаака Iвановича Iохемса писали и послали рецептъ медикаментовъ, которого копiя зде, при протоколу. Черезъ Шолудка,

козака лукомского, поехавшого въ Глуховъ на смотръ, писалемъ до господара, а черезъ человѣка заборовского послала сама въ Глуховъ до швакгровъ каваяръ, селдѣ и протч.

13. Субота. Комунѣковался родитель, я, и браття вси, и сожительница моя. Андріяшъ былъ и обѣдалъ зде. Чернецкій Петро и Афанасъ, бувшій староста луганскій, поѣхали зъ вовною въ Москву, которимъ 2 реценти до аптеки далемъ (якихъ копія въ книзѣ memorabilium), а третій реестрикъ покупокъ за вовну мою 6 пуд. 10 фунт., мѣючихъ спорадитись. До сотника смѣловского о присланню сюда вѣдомостей писалемъ; атаманъ чорнускій говорилъ мнѣ, что Горлишинъ млинъ, въ заставѣ Колотъ своей имѣючій, уступаетъ мнѣ, а застава силна до 727 году, зъ которого надлежитъ намъ отбирать 5 частей. семую мѣрошнику а семую оной Горлисѣ, а платить въ годъ за оній.—Родителка, ездившая по футорахъ, пріехала въ Роменъ вечеромъ.

14. Неделя. Солодуха, ходившій зъ волами родителскими въ въ С П. бурхъ, повернулся. Романъ молодикъ отправленъ въ Глуховъ. зъ наказомъ, даннимъ ему въ 10 пунктахъ. Да черезъ его жъ послано бочалку каваяру у 8 пудъ и рижу полъ 7 каменя, и листъ до Василя о продажѣ того и другихъ інтерессахъ. Брати Марко, Лука и Іоаннъ отехали въ Кіевъ, а при нихъ Антонъ, которому на вино полинковое далемъ 5 рублей грошей. Черезъ Романа жъ послани 22 пар. завѣсокъ до оконъ въ Сварковъ. Яковъ Дуброва пріехалъ зъ Смѣлого и говорилъ о курьеру, въ мимошедшій пятокъ проехавшомъ Смѣлое зъ С. П. бурху, а слався дому государинѣ імператрицѣ.

15. Понеделокъ. До п. Василя глинского отписалемъ, соболѣзнуючи его слабости и при томъ предлагаючи, жебы прислалъ сюда бондаровъ человѣка два и послалъ бы по наметокъ п. Минѣцкого. Петровскій мимоездомъ въ Глуховъ заходилъ до насъ. Лесковъ синъ посланъ въ Глуховъ до ясневелможной зъ листами отъ родителя и гостинцемъ шафрану 2 фунт. и отъ мене поздоравленнемъ посту. Черезъ его жъ послалемъ до господара Василя 6 лотовъ шовку и цѣвку срѣбра, жебы шмуклѣръ паски здѣлалъ до

шаблѣ, и о горѣлцѣ писалемъ, жебы, если оной скудно будетъ, зъ 6 куховъ здѣлалъ 8 переганяной. Родителка шовку у насъ взяла торгомъ 7 фунтовъ. Мартинъ реестръ показалъ воловъ 60 купленнихъ, за которіе грошей пойшло 1210 зол. и шагъ, а осталось 7 рубліовъ и, якіе всѣ у Мартина. Інтеллѣктаторъ принюсъ 3 книжки новіе, неписанніе, оправніе. Magneca дѣйствіе показовалемъ братамъ.

16. Вовторникъ. Получена вѣдомость, что его величество Імператоръ и самодержецъ всероссійскій временное на вѣчное премѣнилъ блаженство, январ. 28. Ездилемъ до Плавинища риби ловить и, тамъ нѣкого не заставши, повернулемся назадъ на обѣдъ тощъ. Вѣдомости въ Глуховъ въ вой. онер. канцеллярію послалемъ о рознихъ інтересахъ зъ моимъ доношеніемъ. Родитель ордеръ свой далъ, п. п. п. Федору Билиму, Семену асаулѣ и Василю Дяченку судемъ полковимъ и правленіемъ полковимъ, въ отлученіи его, завѣдовати. Староста овдоколскій пріехалъ въ Роменъ, которому о крупцяхъ, посудѣ и протчемъ предлагалемъ. Перспективо далемъ золотареви здѣлать шрубокъ до оного. Тарасъ молодикъ и Алексѣецъ пріехали сюда и привезли воловъ 61 купленнихъ тутъ, реестръ которихъ показалось рижихъ 15, сивихъ 2, чорнихъ 10, бѣлихъ 2, гнѣдихъ 4, рижоперѣстихъ 2, сѣрихъ 10, половихъ 7, чорносѣрій 1, перистосѣрій 1, темносѣрій, лисій 1, чалихъ 2, гнѣдоперѣстій 1. Онъ же привезлъ купчую, отъ Колота данную, на розмѣръ отъ млинка Ярмолихи Горлихи, на полтретя году пять мѣрочокъ, шестая Горлисѣ семая мѣрочнику, а поколѣщини 6 зол. за сей годъ онъ повиненъ дать, а за протчіе я, а ему платить годъ по 8 копъ. Лѣкарства зъ Лубенъ привезени по рецепту. Въ Смѣломъ опредѣлени стрелцѣ зо мною, Василь Передеровъ, Самойло Саенко, Василь Римаренко, Стефанъ Романчукъ.

17. Середа. Рано, скоро свѣтъ, виехалъ родитель въ Глуховъ и, мало пождавши, я вслѣдъ, и на обѣдъ пріехали въ Смѣлое, куда потомъ и п. Несторовичъ пріехалъ же. Зъ Смѣлого писали въ Роменъ, до родителки родитель, а я до самой, предлагаючи, жебы

въ Кіевъ на орѣхи дали грошей зол. 10, приливаніе волоскіе. Поехавши оттуду, пріехали на ночъ въ Каменъ.

18. Четвергъ. Поснѣдавши въ Каменѣ, поехалисмо по полуднѣ въ Глуховъ, подлинно извѣстилисмося о преставленіи его імператорскаго величества зъ манѣфесту сенатского, которій такъся въ себѣ имѣетъ [1]).

Тутъ же въ Глуховѣ въ память его імператорскую отъ того времени, когда принеслася вѣдомость тая, рано и у вечеру по годинѣ по всѣхъ церквахъ звонятъ. П. полковникъ нѣжинскій Петръ Петровичъ Толстой зъ своею панею заехалъ до насъ повидатся зъ родителемъ и отехали въ Нѣжинъ. Булисмо у яневелможной, где мало забавивши, отехали и заехали до прокурора, где и бригадиръ, и Михайло Скоропадскій и, тамъ мало просидѣвши, въ домъ пріехалисмо. Зъ вѣдомостю сею въ Москву пріехалъ маіоръ отъ гвардіи Іванъ Іличъ Мамоновъ. Полковника чернѣговского Павла Полуботка люде минувшого дня пріехали въ Глуховъ зъ Пѣтербурха и обявили, что преставился онъ въ Пѣтербурху въ крѣпости декабр. 18 числа, третой години зъ полудня минувшого 1724 году.

19. Пятокъ. Былемъ у коллегіи, где повѣтчикъ полку лубенского Петръ Михайловъ предлагалъ мнѣ о меду зборномъ, дабы вѣденіе о немъ прислать въ коллегію. У правителей былемъ, оттоль у Яснополского, где и Косовича видѣлемъ. На мѣстѣ у лавокъ бувъ и чубукъ купивъ. Роману, дворникови моему тулиголовскому, сукна тузѣнку далемъ. Полки гварнѣзонніе, на ліоду собранніе, стояли, а имъ обявили о преставленіи імператорскомъ. Бяловскій бувъ у мене и, поговоря, отійшолъ. Николая, бывшого слугу моего, зъ П.Бурху отъ п. Чернѣговского по его преставлѣніи пріехавшого, задержалемъ на время у себе.

20. Субота. Троцкій бувъ рано и оставилъ я его, а отехалъ до Кошелева, где и родитель бувъ, откуду (повидавшись зъ маіоромъ Молчановимъ, пріехавшимъ зъ кіевского гварнѣзону въ коллегію) заехали до брегадира, где застали смо нашихъ правителей,

[1]) Вписанный здѣсь манифестъ напечатанъ въ изданіи „Дневныхъ Записокъ“ 1859 года т. I. стр. 60—61.

пуженнихъ отъ брегадира и, забавши тамъ доволно, отехали. Бувъ у мене иноземецъ зъ винами розними продажними. Войтъ мой сварковскій Забара бувъ и, де о чомъ донесши, отехалъ. Бувъ я въ вечернѣ у судейской церквѣ, где панахиду по небожчику тестеви моемъ правили, тамъ увидѣлемся зъ п. Григоріевою новгородскою, пріехавшою зъ Новгородка.

21. Неделя. Рано зобранъ бувъ полкъ лубенскій на смотръ, и первей тутъ родитель въ дворѣ осмотрѣлъ оного и потомъ и на ліоду казалъ онимъ порадне стати козакамъ, але коллеисти и правители не смотрѣли оного. У службѣ Божой у Михайла святого былисмо, где синъ брегадирскій Никита Степановичъ, стоявши купно со мною, обявилъ о себѣ, что мѣлъ сего дня ехать въ С.П.бурхъ. По службѣ Божой былисмо у ясневелможной, где брегадиръ зъ товарищи бувъ и, випивши по 2 чарки водки, отойшли, а ми обѣдали и пообѣдавши, родитель пожекгналъ ей велможность. По обѣдѣ смотръ былъ полку, а смотрѣли брегадиръ Кошелевъ, правители, Мануйловичъ и Левенецъ, козаковъ било около 400 въ Гилянъ, а по осмотрѣ брегадиръ со всѣми заходилъ до насъ и, по 2 кубка вина випивши, отехалъ, зъ которимъ и другими родитель простился, а правители, посидѣвши должае, отехали домой. Худолѣй давалъ суплѣку. отпрошуючись отъ походу у родителя. Купилисмо вина бутилокъ плетенихъ 6 буркгунского, а 6 еремѣтаржу у іноземца пополамъ зъ родителемъ, онъ же мнѣ въ придатокъ далъ 2 бутилки пор...(?). Отъ ясневел. Савка слуга принюсъ вини и водки въ бутилкахъ родителеви. Стаховичъ, канцеллярістъ, вечералъ зъ нами и много его ирритовали. Отъ Якова писмо получилемъ, зъ жалостію на тестя своего писанное. Писмо писалемъ до Якова и грошей зол. 50 послалемъ къ нему жъ черезъ п. Семена брата и штабъ желѣза 4, а въ нихъ вакги 5 пудъ, и вужищъ и наралниковъ по 4 пари. Ясневелможная ужаловалася зъ виговоромъ передъ нами на брата п. Андрѣя.

22. Понеделокъ. Отехалъ родитель въ Роменъ рано, а я остался тутъ для дѣлъ господарскихъ. Черезъ козака глинского, при тамошнемъ же сотникови найдуючогося, писалемъ, до родителя о

томъ, что увѣдомилемся о намѣреніи обозного зъ товарищи респектомъ занесенія суплѣки брегадиру и что сенецкій въ С.п.бурсѣ подалъ у вишній судъ. П. Минѣцкій и отецъ Василій капелянъ п. писара енер. были зде. Ездилемъ до млина радіоновского, где жита на 3 четверики будетъ, гречки полубочокъ, пшеницѣ полтора, солоду ячного и овсяного. Жена моя пріехала зъ Ромна въ Глуховъ. Осмотрувалемъ реестровъ господарскихъ и на пріемномъ грошевомъ реестрѣ написалемъ 8 и 20 рублей, даннихъ ему на росходъ.

23. Вовторникъ. Ездилемъ въ калюжновскій футоръ и первей въ шинку былемъ, о потомъ заехалемъ до футора, где возовъ 4 воловихъ спорадити казалемъ. Тамъ же видѣлемъ воли рабочіе 27, коровъ 7, а по реестрику, отъ тамошнего дворника показанномъ, отослано въ Тулиголови воловъ 3, коровъ 4, дробязку 15. Тамъ же въ тютюнника былемъ и видѣлемъ тютюнъ увесь зложенъ въ 5 кипахъ. Поехавши оттуду и пріехавши въ Глуховъ, заехалемъ до двора ясневелможной и тамъ, по набоженствѣ, обѣдалемъ и до вечора забавилемъ. Пріехалемъ домой, где въ розговорѣ зъ швакгромъ п. Андрѣемъ тое отъ его чулемъ, что обѣщаются во знакъ вдячности и зъ своихъ добръ, буде имъ верненни будутъ и мнѣ уступить часть купленнихъ и войсковихъ. Отъ писара Сави Ракгозѣнского бувъ чловѣкъ зъ писмомъ, въ которомъ требуетъ, ижъ бымъ отвѣтъ учинилъ въ канцеллярію енер. о его інтересѣ, мнѣ полѣценномъ до изслѣдованія, которому на словахъ отвѣтъ учинилемъ, что, несправясь зъ допросомъ, въ Ромнѣ чинившимся, нелзя отвѣтствовать. Стаховичъ бувъ и просидѣли, розговоруя.

24. Середа. Ездилемъ рано до Сваркова и оглядалемъ строенія тамошнего. Казалемъ майстрови Андрѣеви передѣлать сходи на гору и оттуда повернулемся на службу въ Глуховъ. По службѣ былемъ у ясневелможной и на обѣдъ въ домъ отехалемъ. По обѣдѣ Тарасъ молодикъ далъ мнѣ реестръ, въ которомъ всѣ ижджаліе конѣ означенни суть, и онихъ числомъ 66. (Въ день 26 пч 1 ясно—тоежъ выражено. Господаръ медъ розсичовалъ. Львовъ саржантъ отъ гвардіи пріехалъ въ Глуховъ и знову отехалъ. Куріеръ зъ Пѣтербурху пріехалъ и указъ привезлъ сюда зъ воинской коллегіи,

дабы брегадиръ съ товарищи присягу виконали на вѣрность ея величеству Государинѣ імператрицѣ. Былемъ у Кошелева и, едучи, обернулъся и передягся у п. Тарнавскаго. 4 ослонци подорожнихъ необбитихъ послани въ Роменъ. У брегадира позно бувши, (пріехалемъ въ домъ и книгъ своихъ пересмотрувалемъ.

25. Четверъ. Книги въ библіотекахъ пересмотрувалемъ, которихъ въ скринѣ показалось и зложилось 66, а въ библіотецѣ 146, въ той же библіотецѣ зъ другой сторони 44, а винятихъ въ походъ 31, итого всѣхъ 287 и болшъ, (vide день 26 № 2).

Іванъ Івановичъ Львовъ саржантъ отъ гвардіи, приехавшій сюда зъ грамотою Еропкину, зятеви п. писара енер., потребною о деревняхъ, обѣдалъ у насъ купно зъ Волжиномъ Іваномъ Афанасіевич. Шабелнику за оправу шаблей доплатилемъ зол. 1. Демянъ отправленъ въ Роменъ зъ листомъ до родителя и наказомъ, даннимъ ему. чтобъ онъ, взявши денги, доводячіеся отъ Івана Перехриста, ехалъ до Нѣжина и Борзни для покупокъ, въ походъ мнѣ потребнихъ, которому и тутъ далемъ грошей самъ 50 зол., а ключникъ далъ 50 зол. Брегадиръ Степанъ Лукичъ Велдяминовъ и протчіе штапъ оберъ и ундеръ офѣцери и салдати присягали на вѣрность государинѣ Імператрици Екатеринѣ Алексѣевнѣ, наслѣдницѣ россійского престола. Тарнавскій и Доброницкій були зде у насъ. Господаръ кухву меду, присланную зъ Ромна прѣсного, розситилъ, и стало куховъ 4, да 2 бочки меду неповнихъ, сиченого. Дрикганта воронострокатого козаки, зъ нами сюда пріехавшіе, попровадили въ Роменъ. Извѣстилемся отъ Тарн., что о намѣреніи нашего обозного и протчіихъ нашихъ полчанъ говорилъ п. Левенецъ.

26. Тарасъ молодикъ показалъ мнѣ реестръ всѣхъ ижджалихъ коней, итого верховихъ 8, четверенъ 4, дрикгантовъ зхорещенихъ 4, возовихъ и подмолодиковъ 24, зъ Астраханѣ пришедшихъ 12, у Орановского 2, итого всѣхъ 66. Книги пересмотрувалемъ всѣ и знову поскладалемъ, отобралемъ зъ собою 32, а оставилемъ въ скринѣ 69, въ библіотецѣ сюй сторонѣ 144, а въ другой 44, итого всѣхъ 289. Зъ Тулиголовъ черезъ Івана паробка получилемъ на писмѣ вѣдомость отъ Романа старости и Романа слуги, что простой горѣлки

въ походъ мой перегнали 144 носатки, а на досипку уже оковитой горѣлки розійшлося, простой же носатокъ 6 и квартъ 11, зъ простой зась горѣлки 144 носатокъ вийшло, оковитой носатокъ 85 и квартъ 67, къ которой придавши досипку простой, то теперъ въ кухвахъ 8 всѣхъ носатокъ 91 и квартъ 78 оковитой, а простой на оную обернулось 150 носатокъ и квартъ 11, и межи тою оковитою горѣлкою 6 куховъ зъ ганишомъ и мятою, семая кухва на самую мяту, осмая кухва зъ ганишемъ и конвалѣею. Дуплоногу и ковалю сварковскимъ казалемъ дерева на хати зъ Тулиголовъ дати. Ездилемъ ловити рибу въ радіоновскомъ ставу. Панахида по небожчику тестю била у судейской церквѣ.

27. Субота. Хлопецъ за презрѣніе росказання, что не збудилъ до утренѣ, наказанъ. Полонскому далемъ маліовать, чили рисовать дверцѣ. Поехалемъ на службу до ясневелможной и тамъ обѣдалемъ, по обѣдѣ пріехавши, заснулемъ, бо въ головѣ боль былъ. Архипъ сварковскій, мой подданний, посланъ въ Тулиголови, где ему велено, взявши горѣлку, запровадить въ Роменъ въ 26 днѣ, 3 числѣ, помянутую и описанную. Ездилемъ на вечерню до Михайла святаго, а по вечернѣ зъ п. Левенцемъ простоялемъ доволное время. П.п. швакгри тягнули неводъ на радіоновскомъ млинѣ и витягнули риби щучокъ щось и едну болшую щуку.

28. Неделя. Рано Минѣцкій приходилъ зъ обявленіемъ вѣдомости о пріездѣ Девейзбаха Господинъ генералъ- лейтенантъ Девейзбахъ пріехалъ зъ С.П.бурху въ Глуховъ зъ манѣфестами о смерти імператорской, которій сказовалъ: 1, что імператорское величество мѣлъ лежать на ложѣ 15 денъ, а после вложенъ быти въ труну, и послѣднихъ числъ марта погребенъ быти въ церквѣ с. Апостолъ Петра и Павла между обоима синами своими посерединѣ; 2, что освобожденни наша старшина въ С. П. бурху; 3, и что зде будетъ симъ арестантамъ свобода. Былъ онъ по обѣдѣ, генералъ, у брегадира, оттуду у ясневелможной и поехалъ ноччю въ Ахтирку къ князю Голѣцину. Обѣдалемъ у ясневелможной и, отъ генерала позно пріехавши до брегадира, тамъ о моемъ удержаннюся отъ по-

ходу говорилося, и приехалемъ ноччю домой. Орановскій зъ Ромна пріехалъ зъ писмами родителскимъ и п. Семена.

Мартъ 1. Понедѣлокъ. Панъ Скоропадскій и Минѣцкій були рано, и первой, кагве напившись, отехалъ. Полки гварнѣзонніе присягали на вѣрность государинѣ імператрицѣ. Неводничого Кочерувского уговорилемъ здѣлать до воскресенія два неводка, 1 по 6 сажень крило, а другій по 15 и за то дать ему 30 зол. и 10 кварть горѣлки, о чомъ и до старости кучеровского писалемъ, жебы онъ ослабу ему учинилъ. Дворника калюжновского уговорили за годъ дать ему 20 зол. и кожухъ, свиту и чоботи, а годъ ему отъ Филиповихъ запустъ. Черезъ Пулверинского писалемъ до родителя о домашнихъ інтересахъ. Здешнимъ арестантамъ нашимъ всѣмъ, именно Тарнавскому, асаулѣ переясловскому Лукашу, сотнику полковому переясловскому Добронизкому, сотникови полковому нѣжинскому Пѣроцкому, писареви полковому нѣжинскому Минѣцкому, писареви пол. стародубовскому Демяновичу, сотникови бакланскому Антипу, полковому писару полтавскому Богаевскому, тожъ полковому полтавскому асаулѣ Сибилевичу Федору обявлено въ коллегіи малороссійской свобожденіе и отпускъ на поруки, которихъ господинъ брегадиръ Румянцевъ прошлого году взялъ за арештъ и зде осадилъ. П. судіиной енер. Чарнишевой именины отправляли у ясневелможной, где кушалисмо купно зъ брегадиромъ и прокуроромъ. Пріехали въ Глуховъ зъ С. П. бурху Полунѣцкій Іванъ, писаръ пол. чернѣгов. Кришстопенко, сотникъ сенецкій и прочіи служители старшинскіе.

2. Вовторникъ. Дѣдикъ, подданній мой сварковскій, бувши тутъ, оправдался противъ чолобиття вдови новогребелской. Продали кавяръ пудъ по рублю, а заважили зъ бочечкою пудовъ полъ 7. Ездилемъ у городъ и въ церквѣ Іліи Пророка присягу виконалемъ при брегадиру и протчіихъ на вѣрность государинѣ імператрицѣ и подписалемся между бунчуковими на клятвенномъ обѣщаніи, где также правителѣ и протчіе подписивались и присягали. Купилемъ коломійки локоть 11, локоть по 2 зол. и 5 копѣекъ. Обѣдалемъ у ясневелможной и до вечора просидѣлемъ. Дс п.п. судіиной и писаревой отъ ихъ сожителей писма привезени.

3. Середа. Манѣфестъ, чили указъ подъ именемъ государинѣ імператрици публѣкованъ, въ якомъ читани вини, чили погрѣшенія полковника чернѣговского Полуботка и старшини енералной, также и миргородского полковника Апостола описани, и что имъ всѣмъ жить въ С. П. бурсѣ безиздно, а имѣніе имъ движимое и недвижимое возвратить, печатанъ февр. 8; у ясневелможной обѣдалъ, где листъ читанъ п. судіи енер. о присланню туда провіянта, до самой п. судіиной писанній февр. 9. У брегадира у вечеру билемъ и о швакграхъ своихъ просилемъ. У чорномъ платтю началемъ ходить.

4. Четверъ. Рано былемъ у прокурора и о швакграхъ розговорувалемъ. У склену былемъ и вина зъ рознихъ анталовъ понасипалемъ. Кухву пива купилъ господаръ за полъ 6 зол. У Кошелева былемъ и оттоль домой пріехалемъ, где Полунѣцкій и Іванъ писаръ були. Отецъ протопопъ глуховскій билъ у мене и объ Орановскомъ розговорували. Пасѣчнику уздицкому по рахубѣ дача годовая показалась, именно грошей 25 зол., жита четвертей 12, гречаной муки мѣрокъ 12, крупъ гречанихъ мѣрокъ 6, сала каменей 2, соли полтора каменя, риби вялой въ постъ по части, свиту, кожухъ, шапку, чоботи.

5. Пятокъ. Были швакгрѣ у коллегіи, куда и я ездилемъ за нихъ ручитися, того ради, что имъ отпускъ по указу обявленъ. Ездилемъ до Сваркова, где Забарѣ приказовалемъ досадить високой липини, а дробную повикопувать, а Андрѣю теслѣ казалемъ еренжерѣ хати дѣлать и пріехалемъ по павечернѣ въ Глуховъ. Швакгрѣ еще крайней резолюціи о своемъ отпуску неполучили, але на завтрейшій день отложено.

6. Субота. Орановскій и господаръ въ Сварковъ ездили за дѣломъ Орановского зъ суплѣками, насвященство его жъ промуючими. Въ колегіи малороссійской за швакгровъ своихъ Андрея и Якова поручилемся. У ясневелможной обѣдалемъ, где Яснополскій господаръ въ Роменъ мнѣ будку визичилъ. Швагри мои освободились въ колегіи. У брегадира Степана Лукича просидѣлемъ долго въ ночъ, а пріехавши оттуду, засталемъ тутъ ночуючихъ п. п. Тарнавскаго,

АКТЫ

БОРИСПОЛЬСКАГО МѢЙСКАГО УРЯДА

1612—1699 гг.

1.

Борисполькій мѣщанинъ Стефанъ Рѣзникъ продаетъ мельницу со ставомъ въ д. Нестеровкѣ войту Павлу.

Anno 1612, januarij 15 die.

Przede mną Piotrem burmistrzem y przy zupełney ławie urzędu miesckiego Borispolskiego oczewisto stanowszy Stepan Rzeznik miesczanin Borispolsky dobrowolnie zeznał, yż on przedał młynek yz stawkiem, ktory nazywają Nesterowsky[1]). p. Pawłowy woitowy, za kop dwie y za groszy cztery litewskich, wiecznemi czasy.

2.

Грицько Федоровичъ проситъ назначить срокъ Власу для выкупа коня, принятаго имъ, какъ третьимъ лицомъ, въ обезпеченіе исправной уплаты Власу долга со стороны Ивана, Коломійцоваго свояка.

Anno Domini 1612, die 1 aprilis.

Na urzędzie przedemną Fedorem woytem Borispolskim y przy mnie będączemi Pawłem, Stepanem, Harasimem rayczami, stanowszy oczewisto Hriszko Fedorowicz y opowiadanie uczynił na opatrznego Jwana, Kołomiejczowego swoiaka, na tem, iż mu miał spłacic konia, ktorego szacowano u sthu groszach za dług od Ułasza; pozwany Jwan na żałobie iego długu swego własnego odstąpił, ktorego mienił bydz pułkopy groszy, y onego się konia wyrzekł; na czem Hriszka pa . . . . . tne założył, y prosił aby to zapi-

[1]) Нестеровка — деревня остерскаго у. черниговской губ. верстахъ въ 4-хъ отъ м. Борисполя.

sano przy teyże sprawie. Hryszko Fedorowicz prosił o złożenie roku ku odkupieniu tego konia Własowi, na czo urząd rok złożył od dnia dzisieyszego do tygodnia, u gdzie za tydzien nie okupi tego konia, tedy na wpad przepada u Hriszka, a Włas żadney trudnosci o tho mu zadawac nie ma czasy wiecznemi. Czo tho sobie Hriszko dał do xiąg zapisac, y iest zapisano.

3.

Бывшій войтъ Пашко жалуется на шинкаря Фартушнаго, который побилъ и выгналъ на улицу сына жалобщика съ женою, и на Матвѣя десятника, который самого Пашка ударилъ въ щеку.

Року 1614, месеца августа 11 дня.

1) Передо мною Конъдратомъ Сеновичомъ войтомъ Баришпольским, бурмистры и присежными, ставши очевисто Пашко, бывшій войтъ, на Данила Фартушного шинкара тыми словы: ижъ дей и сына моего з жоною и з иншими помочниками побили з двора и на улицу бъючи выгнали, што Пашко светками явне показав, Олексою, бывшимъ бурмистромъ; Олекса признав, же били, и до Стецка коваля Пашко ставив; Данило не схотев. Еднане приняли.

2) Тогожъ часу тотъ же Пашко жаловал на Матвея десятника, ижъ дей побивъ, до чого ся Матвей не знавъ; Пашко ставив светка Стецка коваля, на которого и Матвей призволивъ о полукопья грошей. Стецко ставши перед нами зознав, же дей Матвей Пашка ударив пястю у щоку. Еднане приняли.

4.

Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ продаетъ свою усадьбу за 12 копъ грошей литовскихъ пану Войтеху Зарѣцкому.

Року 1614, месеца августа 12 дня.

Передо мною Кондратом Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ, бурмистры и присежными, ставшы очевисто Грунь Ивановичъ меща-

нин Киевский ку записованю до книг доброволное зознане учинив тыми словы: ижъ дей есми продав подварокъ свой власный, никому не пенный и ни в чом не заведенный, прозываемый Благутинский, пану Войтеху Зарецкому, за певную сумму пенезей, за двонадцатъ копъ грошей литовских, зо всимъ на все, с плацомъ з будованіемъ з огородомъ и што колвекъ естъ засевку у вогородѣ и зо всимъ на все, якъ ся сам в собе маетъ вечными часы, который подварокъ пану Зарецкому заразом поступилом в моц и в держане подав; в чомъ я самъ, жона моя и потомки наши, и жаден з близких приятел наших, пану Войтеху Зарецкому, малжонце его и потомком их, и хтожбы колвекъ тот подварокъ держав, жаднои перешкоды чинити не маем и моци мѣти не будемъ; а хтобы ся вступовати мев и якую перешкоду вышей помененым чинити мев, теды я Грушъ Ивановичъ выше помененый, жона моя и потомки наши в кождого права своим власным накладомъ под виною такъ сумы пенезей 12 копъ грошей шкодъ и накладовъ на вряд и сторону заступоват маем и повинни будем. О што просил пан Войтех Зарецкий, абы то было до книгъ записано—што есть записано.

5.

Мартинъ Тесля въ двухнедѣльный срокъ долженъ заплатить долгъ панiи Бабицкой.

Року 1614, месеца августа 19 дня.

Рок од дня сегоднешнего за недель две Мартинъ Тесля поспол з жоною своею маетъ заплатити две копе грошей литовских, кром накладу, панеи Бабицкой. Што про пaметь до книгъ естъ записано.

6.

Урядъ оставляетъ за Семеномъ Несыномъ ниву, которую оспаривалъ у него Левко Хромый.

Року 1614, месеца августа 20 дня.

Передо мною Конъдратомъ Сеновичомъ войтом Баришполъскимъ, Останомъ, Гринцемъ, Михайломъ бурмистрами, Демком, Да-

нилом присяжными, точилася справа Семену Несыну з Левком Хромым, о ниву у Груздова гумна, которую Семенъ Несын менует своею власною, а Левко также своею, и выоравшы Левко и просо посеяв, через заруку, которую ему Несын заручив, до скрынки местской грошей дванадцать, а на вряд замковый копою грошей; Левко о заруки недбаючи сеяв; Семен Несын показав то людми, же то его нива власная. До которой нивы, для лѣпшей ведомости, посылалисмо присежъного Данила, перед которым признав Лысаковский стадникъ, же тую ниву Семен Несын копав и чистив, а не хто инший, чого объмежъ той нивы сведомъ Семен Борсукъ, Иван Дробница и инших людей немало; которую ниву зоставилисмы при Семену Несыну, яко при его праци власной. Што про пам'ять до книгъ есть записано.

7.

Священникъ о. Стефанъ заявляетъ мѣйскому уряду, что пасынокъ его Панько, несмотря на предшествовавшія судебныя рѣшенія и приказанія подвоеводы, завладѣлъ его дворомъ и полемъ и не хочетъ допустить его до владѣнія собственнымъ его имуществомъ.

Року 1614, месеца сентебра 5 дня.

Постановившися передо мною Кондратом Сеновичом войтом Баришпольскимъ жаловав и оповедав господин отецъ Стефаний священникъ на Панка пасынка своего тыми словы: ижъ дей што есми мев право перед вм. о тую маетность кгвалтовне побраную за слушным показанемъ моим и переведенемъ права за сказанемъ декрету вм., штосте вм. мне наказали, яко мое власное при мне зоставили, што все на писме покажу; он того декрету вм. не принявшы, апелевав, абым до его милости нашого милостивого пана подвоеводего; я с тым декре(то)м вм., ездил есми до его милости пана подвоеводего и показалем его милости тие справы, што его милост, обачившы справы мои правныи, писати рачил до наместника своего пана Осташа, абых я при всем своем зостал, дом, пашню, поля и все што колвекъ моего есть, водлуг декрету наказали, абы мне поступил.

Нижлися и тому Панко пасынок мой спротивив, тоеи маетности моеи мне не поступив, и такъ отповедив: „Хоч горло дам, а не поступлю“. О то просив отецъ Стефаний свещеникъ, абы то было до книг записано—што есть записано.

2) Тот же господин отецъ Стефаний оповедавъ на тогож пасынка своего Панка тыми словы: ижъ дей есми ездив до его милости пана подвоеводего, тамже и Панко быв, и очевисто его милость Панку росказати рачив, абы ми двор мой, зо всею маетностъю вернув, и послати его милост рачив до наместника своего, пана Осташа, абы вернув; теды Панко, яко устному росказаню его милости пана подвоеводего, такъ теды и писаню спроти(ви)в, того двора моего и жадное речы не дав и не поступив. О што господинъ отец Стефаний просив нас, вряду, абы то было до книгъ записано—што ест записано.

8.

Кузьма жалуется на Демидиху за неотдачу овечки, приблудившейся къ ея стаду.

Року 1614-го, месеца сентебра 7 дня.

Передо мною Остапомъ Безбородком бурмистром на тот час на местцу новом будучим, Михайломъ бурмистром, Пархо(мо)мъ и давными присежными, жаловав и оповедав Кузма, на Демидиху, иж овечка моя прилучила ся до овечокъ ее; теды девки мои зпознавши овечку свою межи овечками еи, почали нять, а пастух еи дочкам моим тое овечки поймати не дав: „заплати теды мнѣ лядкиру, бо я вже тую овечку шест дней пасу“. И кгды перед нами став Демидишин зять Дмитро и с тым пастухомъ поведив тыми словы: „ижъ дей тая овечка не межи нашими овечками, але межи Тымошовыми Чоботаровыми, бо дей того Тимоша пастух в тоеж обличье, якъ и нашъ“. То есми правом до пятницы одложили, абы Дмитро того хлопъца поставив.

9.

Урядъ оставляетъ за Тишкомъ Хромымъ ниву, которую самоуправно выоралъ и засѣялъ Войтеховъ братъ Андрей.

Року 1614-го, месеца сентебра 12 дня.

Передо мною Кондратом Сеновичомъ войтом Барышпольскимъ, Остапом, Гринцемъ бурмистрами, Пархомом присежъным, ставшы очевисто Тишко Хромый поведив тими словы: „ижъ што дей есми мев спор о ниву свою власную з Андреемъ, Войтеховымъ братомъ, которую упорне поорав и посеяв“. Мы, вряд, наказали и тую ниву при Тишку зоставили, а Тишко маеть ему одорати его ниве, где ему укажеть, а до нивы Тишковы Войтехъ жадное потребы вечне мети не маеть. Што просивъ Тишко, абы то было до книгъ записано—што есть записано.

10.

Панъ Водвинскій жалуется на пана Ядловскаго за нанесеніе ранъ и грабежъ имущества.

Року 1615, месеца января . . .

Передо мною Иляшом Михаиловичом [1]), началником Баришпольским, а Богданом Сеневичом войтом Барышпольскимъ и при нас будучими, бурмистром, райцы и присяжными на местцу звыклым судовом засѣлими, жаловал урожоный Миколай Водвинский з Барышова [2]), на пана Себестияна Ядловскаго в тые слова: ижъ пан Ядловский, взявшы на себе гнев напротивко мене, за которым зелживости мене не поодноkрот потыкали, и шкод немало поносилом, такъже часу недавного, нанявъшы Яска Щербину козака, направил его дѣвку мою побити; который будучи направеный от пана Ядловъского, а маючи позволене яко од уряду, перенявшы на рѣку идучую Ерынку на улицы, а праве

[1]) Можетъ быть, это позднѣйшій (1637) переяславскій полковникъ Ильяшъ Караимовичъ.

[2]) Барышовъ, нынѣ Барышевка—мѣстечко переяславскаго у. полтавской губ. на берегу р. Трубежа. Въ княжеское время торкскій городокъ Баручъ.

против ворот пана Ядловскаго, окрутне и немилосерне киемъ збил, змордовал, при которомъ збитю и шкод немало почынил, которые готов буду часу права перед его мость паном подвоеводим, любъ тежъ перед его мость паном воеводою, нашим милостивым паном, наказать. Также я самъ, кгдыш ехав до Барышова для пилных потреб своих и кгдым приехав до дому своего, а чуючисе быт велом никому ни въ чом не винъным, былом безпечным, якъ панъ Ядловский не ведат в який способъ взявъшы на мене злый умыслъ, а не чынячи з мене справедливости, што быв винен, але забравшы немало челяди своей, Омеляна слугу своего, Семена Бубянистого а Семена возницу, Олешка мещанина, Стася Зарецкого, праве с понделку на второкъ направивъшы их, абы ме забили, наслав на дом мой, которие нашедшы моцно кгвалтом на дом мой, а заставшы мене, учствивши слуху вашмости, спячого в постели, окруте и немилосердне кийми побили и помордовали; а зоставивши на земли, в избе, на полумерлого, челяд розогнавшы, маетности з дому моего немало побрали и розшарпали, а меновите: пулгак [1]), коштовал десет золотых; ладовница, коштовала чотыри золотых; цѣпка, коштовала осмъ золотых; пояс китайчаный, купленый за мешокъ з грошми, а у ним было десят золотых; ножи, коштовали два золотых; пуяс оправный, коштовал чотыри золотых; хустъка вышита, куплена за два золотых; товалня шовком шыта, коштовала повтора золотыхъ; хустъка безю шита, коштовала повтора золотых; шликъ лисий, хваляндышом крытый, коштовал осмъ золотых; каптан бархановый, коштовал чотыри золотых; перстенков два сребреных, коштовали пултора золотих; листов записов на разные долги, которых . . . . съ тридцат, квитацыи пана Богуша Луцкевича, подстаростего Черкаского; рукавицы, коштовали золотый; на . . . . къ, коштовала дванадцат грошей; стрел з сагайдака взяли два десятки, купленые за два золотых; печат, коштовала золотый. А такъ мы, врадъ, выслухавъшы жалобы Миколая Водвинского, за прозбою оного, на огледане ранъ, придали вижа Пархома присяжного, который огледавши призналъ

[1]) Пулгак=лукъ для стрѣльбы.

ку записаню до книг, иж виделъ есми Миколая Водвинского на твари рана крывавая, на руце левой, вышей локътя рана крывавая, а на нозе левой, на голени рана крывавая, хрибет вес синий, кийми побитый. От которого бою и зраненя неведати, если жив будет. Што мы, уряд, выслухавъши жалобу пана Миколая Водвинского и вижово признане казалисми до книгъ месцъкихъ Барышъполских записат, що записано.

11.

Бывшій бурмистръ Олекса жалуется на Герасима за угрозу его побить.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Остапомъ, Гринцемъ бурмистрами постановивши(с) очевисто Олекса бывшый бурмистр жаловав и оповедав на Гарасыма тыми словы: „ижъ дей наважив на здорове мое и хотѣв мене бит, о чомъ есми и самъ не ведав у Шостака, як бы ажъ мя добрые люде остерегли, аж на завтрее мне сказали“. Якож Олекса заразомъ ставив Миска Товстобабию зятя, который ставшы перед нами поведивъ: „правда дей, панове, же Гарасим мовив на Олексу: небачный чловече, буду тебе бит, а Олекса о томъ не ведав и того не чув“. И еще Олекса ставив брата Гарасимова Андрушка Шостака и Терешка Сахненка и инших людей сторонних, с трох копъ грошей Гарасим не приставляв; тедысмы межи ними положили заруки на его милост пана подвоеводего по сту копъ грошей литовских, а до скрынки местской три коны грошей, еслибы Гарасимъ на Олексу отповедати мел сам через себе и через когос колвекъ. О што нас вряду просив Олекса, абы то было до книг записано и есть записано.

12.

Мисько Слуханъ явился на разборъ дѣла по обвиненію его Грицькомъ изъ Дударкова въ истребленіи собаки.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Перед тым же врядомъ, Миско Слуханъ оповедавъ перед нами тыми словы: „што дей мене Грицко з Дударкова[1]) обвинив о пса, яко бых я мев где задѣть, и зложилисте нам ваша милость рокъ за недѣл две на ден сегоднешний; а иж его немаеш, прошу в. м., абы то было записано“. Мы вряд пилность Мискову казали записати и волным Мискав чинили; а Миску з Грицком право волное зоставили, што про паметь до книг есть записано.

13.

Иванъ, Трохимишынъ братъ, жалуется на Евхима Слесаря за нанесеніе ему побоевъ.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Гринцемъ, Михайломъ, Лавриномъ бурмистрами, Васком, Демком присяжными, ставшы очевисто Иванъ Трохимишин братъ жаловал и оповедал на Евхима слесара о збите и зранене, иж дей мене побив; до чого ся Евхим не знав. Теды Иван ставив довод до Федора Корогода; Федор Корогод поведил, жей я того не сведомъ, хто его бив, одно в мене будучы оповедавъ, и на другого здався, Ярмолу Мацишина; а ижъ Ярмола хворый, посылалисмы Демка присежъного, перед которым Ярмола поведивъ: я дей самъ там небыв, жона моя мне пришедшы казала: шла дей есми зъ Евхимом, и дав мне Евхим шапокъ две и ведро пива, послав мене наперед, и я дей зашла за пани Бабицкой двор, стала и чула есми крыкъ, же там

[1]) Дударковъ—село остерскаго у. черниговской губ.

когос на рынку перле колодкою. Мы, вряд, видечы довод водлуг права послушный, наказалисмы Ивану присегу на ранах на понеделокъ, а кгды присягнетъ, маеть его Евхимъ навезати. Што про паметь есть записано.

14.

Вишенцы забрали сѣно у Евсея Евлашенка, который косилъ его съ позволенія пана Сулимы.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполскимъ, бурмистры и присежъными, ставшы очевисто Евсий Евлашенко бондар, яко на рокъ зложоный напротивко Вишенцов [1]) за одстинене (?) ю сено, чинил пилност од поранку ажъ до вечера и того ся вм. (до) водив писанемъ его мл. пана Сулиминымъ, же тое сено од пана Сулимы [2]) мелъ, которое Вишенци своим меновали; а иж на рок зложоный справедливости Вишенци не стали, на рокъ не прибыли, и жадной ведомости о собе не дали, мы его пилност видечы, од того волным вчинили, и до книг записать казали, што есть записано.

15.

Якимъ присяжный и Левко мѣщанинъ купили что-то (въ рукописи дыра) у Павла.

Року 1617, месеца апреля 12 дня.

Ставши очевисто перед нами судом мѣским, войтом, бурмистрами и присежными зознали тыми словы Якимъ присяжный и Левко

[1]) Вишенцы=жители с. Вишенокъ, нынѣ остерскаго у. черниговской губ. на берегу р. Днѣпра.

[2]) Панъ Сулима, судя по времени, къ которому относится актъ (1615 г.)—извѣстный запорожскій гетманъ Иванъ Михайловичъ Сулима, разоритель Кодака († 1635). Вѣроятно, Сулима получилъ земельный участокъ отъ Станислава Жолкевскаго († 1620), а не отъ Луки, какъ предполагаетъ Лазаревскій (Сулим. Арх., стр. V). Это подтверждается извѣстіемъ Мотыжинскаго Архива, стр. 112—113.

мѣщанин Барышпольский, иж у Павла купили за дви копи и за 10 грошей у мѣсти . . . . . Просили нас, жебы казали записат, що ест записано.

16.

Настя Васчиха, по первому мужу Антипиха, распредѣляетъ имущество, оставшееся послѣ Антипы, между собою и сыномъ отъ Антипы Омелькомъ,

Року тисеча шестсоть тридцать семого месеца марта шостого дня. Перед нами врядом меским барышпольским передо мною Семеном Сезченкомъ войтом на тот часъ будучимъ зъ бурмистрами и райцами одностайне заселыми въ ратушу Барышпольском. Приточилосе справа мещанина нашого Барышпольского Васка Хведоровича з жоною егож Настею, першого малженства Антипихою, то ест о речи спадковые позосталые по смерти небожчика Антипи першого мужа Настиного; теды оны становшы очевисто перед нами врядом меским Барышполским вышей меновaным вчынили роздѣлок вышей менованая Настя Васчиха а першого малженства Антипиха з сыном своим Омелком Антипенкомъ; которого то сына своего Омелка вышменованая Настя Васчиха зоставила въ дому отцевском, который зостал по смерти небожчика мужа моего першого Антипа; до которого дому и поле все, которое небожчикъ Антипъ працею своею розробил, мае спокойне сын мой Омелко ужывати и повинности панские оддавати, тилко помененный сын мой не мае жадное справы до того поля, которое я при собѣ и при теперешнемъ мужу своем Васку зоставую, то есть в кождой руцѣ по два днѣ, так теж и до внесеня моего, которое внесла до мужа своего Васка Хведоровича, то ест вола гнедорыжого и иншое убозство мое, которое працею своею набыла. По смерти моей не мае сын мой Омелко жадное справы до мужа моего Васка мѣти, и не мае ни през жадное право оного позывати вечными часы; тилко помененный сын мой мае вышменованные речы, то ест дом лежачый подле дому Грицка Ходорковского и подле дому Сезчыхи Медведыхи ис полем належачым до того двора,

мае спокойне уживати; волов тры, шкапу шерстю половую при нем же зоставую. Тилкож если лѣтъ доростуть дочки помененное Насти Васчыхи, которыя позоставали по смерти отца своего Антипа, мает Омелко сын Антипов оныхъ з маетности отцевской, которое позостало по смерти отца их Антипа, вывинити (дать вѣно), а болшей жадное справы нихто не мае мѣти, так помененный сын мой Омелко до мене и до мужа моего Васка, яко теж и я сама, Настя, з мужем своим не маемо одно до другого жадное справы мѣти. Што для лепшое вѣри и певности просили нас уряду вышей мено-ваного особы вышпомененные, абы та справа была до книг нинешныхъ мес-ких Барышполских записана. Што мы видечи реч слушную, ка-зали до книг меских Барышполскихъ приняти и записати — што ест принято и записано.

17.

Ходося Иваниха и Лаврынъ Дужченко продали свой дворъ Хведору Чабаненку.

Року тисеча шестсотъ тридцать семого месеца марта дня пет-надцатого.

Перед нами врядомъ меским Барышполским, передо мною Се-меном Сезченком войтом з бурмистрами и райцами одностайне засе-лыми в ратушу Барышполском постановившысе очевисто Ходося Ива-новая вдова и Лаврынъ Дужченко явне, ясне и доброволне ку за-писаню до книг нинешных мескихъ Барышполскихъ признали в тые слова: ижесмы, поведае, продали двур свой никому ни в чом не пен-ный и не заведеный, лежачий подле двора Ивана Панасенка на фол-варку за мѣстом, зовсим, з будованем, с пляцом, з огородомъ и з нивою одною, которая лежит подле футора кгродского, Хведорови Чабаненкови за полшосты копы грошей литовское личбы; до кото-рого дому не мае мѣти помененная Иваниха з братом своим Лавры-номъ, так тежъ и потомкове ихъ, жадное потребы вечными часы, тилко помененный Хведор мае оный двур вышменованый спокойне

ужывати, яко свой власный, и волно оному продати даровати и яко хотѣти тым домом оборочати вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности дали собѣ обе стороне, абы тая справа была до книг нинешнихъ мескихъ Баришполскихъ записана—што естъ записано и принято.

18.

Семенъ Третякъ продалъ свой огородъ пану Денису Матушкевичу.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого м. марта деветнадцатого дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Яковом Терешковичом войтом на тот час будучимъ, а при мне будучыми бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Семен Третякъ мещанин нашъ Барышполский ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешныхъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал огород свой власный, никому, ни въ чом не пенный и не заведеный, лежачий подле двора Гаврыла Бондара и подле огорода Миска Крамара, пану Деонисови Матушкевичу за конъ тры грошей литовскихъ, вечными часы; до которого огорода не мае мѣти поменованный Семенъ Третякъ жадное потребы, ани он самъ, так тежъ и жона его и потомкове его, вечными часы; тилко поменованный Матушкевич мае оный огород спокойне уживати, и волно оному продати, даровати и яко хотѣти тым огородом оборочати, яко своим власным вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности дали собе обе сторонѣ до книг мескихъ Барышполских записати—што ест записано и принято.

Протокулъ справъ судовыхъ поточныхъ мѣскихъ Барышпольскихъ за постановеніемъ Якова Терешковича войта.

19.

Грицько Щавій продалъ свой дворъ Мойсею Старцу.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого месеца марта трыдцатого дня.

На вряде меском Барышполском передо мною Яковом Терешковичем войтомъ з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в

ратушу Барышполском постановившысе очевисто Грицко Щавий, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нинешныхъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал дом свой власный никому ни в чом не пенный и не заведеный лежачий подле двора Миска Белоуса и подле Луцка Дронницы, за полчварта копы литовское, Мойсееви Старцеви вечными часы и не мае мѣти вже жадное потребы до того двора помененный Грицко, ани он сам, так теж и жона и потомкове его вечными часы. Што для памети обу сторонѣ дали до книг мескихъ Барышполскихъ записати—што ест принято и записано.

20.

Игнатъ Сидоренко продалъ половину своей отчины зятю своему Кондрату Яценку.

Року 1637, месеца мая 6 дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполскимъ и при мне будучих бурмистровъ одностайне лави зуполной, ставши очевисто Игнат Сидоренко, мещанин Баришполский, явне ясне и доброволне до книг нинешных меских Барышполских признал в тые слова: ижем, поведае, продал отчизну, половину в дому и в полю, за суму копъ осмъ личбы литовское, свою власную и ни в чомъ никому не пенную, лежачую подле Федка и Андрея Демченка, Кондратови Яценкови приятелеви своему и зятеви вѣчными часы; который то помененый Игнат Сидоренко не мает мѣти жадное потребы, ани теж жона его, ани потомъкове его; тилко помененый Кондрат Яценко повинен уживат у вышпомененой половици, якъ в дому, так теж и в полю; що для лепшое вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг меских Барышполских записат, що ест записано.

21.

Вдова Иваниха Угладчиха отдаетъ комору въ уплату долга мѣйской скрынькѣ.

Року 1637, мая шестого дня.

Я, Яцко Терешкович, войтъ Барышполский, з бурмистрами при мне будучими на тот час, чиню ведомо тымъ моимъ записомъ, иж Иваниха Угладчиха вдова винна будучи до скринки меское грошей готовых полсемы копы личбы литовское, прето вышпомененая Иваниха Угладчиха перед нами врадомъ мескимъ зналас того долгу, ясне, явне и доброволне за помененый долгъ комору, лежачую подле Сапоновои, поручила на потребу мескую вѣчными часы, варуючи себе от ме(не)ного долгу. Просила нас, вряду, абы то было про паметъ записано, що ест и записано.

22.

Урядъ опредѣляетъ считать Яна Янчевскаго свободнымъ отъ обвиненія въ грабежѣ 10 талеровъ у Пуховскихъ козаковъ Савы и Герасима.

Anno 1637, die 7 mai.

Na urzędzie mieyskym Boryszpolskym przy bytnosci urodzonego jego mosci pana Jana Kucharskiego, starosty Boryszpolskiego y Baryszowskiego, przede mną Jakowem Tereszkowiczem woytom Boryszpolskym a przy mnie będącym Pawłu Hryszczenku, Jarmolie Zbolickiemu, Sidorowi Bezborodczenkowi, Omelianowi burmistrami y raycami, iednostaynie zasiadłymi na mieyscu zwykłym w ratuszu Boryszpolskom, stanąwszy oczewisto Sawa y Harasim obywatelie Puchowskie[1]), kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego, y skarzali sie na Jana Janczewskiego obywatelia Boryszpolskiego sługę wielmożnego jego mosc pana podczaszego korąnego pana naszego miłosciwego. a to w te słowa: yż, powiada, panowie urzędowie, ten

[1]) Пуховка—селеніе остерскаго у. на р. Деснѣ.

pomieniony Jan Janczewsky przyiachawszy do nas na podpiłe ludzie siedzących u Icka żyda arędarza Baryszpolskiego, y nas bez dania żadney przyczyny. posiedziawszy z nami y od pasa gotowych peniędzy taliarow dziesienć bitych z chustą oberwał. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy strony żałobliwey pomienionego Sawy kozaka zaporozkiego, ktory mianował przed nami żeby iemu szkoda stała, kazalichmy stronie obwinioney Janowi Janczewskiemu na odwod y żałowanie Sawy kozaka zaporoskiego stanąc; tedy on stanąwszy przed nami urzędem wyszmianowanym powiedział w tę słowa: yżem, powiada, panowie urzędowie ja o tych taliarach, ktore mianuie Sawa kozak obywatel Puchowsky s towaryszem swoim Harasimom kozakiem woyska zaporozkiego. żebym miał od nich wydzirać; tedy ia o tych taliarach nie wiem y nie widziałem ich y od nich nie wydzirał, y nie wiem tego ieżeli byli przy nich peniądze, abo niebyli. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy oboch stron, tak stronie żałobliwey, iako y stronie odporney, schiliwszy się iednostaynie ku prawu pospolitemu, nakazalichmy urzędownie dekretem swoim, aby pomieniony Jan Janczewsky przysięgą sie odwiodł na tym, iako nieodrywał tych peniędzy od Sawy kozaka zaporozkiego y nie znał o nich y nie widział ych dnia wyszmianowanego y roku. A ysz pomienione osoby Sawa y Harasim obywatele Puchowskie kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego na tę rok dla wysłuchania przysięgy Jana Janczewskiego nie stali y pilnować nie chcieli, a pomieniony Jan Janczewsky gotowość swoię do przysięgi uczynił y pilnował według prawa pospolitego do godziny nieszporney. Tedy my, urząd wyszmianowany, wydząc niewinność onego Jana Janczewskiego uczynilichmy wolnym od tey sprawy y niemaią iuż nigdy ni przed żadne prawo y urząd pomienione osoby Sawa y Harasim Jana Janczewskiego pozywac y o szkode swoie wyszmianowane nie maią się nigdy upominać wiecznemi czasy. Co dla lepszey wiary y pewnosci kazalichmy do xiąg mieyskych Boryszpolskych zapisac; co iest zapisano y przyięto.

23.

Миско Москаль продалъ свой огородъ Ивану Демиденку.

Року 1637, месеца мая деветнадцатого дня.

На вряде мескимъ Баришполскимъ передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ на тотчас будучимъ и при мнѣ будучими бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Баришполскомъ, ставши очевисто Миско Москал признал в тые словы мовечи: ижомъ, поведае, продал огород свой власный, никому ни в чомъ не пенный и незаведеный, лежачий подле огорода Хомина, Ивану Демиденку, за певную суму злотых чотыри литовских, до которого огороды не мае мѣти помененый Миско жадное потребы, ани он самъ, ани теж жона его, ани потомъкове его, тилко помененый Иван Демиденко повинен ест оный огород спокойне уживат и волно ему оному продати даровати и як хотечи его обернути яко своимъ власнымъ вѣчними часы; што для лепшое вѣри и певности дали собе обѣ сторонѣ до книг нинешнихъ Баришполских записати, што и ест записано.

24.

Васко Яковенко продалъ свой огородъ Семену, зятю Ветливны.

Року 1637, месеца мая двадцатого дня.

Передо мною Яковом Терешковичом войтом Баришполским, а при мне будучим бурмистром и райцом одностайне заселыми на местцу звыклом в ратушу Баришполском ставши очевисто Васко Яковенко мещанинъ нашъ Барышполский ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал огород свой власный, никому ни в чом не пенный и не заведеный лежачий подле Супруна Медведенка и подле Яска Пасченка за пят копъ грошей личбы литовское Семенови Ветливное зятеви, вечными часы, отдаляючи самого

себе, жоны и потомковъ своихъ, вечными часы, што для лепшое вѣри и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг местскихъ Барышполскихъ записати, што ест записано и принято.

25.

Иванъ Пустовойтенко продалъ свою ниву Ивану Окрайцовому внуку.

Року 1637, месеца мая двадцет третего дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполским, и при мнѣ будучими бурмистрами одностайне заселыми на местцу звыкломъ в ратушу Барышполскимъ, ставши очевисто Иванъ Пустовойтенко мещанин нашъ Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешних меских Барышполскихъ призналъ в тые слова: ижемъ, поведае, продал ниву свою власную никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле Сидора и подле Левковои Шицкого, за певную суму грошей сто личбы литовское, Иванови Окрайцовому унукови, вечними часы, который то помененый Иванъ Пустовойтенко не мает мѣти жадное потребы, ани онъ самъ, ани жона его, ани потомъкове, тилко помененый Иван Окрайцовъ унукъ повинен ей уживат, и волно ему продати, даровати, як хотити оною ниву обернути; што для лепшои вери и певности обѣ сторонѣ дали собе до книг меских Барышполских записати, што ест записано, року и дня вышъменованого.

26.

Мѣщанка Иванiха Смолдыровна продала свою ниву Ивану Чорному.

Року тисеча шестсот тридцатъ семого месеца июня дванадцатого дня.

Передо мною Павлом Грышченком воитом Барышполским, на тот час будучим, а при мне будучими бурмистром и райцами одностайне заселыми в ратушу Баришполском, постановившысе очевисто

Иваниха Смолдыровна мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешних мескихъ Барышполскихъ признала ѣ тые слова: ижем, поведае, продала ниву свою власную никому ни в чом не пенную и незаведеную, лежачую подле нивы панее Карминское и подле нивы Кондрата Накалюжного, Иванови Черному за полчварта золотого вѣчными часы; што для лепшое вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг нинешныхъ мескихъ Барышполских записати, што ест записано.

27.

Уляна Тимошыха продала свою ниву Сергѣю Прасолу.

Року тисеча шестсот трыдцать семого месеца июня семнадцатого дня. Перед нами судом меским Барышполским передо мною Павлом Грышченкомъ войтомъ на тот час будучымъ, а при мне будучыми бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Уляна Тымошыха вдова мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ мескихъ Барышполскихъ признала в тые слова: иж, поведае, продала ниву свою власную, никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле нивы Якова Терешковича и подле нивы Хвеневои на гостынцу [1]) Вышенском за полтретѣ копы грошей литовскихъ, Сергиеви Прасолови мещанинови Барышполскому вечными часы; до которое нивы я, Уляна Тимошыха, не маю мѣти жадное потребы, ани я сама, так теж и потомкове мои, тилко помененный Сергий Прасол мае тую ниву спокойне ужывати вечными часы, и волно оному продати тую ниву и даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною; што для лепшое вѣры и певности просил нас уряду меского абы тое признане было до книг мескихъ Барышполскихъ записано. Теды мы уряд вышменованый видечы устное а очевистое признане Улянино Тимошынино, казали до книг меских Барышпольских записати, што ест записано и принято.

[1]) Гостынець—большая проѣзжая дорога.

28.

Уласъ Швецъ продалъ свою ниву Никону Рымарю.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого месеца июня двадцатого дня. Перед нами судом меским Барышполским, передо мною Павлом Грышченком войтом на тот час будучимъ а при мне будучими Сидорови Безбородченкови, Наумови, Омелянови Полуляхови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившысе очевисто мещанин наш Барышполский Улас Швец, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нинешнихъ меских Барышпольских признал в тые слова: ижем, поведае, продал ниву свою власную, никому ни въ чом не пенную и не заведеную, лежачую подле хутора Верны Сергеенка на врочыщу Ладыжене, Никонови Рымарови мещанинови Барышполскому за коп тры литовских вечными часы, оддаляючи самого себе, жоны и потомков своихъ; до которое нивы я, Улас Швец не маю мѣти жадное потребы, так теж и потомкове мои, тилко помененый Никон Рымар мае тую ниву спокойне уживати вечными часы и волно оному тую ниву продати, даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною. А што для лепъшое вери и певности обѣ сторонѣ просили нас уряду вышменованого абы тое признане было до книгъ меских Барышполских записано; теды мы уряд видечы устное и доброволное признане Уласово Шевцово, казали до книгъ мескихъ Барышполскихъ приняти и записати, што ест записано.

29.

Хвеско Дицковиченко продалъ свой дворъ Роману Сергіевичу.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ семого месеца июня двадцать шостого дня.

Перед нами врядом меским Барышполским, передо мною Павлом Грышченком войтомъ Барышполскимъ на тотчас будучимъ, а при мне будучыми Сыдорови Безбородченкови, Наумови Сергеевичу,

Омелянови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Хвеско Дицковиченко мещанин Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ признал тыми словы: ижем, поведае, продал двор свой власный, никому ни в чом не пенный и не заведеный, лежачий подле Корния Бураченка, за тры копы грошей литовскихъ Романови Сергеевичу мещанинови Барышполскому вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности обѣ сторонѣ просили нас, уряду вышменованого, абы тое признане было до книг меских Барышполскихъ записано, што ест принято и записано.

30.

Панасъ Черняховецъ продалъ свою ниву сыну своему Ивану Панасенку.

Року 1637, месеца августа 4 дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Семеном Колодежным войтом з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Панас Черняховецъ мещанин Барышпольский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ признал в тые слова: Ижем, поведа, продал ниву свою власную, никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле нивы Романовои Хижтя, и подле нивы Хведора Шевця, Иванови, сынови своему, за копъ чтиры грошей литовскихъ, оддаляючи самого себе и других потомковъ своихъ вѣчными часы, тилко помененый Иванъ Панасенко мае спокойне тую ниву уживати вѣчъными часы; што для лепшой вѣри и памяти обѣ сторонѣ дали собѣ до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ записати. Што мы, уряд, видечи устное сознане помененного Панаса Черняховца, казали до книг меских Барышполских записати — што ест записано.

31.

Федоръ Хорошій отдаетъ часть имущества пасынку своему Марку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Передо мною Яцутою войтомъ Барышполским, бурмистрами и присежными, зуполною лавою, ставши очевисто Федор Хорошій и с па(си)нком своим Марком, сознал доброволне перед нами врядом: иж што на моего пасинка отчизны его при мнѣ было, коли матку его брал, теды отдаю корову и вола, овец осмеро, поля на чтыри дни, грошей коп двѣ мает Федор отдати пасинкови; тогды все тот Марко пасинокъ его жадное потребы до отчима и матки свое(е) мѣти не мает и позывати до жадного права вѣчными часы под зарукою на ратуш коп три. О што просили обѣ сторонѣ, абы тая их доброволная угода была до книгъ записана, што ест записано.

32.

Остапъ Ковтунъ продалъ двѣ нивы Филону Ерченку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Ставши очевисто Остап Ковтун зознал доброволне, иж продал нив двѣ своих власных, одна за Воробъевкою[1]) у островѣ, другая у Грицъкова футора Лихоносого, звороты на Логвинову тои нивки. О што просил Филон Ерчинко, абы тые нивы до книг записаны были, што ест записано, вѣчно мает уживати Филон Ерчинко, як свое власное, волно ему продати и даровати, што ест записано и принято.

33.

Криско продалъ свою ниву Митку.

Року 638, месеца мая 20 дня.

Ставши очевисто Криско перед нами врядом меским, войтомъ Яцутою и бурмистрами в ратушу, сознал доброволне, иж продал ниву свою

[1]) Воробьевка—маленькая рѣчонка, протекающая по полямъ д. Кучакова и с. Сулимовки и впадающая въ р. Трубежъ.

власную, никому не заведеную на селищи збоку Денисовои, Миткови за золотых три, отдаляючи отъ себе самого, жоны и потомков и приятелей своих вѣчными часы, волно Миткови уживати як свое власное. О што просил Митко абы то было до книг записано; што ест записано.

34.

Андрей Адаменко и Ясько Яковенко помѣнялись лошадьми.

Року 638, месяца июня 13 дня.

Ставши очевисто на врядѣ меском Барышполским (передо мною) войтом Яцутою и бурмистрами в ратушу, Анъдрѣй Адаменко з Нижина подданый велможного его милости пана гетмана Потоцкого полного, сознал доброволне, иж проминял клячу сивую свою власную волную и не краденую мещанинови нашому Барышполскому Яскови Яковенку, на коня бѣлого; при котором фримарку нашом были люди добрые мещане Яков Процик, Гарасименко для лепшое вѣры и памети. О што просили обѣ сторонѣ, абысми казали до книг записати, што ест записано и принято.

35.

Раздѣлъ имущества между Мискомъ Калужнымъ и Васкомъ Сестричомъ.

Року 638, июля 30 дня.

Перед нами врядом меским Яковом войтом и бурмистрами, Миско Калужный мѣл росправу с приятелем своим Васком Сестричом о отчизну его, которую до сего часу Миско держал з ним посполу лѣт 11, тепер суд наказал, абы Миско отдал клячу сивую, вола гнѣдого, корову с телям перистую, поле все, што его власная отчизна, при Ивану зоставает, свиней двое, свиню чорную и подсвинка; озимины и ярини, што засѣяно тепер, маст Миско Ивану всее пашнѣ четвертую част; кожух новый, чоботы, чукъма бѣлая,

обране новое суконное, сорочокъ 2, портокъ 2, сукна локот 8, сермяга ест при нем. О што просил Миско и Иванъ, абы тая доброволная угода их была до книг записана, же юж Иван Сестричич его жадное потребы мѣти до Миска не маст и позывати под виною на вряд коп 3 грошей до скринки, што ест записано вѣчными часы.

36.

Раздѣлъ имущества между Яковомъ Мулярченкомъ и Фескомъ Олейниченкомъ.

Року 638, месеца июля 30 дня и перед тым же врядомъ.

Ставши очевисто Яцко Мулярченко ис своим шурином Феском Олеиниченком погодилися межи собою с права, наказаного декретом правным, што Яцко держал отчизну его до лѣтъ, а тепер тот шурин его Феско осѣлъ на своей отчизнѣ; то ест, напервѣй отдал коней трое, коров чтыри, вола, свиней шестеро, гусей шестеро, за вола другого коп шест, грошей готових коп пят; комору переставити, шкуру вытяти; жупан синий, боты, панчохи, пояс шовковый и кушак, гаплы штучни, тимец жовтый, пугвици, колца; поле все, што одно отчизны его ест на всѣх руках, при Феску зоставаст; а засѣвок, што ему с права наказано, тилко тое маст забрати, а Яцко при своем зоставает, што ему належит, тогды тепер ведлуг росправы и угоди, Яцко мает ниву ему выискати, што продали на хлѣбъ, а Феско мает дати жита копы двѣ своего. Феско, шурин его, до Яцка жадное потребы и трудности не мает ему у жадного права вѣчными часы; а Яцко до них под зарукою на замокъ копъ десят, а до скринки копъ 3 заплатити каждый з них. О што просили обѣ сторонѣ, абы то было до книг записано, што ест записано для памети.

37.

Иванъ Лазебный продалъ свой огородъ Демку Бубличенку.

Anno domini 1638, Ibri dnia 25.

Przede mną Iacutą woytem Baryszpolskym y burmistrami zupełną ławą stanowszy oczewisto Iwan Lazebny zeznał dobrowolne, iż przedał ogrod swoy własny Demkowi Bubliczenkowi za złt. 3 wecznemi czasy, ma go używac y darowac. O co prosili obie stronie, aby to było zapisano, co iest zapisano dla pamięci.

38.

Цыгане вымѣняли лошадей намѣстнику пану Матушкевичу.

Anno domini 1638, die 28 Sbris.

Przede mną Jacutą woytem Bariszpolskim, urzędem miejskim, burmistrzami zobopolnie zasiadłymi w ratuszu, stanowszy oczewisto cyganie na imie Fesko Grydczyk, drugi Wasił Trykulenko y zeznali temi słowy, że sami frymarczyli dwoie koni, mianowicie konia siwego, bilmo na oku lewym j ucho lewe rozerzniono na wciąż, zywy stryke j w poltrosze, na klacze białą y gotowych złt. 5 przydatku; drugą kliacze bułaną, na oko liewe sliepą na kaftan kyndiakowy bawełniany, gotowych pienędzy złt. 6 j szablie, s panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na ten czas będącym; ktoresmy koni mieli: konia siwego od Iwana Wołoszyna z Dziewicy, kliacze — od Fedora Usa z Niżyna. Pry ktorym frymarku byli ludzie dobri wiary godni: Konraty Pawlęko j Anton Kysiel, Suprun Misiayło, Niczypor Hrynęko. Ktore onych cygand obrowolnie zeznanie iech do xiąg miejskich Baryszpolskich zapisali wiecznemi czasy, co iest zapisano.

[1]) Пунково—озеро на полѣхъ м. Борисполя.

39.

Сергѣй Москаль продалъ свою ниву около Пупкова озера Семену, зятю Свѣтличнаго.

Anno domini 1639. marta 12.

Przede mną Jacutą woytem y burmistrami, stanąwszy oczewisto Serhij Moskal, zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoie własną na Pupkowie [1]) podle niwy o między z Nazarem na cztyry dni y s celyną, co iest iego własnego podle teyże niwy, wiecznemi czasy Semenowi zięciowi Swietliczny za złotych pięc, oddalaiąc sam od siebie, żony y potomkow swoich, ma uzywac iako swoią własną, przedac, darowac. O co prosili obie stronie, aby to było do ksiąg miejskich zapisano, co iest zapisano.

40.

Слабинiха мирится съ невѣсткой своей Карпихой относительно поля.

Anno domini 1639, marca 29.

Przedemną Jakowem woytem Baryszpolskjm j burmistrami zupełną ławą zasiadłymi, stała się ugoda Słabynisie jz niewistką jey Karpową Połaszczyną, a to o polie, ktore dano winym Słabynisie: naprzod iedne od Głębokiego [1]), zwrota iedne na Sakowe a druge na Fomine; druga na goscincu kyiowskim o miedzie nieboszczyka Paszka, trzecia za Worobiowym zworotami na niwe Andrzeiową Deniszękową, tedy ma to Słabynicha używac tych pol, iako swoich własnych, darowac, przedac j na swoich pożytkach mic. A na potym Słabynicha do tey swoiey niewistkj Karpowey żadney potrzeby niema mic wiecznemi czasy y do pol oney należących, by zamą, poszła, to y na potym ma byc wolna zewszystkim od Słabynichy. O co prosili obie stronie, aby ta ich dobrowolna ugoda była do

[1]) Глубокое—село переяславскаго у. рогозовской волости.

xiąg mieyskich zapisana, co iest zapisano dla pamięci. Ona sama potomky j powinne ni maią potrzeby pod zaręką kop dziesięc, ktoby znowu to prawo podniosł napotym.

41.

Пречистенскій священникъ Симеонъ продалъ свой домъ дьяку Александру Трохимовичу.

Anno domini 1639, aprilis 26.

Naurzędzie mieyskim Baryszpolskim przede mną Jakowem woytem, a przy mnie burmistrami zasiadłymi w ratuszu zupełną ławą stanowszy oczewisto ociec Semeon Przeczystensky zobopolnie przyznał do x(iąg) mieyskich w te słowa: iż, panie urzędzie, przedałem dom swoy własny nikomu nie zawiedziony j nie winny panu Alexandrowi Trochimowiczu diakowi swemu, tuż podle siebie, Waskowsky za kop 3 litewskich wieczniemi czasy, oddalaiąc od siebie y przyjacioł swych dalekich y blizkich, wolno mu przedac darowac y na swoy pozytek obracac. jako chcąc. O to prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano, co iest zapisano.

42.

Васко Яковенко продалъ свою ниву Олешку Рубашному.

Anno domini 1639, may 15 dnia.

Przede mną urzędem mieyskim, to iest Jacutą woytem z burmistrzami, stanowszy oczewistą Wasko Jakowenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoie własną nikomu nie zawiedzioną od Kyiowa na wyglądkach między niwamy, to iest z iedney strony Tomilękową a z drugiey strony Jarmakową, Oleszkowi Rubasznemu za złot 2, j gr. 20 polskich wieczniemi czasy, oddalaiąc od siebie żony j potomkow swych j przyiaciel, wolno onemu Oleszkowi używac, przedac, darowac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do xiąg zapisano, co est zapisano dla pamięci wiecznie.

43.

Иванъ Семененко продалъ свою ниву Стефану Напрасннку.

Anno domini 1639, junij 15 dnia.

Przede mną Olieksiiem Hołubniczym nakaznym woytem, a przy mnie burmistrami zupełną ławą zasiadłymi w ratuszu, stanąwszy oczewisto Jwan Semenenko przyznał dobrowolnie, iż przedał niw dwie pod Głębokym, nikomu nie zawiedzione y nie winne Stepanowi Naprasnikowi za złt. 215 wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego, żony j potomkow j powinnych swoich; wolno Stefanowi używac, darowac, przedac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano dla pamiency.

44.

Демянъ Конылепко продалъ свою ниву Ваську Горбаню.

Anno domini 1639, junij 26.

Przede mną Olieksą nakaznym woytem a przy mnie burmistrami Naumem y Niczyporem Bukatą j zupełną ławą, stanowszy oszewisto Demiian Kopyłenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoią własną leżącą za Worobiewką, między futorami Jarmolinym, podle niwy Hawryłkowy, Waskomi Horbanowi za złt 11, wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego, żony, potomkow j przyiacioł swych, wolno Waskowi Horbanowi przedac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano — co iest zapisano.

45.

Сергій продалъ свою ниву Илін Прасолу.

Anno domini 1639, lipca 12 dnia.

Przede mną Olieksiiem nakaznym woytem Baryszpolskim y burmistrami zasiadłymi zupełną ławą, stanąwszy oczewisto Serhy ze-

znał dobrowolnie, (iż przedał) niwe swoie własną, nikomu nie zawiedzioną, za Niesterowką, pod futorem Nesynowym Illiy Prasołowi za złt 5. oddalaiąc od siebie samego, potomkow swoich, żony y przyiacioł, ktoby się miał odezwać, żadney potrzeby do niego miec nie będą wiecznemi czasy, wolno mu używac, przedac, darowac, iako swoie własną. O co prosili obie stronie, aby to było onego zeznanie do ksiąg mieyskych zāpisano, co iest zapisano dla pamięci y co iest przyięto.

46.

Ворончыха продала свою ниву Костюченку.

Anno domini 1639, wrzesnia 20.

Przede mną Jacutą Tereszkowiczem wojtem a przy mnie burmistrem Nawumem j Olieksiiem Hołubniczym w ratuszu, stanowszy ocze(wi)sto Iwanowa Woronczycha przyznała dobrowolnie ku zapisowaniu do x(iąg) mieyskich: iż, panie woycie, przedałam niwe swoie własną, nikomu nie zawiedzioną, podle panske(go) łanu od stawku Zołcowa, Semenowi Kosciuszenkowi za złt. 15 wiecznemi czasy, do ktory niwy nikt nie może mic potrzeby żadny s powinnych moich, bliskich j dalekich. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano—co iest zapisano.

47.

Раздѣлъ имуществъ между Луцкомъ Старымъ и его невѣсткой.

Anno domini 1639, 8 bris 30 dnia.

Przed nami urzędem mieyskim w ratuszu, przedemną Jakowem woytem j burmistrami, stanowszy oczewisto obie stronie, to iest Łucko Stary z swoią niewistką, bywszego syna swego Wasilia po smierci pozostałych potomkow jz żoną, uczynili miedzy sobą ugode, aby napotym mieli żaden z nich prawnego pociągu tak przy blizkich jako y dalekych w tym rozdzielie, naprzod Łuckowi wołow

dwa, owiec 7, swinij dwoie, zbożia krobka 6 wszystkiego, zasiwek kopa 6. dwor w miescie, polia dni 9 na trzy ręce, to mu wolno darowac, przedac j w swoy pożytek obrocic. a ogrodu połowica do używania, a przedac nikomu jnszemu tego ogroda tylko dzieciom niebożczyka syna Wasylia. O co prosili urzędu obie stronie, aby ta ich ugoda była do x(iąg) mieyskich zapisana, co iest zapisano. A napotym aby żadnych turbacyi miedzy sobą nie mieli, pod winą urzędową kop 10 wiecznemi czasy.

48.

Раздѣлъ имущества между зятьями Коленка и его пасынкомъ.

Anno Dei 1640, anuarij 19.

Stanąwszy oczewisto na urzędzie mieyskim Baryszpolskim przedemną Hawryłem nakaznym woytem j burmistrami supełną ławą, Bohdan zięc Kolinkow j Kuzma drugi zięc tegoż, Iwan pasynek niebożczyka Kolinka zeznali dobrowolnie, iż sie stała między nimi ugoda po smierci jégo, co komu przychodziło, tedy żona niebożczyka Kolinka is synem swoim Iwanem pooddawali, co na nich przychodziło Bohdanowi owiec czworo, Kuzmie pięcioro, niwa Kuzmie na połrozrobek, co iuż Bohdan y Kuzma zięcowie y żony ich, tak j dzieci j powinni krewni żadny potrzeby nie będą miec mogli j do prawa żadnego pozywac wiecznemi czasy do żony Kolinka niebożczyka j do syna iey Iwana, pod zaręką kop trzech, ktory by z nich miał onych turbowac. O co prosili obie stronie, aby ich ta ugoda była dobrowolnie do x(iąg) mieyskich zapisana, co iest zapisano.

49.

Раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ярмолы Евфимiей и пасынкомъ ея Герасимомъ.

Anno d(ei) 1640, marta 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j mieyskym a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na tenczas Ba-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.